

Дмитрий Владимирович
Боднарчук

Книга о путешествии
писца Наара

Дмитрий Боднарчук

Книга о путешествии писца Наара

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Боднарчук Д. В.

Книга о путешествии писца Наара / Д. В. Боднарчук — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В книге присутствует несколько сюжетных линий. Одна из них рассказывает о юном писце Нааре, получившем странное задание от своего наставника. Другая посвящена политическим вопросам, связанным с борьбой за власть среди знати обширной Империи. Третья рассказывает о правителе номадов, вторгшихся на земли Империи. Общим фоном повествования является проникновение в мир людей древнего зла и изменения, которые из-за этого происходят

Глава 1. Вторжение

«Шла вторая неделя осады. Крепость могла бы продержаться ещё столько же, но пять дней назад предатель, да покарает его всемогущий Сефер, открыл демонам, что явились под городские стены в обличье звероподобных людей, родники, питающие город. Враг не перекрыл источники, он добавил в них яд, медленнодействующую отраву. Люди начали умирать три дня назад. Сейчас уже многих из тех, без кого я не мыслил своей жизни нет в живых. Я тоже пил эту мертвую воду, но остался жив, не знаю почему. Трупы сжигают на площади, в центре города. Воду из центрального фонтана вычерпали и теперь в нём огромное кострище, погребальный костёр. Иногда его, если пламя слишком разгорается, поливают той самой отравленной водой. Вода, дававшая жизнь, теперь стала орудием смерти. Городские алхимики, пытавшиеся сделать горючий состав с примесью воды для атак на неприятеля, открыли, что вода отравлена. Но противоядия так и не изобрели. Самой тяжёлой утратой была смерть наместника города барона Астала. Человек достойный, талантливый, он был первейшим и сильнейшим защитником города. Городской Синклит передал всю власть князю Хайре, городскому стратигу. Сейчас он полноправный правитель города. Но никто не может сказать, сколько он пробудет в этой должности. Он же тоже пил воду. Мы все пили воду, но никак не понять, отчего одни умирают раньше, а другие позже. Князь много времени проводит на городских стенах, руководит обороной, а на стенах у смерти тоже много работы, много жатвы.

Самое страшное, что у города почти нет надежды. Противник, взяв город, убьёт всех. Кочевники всегда так делают. Они не считают нас, живущих в городах, людьми. Они ненавидят нас просто за то, что мы такие. Никто даже не знает, зачем они пришли под стены нашего города, под стены Таирасса. Об их приближении мы узнали не более чем за сутки. Ох, в животе режь... Может, мой черёд настал? Вода, вода, что же такое? Сначала в Таирасс прискакали дальние дозоры с западной границы, сообщили о неприятеле, а потом потянулись жители окрестных сёл, деревень, хуторов, маленьких городков, не имеющих своих стен для защиты. Кочевники специально оставляли людям жизни, чтобы живых в городе стало слишком много, и мы все начали скорее гибнуть от голода. Мне никогда не забыть ужасный момент, когда покойный наместник города закрыть городские ворота перед очередной толпой спасавшихся от смерти. Многие в тот день барона Астала прокляли. Но я считаю, что он поступил верно. Город не может сохранить всех. Иначе, призванный сохранить жизни, он станет могилой. Тогда никто не знал, что город обречен стать могилой. Часть из беженцев с окраин провинции ушла на восток, в горы. Может, нам тоже было лучше уйти в горы? Теперь-то уж, какая разница. Часть из беженцев осталась, кому-то из них даже повезло и некоторые добрые сердцем горожане под страхом изгнания из города подняли их в корзинах на городские стены. Но подавляющее большинство так и не попало в город, встретив кочевников у стен. И началось страшное... Отцы убивали свои семьи, чтоб они не попали в руки к кочевникам, матери душили детей, дети убивали престарелых родителей. Тех, кто не успел проститься с жизнью до их прихода, кочевники мучили под городскими стенами, стараясь, чтобы они громче кричали и дольше страдали. Город был подавлен. Особенно горячие головы, чистые сердцами, но пренебрегавшие разумом, хотели открыть ворота и наказать неприятеля. Слава Творцу, здравомыслие не покинуло стратига и синклит. Самое страшное, что мы даже не знаем, как откупиться от врага, что им дать взамен наших жизней? Кажется, они просто хотят убить всех и оставить от города руины. Несчастный Таирасс! Великолепные сады, площади, богатые рынки, дворцы, библиотеки, полные редчайших сокровищ, чудесные храмы, школы, университет. Чем мы прогневали Создателя, что Он решил снести наш город с лица земли?» – автор записал эти слова и услышал оживление на улице. Топот ног, крики, в сторону городских ворот кто-то проскакал верхом на лошади. Кочевники собирались штурмовать город. Их инженеры построили стенобитные машины, осадные башни, катапульты, несметное количество осадных лестниц, длинных и крепких. Забили в барабаны, тысячи глоток издали крик и обладатели этих глоток, страш-

ные, хищные, двинулись на стены. Казалось, море или какое-то невиданное чудовище хочет взобраться на стены, проломить их и хлынуть через руины в город, смывая, как морские волны смывают песчаные крепости на берегу, всё на своём пути. К стенам подкатили башни, к воротам подкатили огромный крытый таран. На нём был сконцентрирован огонь оборонявшихся. Таран был похож на гигантский, обтянутый кожей, короб на колёсах. Казалось, его тащат не люди, а исполинских размеров волю, находящиеся там же, в коробе, под прикрытием деревянных щитов и дубленых кож, накинутах на крышу тарана. Наконечник его был выполнен в виде железной головы барана. Этот овен должен был расшибить ворота, выломать их. В таран полетели горящие стрелы, камни, копья, но всё было тщетно, он медленно полз к воротам, к своей желанной добыче. Когда таран дополз, стал ровно по центру ворот, так, чтобы бить между левой и правой створкой, на него удалось сбросить большой камень, который пробил крышу короба и позволил поджечь его. Кочевники принялись тушить таран.

Одну из двух осадных башен удалось разрушить из башенной катапульты ещё до того, как она смогла достигнуть стены, а со второй осадной башни был перекинут штурмовой мостик на городскую стену и по нему номады стали сбегать на городскую стену. Защитникам постоянно приходилось отталкивать штурмовые лестницы вместе с карабкающимся по ним врагом. Пока внимание горожан привлекла осадная башня, номады починили таран и начали ломать ворота. Изнутри ворота подпёрли бревнами, укрепили деревянными и железными плитами. Князь Хайре приказал перевести всех горожан в городскую Цитадель. Жрецы-кагтавы возносили молитвы днём и ночью, в храмах также собралось много верующих, все молили Сефера о пощаде. Постепенно молитвы о даровании спасения сменились заупокойными молитвами, которые живые возносили о самих себе. Безднадёжность положения была очевидна. Атакующих было в десятки раз больше, чем всего населения осаждённого города, не говоря о количестве солдат гарнизона или горожан, способных держать оружие. Было сформировано даже несколько женских отрядов, которые не уступали в яростном бою мужчинам. Но врага было слишком много. Князь, стоя на верхней площадке главной башни крепостной стены, видел вдалеке большой, высокий шатёр небесного цвета, под которым на мягких подушках сидел Хунхар, каган номадов, который взмахом своей украшенной дорогими перстнями, руки, отправил десятки тысяч человек на штурм. И таким же движением руки он мог прекратить бой.

На площадке башни, где находился князь Хаире, это была башня «двух сестёр», стояла мощная катапульта, она должна была сломать одну из осадных башен номадов. Башня всё реальнее становилась угрозой для успешной обороны города. Нужно было попасть именно в башню, не задев стены, к которой башня приблизилась едва не вплотную. Камнеметатели справились. Хотя башня не была уничтожена полностью, но штурмовой мостик и верхняя площадка были снесены. Накал борьбы в той части стен сразу спал. Но вновь усугубилась ситуация у ворот. Часть стены рядом с воротами была разрушена, кочевники тоже использовали катапульты. Когда на стенах продолжался бой, с внутренней стороны ворот время будто замерло. Существовали только удары тарана в ворота. Ух, ух, ух ... Каждый удар сопровождался скрежетом металла и треском древесины. После шестого удара голова овна пробила все преграды и оказалась за городскими воротами Таирасса, однако ворота не были разрушены до конца. Номады пытались расширить пролом, нанеся ещё три удара по краям бреши в воротах. Вместе с этой работой они начали из луков стрелять в солдат, которых видели через пробоину. А кочевники – одни из лучших стрелков среди тех, кто живёт под солнцем. Защитники города оплели канатами голову овна и не давали раскачивать таран. Тогда номады стали сооружать из обломков короба, который прикрывал таран, навес у самых ворот и стали пытаться своим оружием – мечами, топорами, булавами разрушать ворота. Створки ворот были обиты толстыми листами железа, и мечи не могли причинить им никакого вреда. Видя это, кочевники начали разбивать камни стен в тех местах, где к ним крепились дверные петли, крюками они пытались сорвать листы железа, прикрывавшие деревянное полотно створок ворот. Таирасс находился

на плато, что не позволяло противнику атаковать город со всех сторон, а только с нескольких участков. Длинные мощные канаты крепились к воротам, с другой стороны их накинули, на несколько сотен волов и несколько тысяч человек. Погонщики взмахнули плетью, сотники крикнули на людей, каждый человек и каждое животное напряглись, канаты натянулись едва ли не как струны, правая створка ворот закрипела, оглушительно заскрежетала. Будто смерть приветствовала горожан. Наконец, ворота не выдержали, упали с грохотом, израненные, под ударами более сильного врага. И враг, торжествующий, ворвался в город. Задолго до этого, когда ворота были пробиты тараном, князь Хаире понял, что внешний город не удержать, и приказал отводить войска в Цитадель, к уже перешедшим туда горожанам. Город тут же начали грабить. Тех, кто не успел укрыться в цитадели, резали на месте. В городе начались пожары. Женские крики, детский плач, крики озверевших мужчин, дым, пламя, ржание лошадей, – это были звуки падения города. |

Цитадель Таирасса представляла собой огромный замок, с множеством уровней внутри, лабиринтом коридоров и залов. Узкие проходы и крутые лестницы позволяли держать оборону даже небольшому количеству осаждённых, тайные ходы позволяли постоянно беспокоить противника боевыми вылазками. Некогда это была скала, на вершине плато, которую люди превратили в неприступную Цитадель. Немного было крепостей, равной этой.

Огромные залы позволяли сохранять тысячи горожан, Цитадель вмещала в себя запасы воды и провианта, городскую сокровищницу и главный храм. Помещения и коридоры были столь обширны, что в городе существовала специальная должность «Ведающего коридорами Великого дома», как иногда называли Цитадель. Самое главное, что внутри было озеро, небольшой запас воды, который какое-то время мог утолять жажду укрывавшимся в Великом доме. К счастью, это озеро питали источники, неизвестные врагу, так что вода там осталась чистой. Её было немного, тем более, что в Цитадели укрылось слишком много людей, но на некоторое время её должно было хватить.

В шести километрах от Цитадели, под красивым голубым шатром, сидящий на подушках молодой мужчина пил зелёный чай из пёстро раскрашенной керамической пиалы и смотрел на город, который был виден через вход в его шатёр. Мужчина был одет в красный халат из шелка, голову его покрывал белый платок, обмотанный так, что открытым оставалось лишь лицо. Когда он улыбался, виднелись жемчужно-белые зубы, чью белизну подчеркивала густая чёрная борода. Кожа мужчины была смуглой от частого пребывания под Солнцем. Широкий лоб был спрятан под платком, небольшой прямой нос и в меру широко посаженные глаза голубого цвета – таким был Хунхар, каган номадов, повелитель тьмы всадников, сотен тысяч человек, которые внимали каждому его слову. К нему подошёл человек, почтительно поклонился и произнёс:

– Повелитель, внешний город взят. Враг укрылся в цитадели.

В ответ Хунхар некоторое время помолчал, затем сделал глоток холодного кумыса и сказал:

– Они продержались несколько дольше, чем я предполагал. Я даже удивлён. Может быть, из них могло бы что-то получиться выбери они степь или пустыню. Пусть воины грабят город, а когда увидят, что грабить уже нечего, пускай разрушают. Инженерам прикажи к утру разработать план атаки на Цитадель. Халгариды должны проникнут внутрь. Наш человек в цитадели должен будет их встретить. Они помогут ему открыть двери изнутри.

– Да, солнцеподобный. Сию минуту будет исполнено.

Король вышел из шатра, слуга последовал за ним. Солнце садилось на Западе, за спиной правителя, и Таирасс медленно погружался во тьму. К моменту, когда Хунхар вышел на улицу, солнце освещало лишь последний, пятый уровень Цитадели. Будь она ближе, каган рассмотрел бы и кроваво-красный стяг князя Хаире и белый, с золотой скалой стяг города Таирасса. Там, рядом с этими флагами стоял князь, руководивший обороной города. Молодой, тридцати лет

от роду, в кольчуге, красном княжеском плаще, чуть меньше двух метров ростом, русоволосый и зеленоглазый, он был похож на загнанного в угол тигра. Падение внешнего города стало ударом, пускай даже ожидаемым. И всё же Хаире рассчитывал, что город продержится во время штурма хотя бы двое суток. Нужно было выиграть время, чтобы дожидаться помощи из центра соседней, Оринтской провинции, города Оринта, от Великого князя Хаире старшего, который был императорским наместником провинции, комитом. При самых благоприятных условиях, Великий князь мог прийти на помощь городу и своему сыну только спустя семь или восемь дней после того, как из города отправлялся гонец. С вечера первого дня осады нужно было подождать ещё неделю, вернее, продержаться ещё неделю. В цитадели это было сделать проще, чем на стенах внешнего города, но не легко. Тем более что мор от воды продолжался, вопреки всем молитвам священников, порошкам лекарей и специальным составам алхимиков. Люди не верили, что вода в озере Цитадели чиста, так что многих мучила и губила жажда.

Солнце село за горизонт, но Великий дом в ту ночь так и не погрузился во тьму, освещаемый огнём пожарниц Таирасса, города совсем недавно поражавшего своей красотой и богатством.

Глава 2. Начало

Когда в Таирасс начали приходиться первые беженцы с окрестных земель, главный библиотекарь городского книгохранилища, хартофилакс Захарта, приказал перенести самые ценные рукописи и документы в Цитадель, где были специальные хранилища на случай опасности. В залах библиотеки сохранялись тексты и изображения на коже, на бумаге, на дереве, на шёлке, на восковых таблицах, на хлопковых тканях, на глиняных и каменных табличках. Хранились фигуры, статуи с надписями. В определённой мере, библиотека была и городским музеем и одним из главных городских храмов. Ибо в Империи письмо почиталось священным. Перенос артефактов продолжался и во время осады, хранители не хотели доверить эту работу кому-то ещё, кроме своих помощников и самих себя.

Наара, любимого ученика Захарты, оставили сторожить манускрипты в залах Цитадели. Для библиотеки там было отведено три больших зала, следовавших поочередно один за другим. Наар не мог видеть, как проходит оборона города и жадно ловил каждое слово, которое удавалось получить от приносивших рукописи друзей, особенно в день, когда пал внешний город:

– Подогнали к стенам осадные башни. Наши дерутся как львы, но врагов много, очень много. – Говорил один.

– Эти твари подкатили таран, бьют по воротам. Солдаты и горожане укрепляют их изнутри. Страшно мне. – Отдышавшись, сообщал другой.

– Таран удалось заблокировать, и осадная башня была сломана нашей катапультной. Может, Всемилостивый Сефер напишет ещё пару строк в книге наших жизней. – Бодро проговаривал третий.

Эти и многие другие фразы, иногда просто непонятные крики спешащих людей очень волновали Наара, он буквально не находил себе места. Неожиданно, вместе с младшими учениками, носившими книги, свитки и рукописи пришёл сам Захарта, что удивило Наара, хартафилакс собирался быть в здании библиотеки до последнего, руководить спасением рукописей и других вещей. Это юноша знал точно. Старик, Захарта был не молод, совсем не молод, его книга жизни была уже очень толстой и страницы её мелко исписаны, уверенной походкой подошёл к ученику, взял его за плечо и отвёл в сторону. Из кожаной сумки, в которой у него, главного библиотекаря обычно были принадлежности для письма и с которой он не расставался ни на миг, он достал рукопись и переложил её в сумку Наара, висевшую на плече юноши.

– Возьми её и иди на Восток, к морю, к Белому побережью. Никому не отдавай её и не говори, что она у тебя есть. Не бойся и знай, что ты всё делаешь правильно. – Захарта говорил немного быстрее, чем обычно, но отчеканивал каждое слово, уверенно, твёрдым голосом. –

Дойди. Не обещаю, что будет легко. Все ответы ищи внутри себя. Всегда иди на восход большого солнца. Оно укажет тебе путь. Сейчас я открою тебе тайный ход, который выведет тебя за стены Таирасса. Двести метров тебе придется пройти по скалистой тропе. Будь внимателен, там будет очень высоко, но у номадов мощные луки они смогут достать тебя и там, так что не высовывайся, не испытывай Сефера. В конце тропы увидишь вход в пещеру, это будет начало второго тайного хода, он проходит под землёй и выходит на поверхность в горах. Под землёй ты должен будешь идти три дня. Конечно, солнц ты не увидишь, но через равные промежутки пути устроены хранилища припасов, где ты сможешь взять несколько новых факелов и еды.

– Куда вы меня гоните?? Что всё это значит?! Какой подземный ход?! – Наар впервые довольно резко говорил с наставником.

– Наар, у каждого из нас есть предназначение. Но настоящее предназначение о себе человек может постичь только сам. Если я тебе сейчас расскажу, что знаю, то ничего не произойдёт, ты не готов. Ты не справишься. Нужно, чтобы ты сам осознал, что ты должен делать в этом мире в той ситуации, в которой мир оказался. Не думаю, что такой ответ тебя удовлетворил, но другого ответа у меня нет. Ты всегда верил мне, поверь и сейчас. Теперь иди. – Захарта нажал на доску в шкафу с книгами, шкаф уехал в сторону. Нажал затем только ему известные точки на каменной стене, казавшейся монолитной скалой, со скрежетом каменная плита повернулась и в стене появилась щель. Первым в неё просунулся Захарта. Они могли не бояться, что их заметят, в помещении было Гизлемум огня, ведь пожар был реальной угрозой для библиотеки. Он был там из-за крайней необходимости, в другое время использование огня в библиотеке было бы наказано в соответствии с законами Империи. Наар осмотрел то, что мог разглядеть при тусклом свете пары фонарей в большом помещении и пошёл за наставником.

– Это ложный коридор – хартофилакс прикоснулся к каким-то точкам уже на стене этого коридора, и вновь в стене образовалась щель. – А вот это – начало твоего пути.

Наар стоял в полной растерянности:

– Учитель, я Вам верю, но я ничего не понимаю. Я даже не попрощался с родными. Я могу их не увидеть больше.

– Прости меня. Для прощания нет времени. То, что ты делаешь, ты делаешь для всех нас. Я сам всё им передам. Теперь иди. Это то, что ты должен сделать.

Наар хотел ещё поспорить, но в зале стали слышны крики кого-то из младших библиотекарей, искавших хартофилакса. Он буквально втолкнул юношу в коридор:

– С правой стороны в нише в стене найдёшь огниво и факел. Да поможет тебе Создатель.

Плита стала на место. Наар оказался в темноте. Сразу бросился вправо, к стене и через пару шагов действительно нашёл нишу в стене, а в нише кресало, кремь и трут. В пещере было сухо, чтоб трут загорелся, хватило двух ударов кремня о кресало. Тут же было несколько факелов. С зажжённым факелом Наар почувствовал себя увереннее, но страх до конца не ушёл. Юноша пытался открыть дверь в ложный туннель, пытался вернуться. Но как бы он не бил по стенам, на какие бы выступы не нажимал, всё было тщетно. Наар был вынужден идти только вперёд.

Захарта закрыл плитой вход в ложный коридор, нажал рычаг и установил на место деревянный шкаф, огромных размеров, казавшийся столь тяжёлым, что и пятеро крепких ужчин не сдвинули бы его с места. Старик сделал вид, будто рассматривает, перебирает рукописи, в нём хранившиеся. К наставнику подбежал взволнованный младший библиотекарь, тот самый, чьи крики и заставили старца так спешно прекратить беседу с Нааром.

– Учитель, враги пытаются вырвать ворота крюками. Князь Хаире приказал всем укрыться в Цитадели. Мы больше не можем переносить рукописи.

– Закройте здание библиотеки, как можно быстрее завалите все переходы внутри здания и укрывайтесь в Великом доме. – на мгновение старец задумался. – Постой, я пойду с тобой.

Они выбежали из цитадели, бежали так быстро, как только могли, но бежали против толпы горожан, спешащей укрыться в стенах Великого дома. Хартофилакс хотел пробраться к дому Наара, но отбросил эту мысль, едва вышел на улицу. Нужно было спешить в библиотеку, а родных Наара могло просто не оказаться дома. Они могли умереть от воды или укрываться в другом месте, не дома. Вот оно, в конце улицы показалось круглое здание библиотеки. Красивое, облицованное белым мрамором, трёхэтажное строение. На плоской крыше была устроена летняя площадка для занятий. От зноя и дождя учеников защищала открытая беседка, под крышей из красной черепицы, покоящейся на колоннах из розового мрамора. Захарта остановился перед центральным входом.

– Возвращайся. В здании ещё есть кто-нибудь? – он обратился к своему помощнику.

– Не уверен – ответил юноша, опасливо поглядывая в сторону городских ворот. Крики оттуда становились всё громче и всё отчаяние. Было ясно, что они вот-вот будут сломаны. Захарта тоже это увидел.

– Беги в Цитадель. Я пока останусь здесь.

– Но... – ученик в растерянности повернулся в сторону городских ворот, указывая на опасность.

– Я сказал, беги – после этих слов ученик поклонился учителю, поцеловал его правую руку и побежал в убежище. Захарта поднялся по ступеням у входа в Библиотеку, несколько пробежавших мимо окликнули странного старика, который, видимо, не торопился спастись. В ответ хартофилакс только улыбнулся, последний раз оглядел улицу, вошел в здание и закрыл массивные деревянные двери высотой в три человеческих роста. Неспешно пройдя через залы библиотеки и поднявшись по трём лестницам, он оказался на крыше, сел в своё кресло наставника на площадке для летних занятий. Он смотрел на Восток, туда, где сейчас не было солнца, с Востока в то время шла тьма. Он видел городские ворота и защитников Таирасса на его стенах. Вдруг правая сторона ворот покосилась, как бывают косыми двери, сорванные с одной петли. Провисев так меньше минуты створка ворот вывалилась наружу, задев и левую половину ворот. Так они перестали быть преградой для осаждающих. Захарта достал из сумки керамическую бутылочку, величиной с половину ладони, вытащил пробку, закупорившую горлышко, выпил её содержимое, и положил её обратно в сумку. Сделал глубокий вдох через нос и выдохнул ртом. Почувствовал, как начали неметь пальцы рук и ног, холод поднимался всё выше, к коленям и локтям. Тяжелела и кружилась голова, в глазах темнело. Последним усилием облокотил голову на верхний край спинки кресла, мягко выдохнул и перестал дышать. Великий хартофилакс библиотеки Таирасса умер.

Глава 3. Халгариды

Халгариды были хорошо обученными, преданными элитными воинами. Существовали чёрные и серые халгариды. Серые участвовали в битвах, несли вахту у королевского шатра, даже охраняли гарем, хотя и не были евнухами. Чёрные халгариды были незаменимы для выполнения самых сложных задач: они могли пробраться в неприступную крепость, выкрасть или убить кого прикажут, в рукопашном бою без труда победить три десятка обычных вражеских солдат. Их тренировали с детства, они имели поразительно гибкие суставы и могли пролезть в таких местах, где обычный человек не смог бы. И серые и чёрные халгариды были фанатично преданны Хунхару. Халгарид не мог вернуться в стан кочевников с невыполненным заданием. Он должен был либо погибнуть, либо выполнить задание.

Ночью свежие силы кочевников под руководством инженеров стали строить вал из обломков городских зданий, который должен был быть выше первой площадки Цитадели. Так, чтобы с вала можно было захватить эту площадку. К середине следующего дня вал был готов, под прикрытием лучников кочевники начали перебрасывать лестницы на площадку и пытаться захватить её. Бой продолжался до темноты. Как только стемнело, три чёрных халгариды, одетых в лёгкий вариант доспеха защитников Таирасса, пользуясь тем, что осаждённые были заняты

отражением атаки, сумели проникнуть в Великий дом и коридорами пройти к нижним залам, где находилось мирное население. Как ранее было условлено, они стали расспрашивать, не видел ли кто длинноволосую женщину с маленьким смуглокожим ребёнком, мальчиком. Это был условный сигнал. И когда один из горожан ответил им: «Я видел ту, которую Вы ищите» им стало ясно, что это тот, кто им был нужен. Это был кочевник, проникший в город под видом местного крестьянина ещё до начала осады. Дело в том, что стены Цитадели были отделаны мрамором и когда ворота Великого дома, также отделанные мрамором, были закрыты, то узнать, где они находятся, было почти невозможно. Стены крепости местами достигали толщины до шести метров, с вставками сверхпрочного камня хазанита. Словом, крепость нужно было брать изнутри, а не снаружи. Осада могла стоить многих жертв и времени. Огуты, советники Хунхара, предложили ему направить в Таирасс человека, который указал бы потом халгаридам двери, чтобы те открыли их изнутри. Халгариды сделали вид, что взяли этого лысого человека под стражу и куда-то ведут. На самом деле, вёл их он. Выйдя к воротам, один из халгаридов закричал офицеру привратников: «скорее, направьте людей на площадку над первым этажом. Враг едва не прорвался внутрь, мы схватили изменника» – и он толкнул в плечо своего проводника, на что тот свирепо огрызнулся. Офицер поверил, отправил вверх двадцать из тридцати человек охраны и только потом спросил: «Зачем вы привели предателя к воротам? Его нужно доставить к центурионам или в тюрьму. Вы теряете бесценное время». – И обвёл взглядом всех четверых. Ответом на испытующий взгляд был удар клинком, столь молниеносный, что офицер даже не успел пошевелить рукой. Близко стоящие охранники были убиты сразу, стоявшие дальше не сразу поняли, что происходит. Им показалось, что пленник пытается сбежать. В итоге, закричать успел только последний охранник. Но это был не громкий крик. Халгариды бросились открывать двери. Сначала сняли нижнее бревно-перекладину, затем верхнее. Снаружи, в разных местах, недалеко от стен цитадели были сосредоточены группы всадников, они следили за тем, в какой части стены откроются ворота, чтобы ворваться в крепость и блокировать доступ к воротам защитникам крепости, когда те попытаются их отбить. Так и произошло. Лишь только ворота отворились, всадники ворвались на первый этаж Цитадели, за ними пошли пешие воины. Этот прорыв видели солдаты с верхних площадок цитадели, среди защитников началась паника. Врага удалось остановить лишь на четвёртом этаже. К тому времени моральный дух защитников был уже сломлен. Таирасс считался первоклассной крепостью и никто не мог даже помыслить, что внешний город продержится меньше двух недель. Но надежда оставалась – Великий дом. Теперь и он не был спасением. Угнетала мысль о предателе, открывшем ворота. Князь Хаире, глава обороны понимал, как и все окружающие, что сопротивление бесполезно и падение последнего его оплота неизбежно. Но у него были запасы воды и пищи, ещё какое-то время он мог отбивать атаки номадов на четвёртый и пятый уровни крепости. Но что ещё было написано в книге судеб? Нет ли предателей среди его ближайшего окружения? Хаире ждал помощи отца, Великого князя, нместника провинции. Заканчивался второй день штурма, по расчётам, через несколько дней, а может и раньше, если Сефер будет благоволить, должны подойти войска под руководством комита провинции Оринт. Если продержаться до этого времени, то есть шанс остаться живым. Правда, в глубине души, там, где мы храним правду и не тешим себя надеждами, князь Хаире младший очень сомневался, что армия провинции сможет сокрушить несметные полчища кочевников, обступивших крепость.

Глава 4. Подземелье

Наар понял, что дверь не открыть, и путь в Таирасс для него закрыт. Он был зол и несколько раз крикнул. Это был крик отчаяния, когда ясно, что изменить что-то нельзя и есть только один способ действовать. Наименее приятный и понятный. На крик ответило лишь эхо. Медленно, шаг за шагом, Наар пошёл вперёд по туннелю. Идти пришлось около получаса, пока впереди не забрезжил свет. Юноша оставил факел у выхода на длинную скалистую

тропу, по которой ему предстояло пройти. Войск кочевников под трапой не было, но небольшие, совсем малочисленные патрули иногда проходили, Захарта предупредил об этом. Стрелой до этой тропы можно было добить, а ловкий человек мог, не без труда, но мог, забраться туда. Словом Наар шёл по тропе бегом, от одного удобного укрытия к другому, несколько раз едва не сорвался, но преодолел тропу. Теперь перед ним было испытание много труднее: подземный тоннель, ведущий в горы, занимавший три дня пути. В городе, среди подростков ходила легенда о таком подземном ходе, но она считалась только страшной историей, неправдой, выдумкой. Теперь давно забытые истории о подземелье вновь воскресали в памяти. Он облокотился на камень у входа в тоннель и достал рукопись, которую ему передал Учитель около полутора часов назад и ничего о ней не сказал. Рукопись не казалась какой-то особенной. Древняя рукопись, переплёт – доски обтянутые кожей, к нижней доске переплёта прикреплён кусок кожи, который полностью закрывал передний обрез кодекса и, как ремень, крепился на верхней крышке. Это был переплёт «в книжку». Листы книги были сделаны из пергамента. Миниатюры не были выполнены очень искусно, в библиотеке были десятки древних рукописей с куда более красивыми заставками и миниатюрами. Наара несколько удивило, что эту рукопись он видит впервые. Ему был двадцать один год, у Захарты он учился с шести лет и был уверен, что просмотрел все стоящие рукописи. Но эту видел впервые. И текст был записан неизвестным юноше письмом. Незнание злило Наара. Это была одна из черт, с которой он пытался бороться, иногда успешно, иногда нет. Он понимал, что такой гнев просто следствие честолюбия, но взять себя в руки мог не всегда. Юноша захотел швырнуть рукопись вниз, он вдруг подумал, что она стала своеобразной причиной его изгнания из города. Но он справился с собой, положил книгу в сумку, осторожно поднялся, напоследок окинул взглядом надземный мир, небо и шагнул в тоннель. С правой стороны, как и в предыдущем тоннеле, он нашёл нишу, а в нише огниво и несколько факелов. Дорога почти сразу начала уходить вниз, иногда встречались довольно крутые ступени, но чаще приходилось идти по крутому спуску вниз, придерживаясь за стены. Самым большим страхом была потеря факела. Огниво Наар взял с собой. Трут сгорал очень быстро, и факел нужно было сразу к нему прикладывать. Ещё очень настораживало, что становилось холодно. Часа через три спуск прекратился, юноша понял, что он вышел из скалы, на которой стоит Таирасс, скалы Основания, как её называли горожане, и теперь, под землёй движется на восток. В тоннеле стало суше, это позволило передвигаться быстрее. Через какое-то время начал гаснуть факел. Наар приготовился идти вслепую, но, когда факел почти догорел, тоннель расширился и путешественник увидел столы, на которых лежали несколько факелов, кожаные и керамические фляги, пустые, но в пещере тёк подземный ручей с кристально чистой водой, которую Наар сразу набрал в кожаную флягу и повесил себе на пояс. На столах были ещё пара герметично закрытых, щели между крышкой и горлышком были обмазаны глиной, горшков с сухарями и вяленным мясом. Рядом с горшками лежала средних размеров кожаная сумка, в неё юноша переложил содержимое нескольких горшков. Идти стало тяжелее, но это была приятная тяжесть. Наар съел кусок вяленого мяса, благо оно было нарезано маленькими кусками, заел сухарём, запил водой, немного отдохнул и пошёл дальше. Настроение улучшилось. Еда всегда поднимает настроение. Особенно во время путешествия. Конечно, он поверил наставнику в том, что будут такие точки с припасами, но в таких делах всегда хочется самому удостовериться. Три дня под землёй, это долго и чтобы хоть как-то ориентироваться во времени, Наар начал про себя считать. От одного до трёх тысяч шестисот – это один час. Так можно было меньше отвлекаться на мысли, что ты находишься один в подземелье и только Создатель знает, что будет впереди, через сотню метров. Вскоре после пещеры, где стояли столы с провиантом, Наар услышал шум воды. Первой мыслью было, что на встречу ему несётся огромный поток воды, и парень повернул вспять. Отбежав немного, он услышал, что шум воды стал тише. Значит, она не двигалась, по крайней мере, в сторону Наара. Он остановился и неуверенно, как бы крадясь, пошёл обратно, в сторону шума. Шум

всё нарастал, становился громче. Так, Наар оказался перед подземной рекой. Она была удивительна и по красоте, и по силе, которой обладали её воды. Но ещё больше удивление вызывал каменный арочный мост, перекинутый через неё. Мост был узким, около полуметра шириной, балансировать, конечно, не приходилось, но концентрация была нужна высокая, чтобы не свалиться в воду. Едва юноша ступил на него, что-то выпрыгнуло из реки по правую сторону моста и упало в воду по левую сторону моста. Затем ещё и ещё раз. Факел не давал достаточно освещения, чтобы разглядеть, что это. Что-то не смогло упасть в воду и упало на берег недалеко от путешественника. Наар подошёл ближе. На камнях билась рыба в сорок-тридцать сантиметров длиной и пятнадцать-двадцать шириной, у неё были крылья с кожаными перепонками, мощная челюсть с острыми зубами, на месте глаз были серые пятна. По всей видимости, рыба была слепой. Путешественник посмотрел на мост, через который, как стало теперь ясно, прыгали такие рыбы. Он решил подождать какое-то время, может быть, эти твари проплывут дальше. Верить в то, что они будут так прыгать всё время не хотелось. Десять минут через мост никто не прыгал и Наар уже решил идти на другой берег. Тут ровно напротив середины моста выпрыгнула такая крылатая рыба, а за ней вдогонку выпрыгнуло что-то раза в три больше и в полёте, над мостом, схватило рыбу. Наар не рассмотрел, что это было, но и желания узнать не почувствовал. С минуту ещё он постоял перед преградой, и, набравшись смелости, с криком пронёсся по мосту, прижимая к себе сумку и высоко подняв факел. Когда оказался на противоположном берегу, сам испугался своего крика, эхом разнесшегося по подземелью. Через мост никто не прыгал. Путешественник пошёл дальше.

Юноша отсчитал семь часов, прежде чем обнаружил ещё одну пещеру с провиантом, благо он захватил несколько факелов и мог менять их. Он чувствовал себя уставшим и решил в ней заночевать. Может это был и дневной сон, он точно не знал. Засыпать было страшно, ведь у него даже оружия настоящего не было, нож для починки калама едва можно считать хорошим оружием. Но усталость и нервное напряжение сделали своё дело. На каменном полу были постелены доски, на них Наар и лёг, под голову положил сумку с едой, сумку с рукописью и принадлежностями для письма поставил рядом. Юноша сразу уснул.

Пробуждение принесло неожиданные сюрпризы. Открыв глаза, Наар видел ту же тьму, что и при закрытых глазах. В первые секунды он испугался, но затем понял, что просто потух факел. На ощупь он нашёл сумку с огнивом, поджег трут, зажёл новый факел. Наар посмотрел на огонь, и впервые за всю дорогу под землёй ему стало тоскливо. Он вспомнил семью, родителей, братьев и сестёр, пламя огня в домашнем очаге, на котором мать готовила еду, которую он, наверное, больше никогда не попробует. Что с ними всеми теперь? Увидит ли он их вообще ещё когда-нибудь? Потом он подумал о том, куда идёт. Белый берег или Белое побережье Восточного моря, восточная окраина Империи, говорят, что туда несколько лет пути. До сих пор Наар видел лишь одного человека, который там бывал – купец, он был в Таирассе около пяти лет назад. Он даже встречался с Захартой, хотя тот не очень жаловал купцов. Побережье занимало тысячи вёрст, и Наар не догадывался, куда именно ему нужно. И где на побережье он должен найти себя? Да и зачем ему искать себя? Всё ясно, с детства он любил книжную мудрость, готовился стать хранилахов и жрецом-каттавом в храме, изучать и записывать священные тексты. Захарта сам не раз говорил, что Наар рождён для этого. А здесь вдруг что-то совсем новое... Думая обо всём этом он продолжил путь. Юноша подумал ещё о горожанах, спасавшихся в Великом доме. Почему их нельзя было переправить из города через этот же туннель? Тут же он представил себе стариков и женщин с детьми на той скальной тропе, которую он молодой мужчина преодолел не без труда и понял, что пройти по ней большому числу людей, не имеющих хорошей физической подготовки, было бы очень сложно. А привлечь патрули кочевников они запросто смогли бы. Кочевники. Теперь Наар переключился на мысли о них. Они около ста лет не беспокоили Западные имперские провинции. Все были уверены, что время войн с ними прошло. За это время приграничные имперские земли достигли небыва-

лого великолепия. Оринт, Тарин, Парсонтар – столицы западных провинций не уступали, возможно, по красоте и роскоши даже столице империи – великолепному Галиару. Наар в Галиаре не был, как и в Парсонтаре, но Оринт и Тарин его впечатлили. Может, кочевники соблазнились сокровищами этих городов? Или Сефер, великий писец, автор Книги человеческих судеб устал ждать покаяния за многие грехи и послал кару на головы грешников? Обо всём этом юноша мог строить только догадки. За размышлениями он потерял счёт времени. Он уже привык к путешествию под землёй и почти не испытывал тревоги от того, что за его спиной был десяток километров коридоров, заполненных тьмой и ещё не известно сколько вёрст таких же коридоров впереди. Несколько раз он проходил сквозь огромные подземные залы-пещеры, где стены и потолок, а иногда и пол были из горного хрусталя. Свет факела отражался в тысячах мелких стекол, и Наару казалось, что он идёт сквозь пожар. Зрелище завораживало, заставляло останавливаться. Раньше он видел изображение таких пещер, подземных дворцов, только в книжных миниатюрах, например, в большой Парсонтарской летописи. Так он дошёл до второй большой остановки. Она, к сожалению, оказалась в обычной искусственной пещере. Радовало только то, что после этого отдыха он должен был, наконец, выйти из тоннеля наверх, туда, где солнца и звёзды. Проснулся Наар от холода. Хорошо, что факел в этот раз не погас. Наученный прошлым опытом, юноша перед сном зажёг новый, которого хватило бы на дольше. Съел кусок мяса, пару сухарей и запил еду водой, и после трапезы путешественник пошёл дальше. Дорога начала постепенно подниматься вверх, кое-где даже встречались ступеньки. Всё указывало, что скоро должен быть выход. Но только часов через шесть пути юноша почувствовал дуновение ветра. Ветер донёс неприятный запах какой-то гнили. Но что это могло быть? За весь путь не было никакого дурного запаха и только перед выходом на поверхность что-то такое вдруг появилось. Запах то появлялся, то исчезал. Потом стал постоянным и начал усиливаться. В очередной раз, поднявшись по ступеням вверх, Наар почувствовал, что ветер усилился так, будто выход был совсем рядом. От того, чтобы не побежать вперёд останавливала только сильная вонь. Впереди были ещё одни ступеньки. Наар поднялся по ним очень осторожно, свет факела позволил рассмотреть пещеру перед выходом из тоннеля на поверхность. На полу в ней лежали кости диких и домашних животных, обглоданные и с кусками мяса на них. Мясо гнило и издавало ужасный запах. На полу были ключья шерсти и следы от больших лап, отпечатавшиеся в грязи. Кто-то из лесных горных хищников сделал из этой части пещеры укрытие или логово, но сейчас отсутствовал. Свидание с таким зверем ничего хорошего не сулило, Наар решил не испытывать судьбу и не ждать, пока хозяин пещеры вернётся. В руках был факел, им можно было хоть как-то обороняться. Уверенно юноша зашагал к выходу. На свежем воздухе хотелось остановиться и отдышаться, но останавливаться у пещеры было очень опасно, просто глупо. Плюс ко всему, на поверхности, как, оказалось, была ночь, и огонь факела мог быть замечен издали всякому, кто по какой-то причине не спал в тот час. Наар отошёл немного и потушил факел, положив на землю и растоптав. Обе луны, бирюзовая и изумрудная, светили ярко, но в лесу, из-за крон деревьев всё равно было довольно темно. Мрачно. Пройдя пару шагов от того места, где он растоптал факел, Наар почувствовал, будто кто-то за ним наблюдает. Юноша решил, что ему показалось, и пошёл дальше. Он занялся поисками подходящего места для ночлега. Через минуту он услышал, как за ним кто-то или что-то сломало ветку. За время, что он провёл в тоннелях подземелья, его глаза привыкли видеть в темноте, юноша стал осматриваться, вглядываться в темноту. И разглядел. Сначала увидел два красных огонька, это были глаза, затем разглядел огромную волчью голову, массивную шею, огромное туловище и мощные когтистые лапы. Парень понимал, что битва будет неравной и очень быстрой, но убежать не стал. Тем временем волк подходил всё ближе. Справа Наар вдруг увидел второго волка, не меньших размеров, который тоже рычал и двигался в сторону парня. Ещё пара секунд, прыжок, и ему должны будут откусить голову. Но волки, вместо этого, перестали рычать, застыли на месте, а потом и вовсе сели на задние лапы и стали облизывать лапы передние. Наар повер-

нулся, решив не дожидаться, когда волки вновь захотят напасть, и увидел стоявшего за своей спиной мужчину. Видимо, он и стал причиной резкой смены настроения свирепых хищников.

Глава 5. Скит

– Пойдём со мной. – заговорил незнакомец без приветствия. Молча они вдвоём поднимались недолго по узкой тропе вверх, в горы и пришли в скит. Это была большая пещера, служившая храмом, скрипторием и библиотекой. В стенах пещеры были выдолблены семь маленьких пещер, использовавшихся как келии насельниками скита. На улице, вне основной пещеры была вырыта восьмая маленькая пещера, которая была кладовой и хранилищем припасов. В храме на стенах и потолке были изображены тридцать букв алфавита, которыми Сефер, великий писец, создал этот мир из перевозданного хаоса. Каждую из этих букв он вылавливал из вечного изначального океана и записывал на растянутой шкуре поверженного врага – змея Аракта. На противоположной от входа стене был изображён сам бог, в каноническом наиболее распространённом изображении: человек, стоящий за пюпитром и пишущий на пергаменте. Это момент сотворения мира людей. Увидев такое изображение Сефера, Наар подумал про себя, что оно конечно, канонично, но степень этой каноничности зависит от территории, где поклоняются этому богу. Богословы спорят, мог ли стоять бог за пюпитром, когда творил мир или он сидел за столом, а может быть, твердят другие, он сидел на земле, поджав под себя ноги? Впрочем, юноша всегда считал ценность таких вопросов очевидной только для богословов и самого его они не интересовали. Он относил себя к просто верующим и держался тех догматов и канонов, которые провозглашались первосвященником столицы в согласии с первосвященниками других городов империи. Исполнение законов жизни, данных Сефером людям, гораздо важнее, чем знание, как правильно начертать ту или иную букву алфавита священников или алфавита воинов.

– Да продлит Сефер книгу жизни сей обители – поприветствовал Наар остальных монахов, когда его ввели в храм.

– Да не выцветут чернила в книге твоей жизни, путник. – ответил один из монахов, среднего роста, с белыми, как снег, короткими волосами и такой же белой и короткой бородой. – Тебе повезло, что брат Кавэд заметил огонь твоего факела и решил помочь тебе. В последнее время в горах появилось очень много людей с предгорий и с равнин. Они часто становятся добычей диких зверей. К сожалению, ты пока единственный, кого нам удалось спасти. Остальные, завидев зверей начинали громко кричать и пытались убежать. Упокой Создатель их души. Мы решили, что ты один из таких несчастных. Как ты оказался в лесу и почему один? Прости, я не представился. Меня зовут Розир, я настоятель этого скита. Это братья – монахи, насельники скита. – дальше Розир называл имя каждого монаха, в ответ названный кланялся Наару – брат Раммар, брат Кофор, брат Сардон, брат Калам, брат Пергам, брат Кавэд, который тебя спас. – Наар в ответ также каждому поклонился. По знаку настоятеля все сели – Ну вот, теперь рассказывай, откуда ты и почему в последние несколько дней все так стремятся в горы? И как тебя зовут?

Несколько секунд Наар помолчал, не зная, с чего начать, потом сказал:

– Меня зовут Наар. На Таирасс напали кочевники. Когда я покидал город, шла осада. Номадов были несметные орды. Они напали совершенно внезапно, и уничтожали всё на своём пути. Что с городом сейчас, я не знаю. Те, кто не успел укрыться за городскими стенами, как раз пошли искать убежища в горах. Их вы и видели. Вот вся история. – Наар понимал, что сейчас его спросят, почему он один, зачем шёл с факелом по лесу, откуда вообще у него факел? Но ему не хотелось говорить, что он прошёл через подземный ход из города в горы. Нужно было что-то солгать, а лгать парень отчаянно не умел. Монахи слушали внимательно, но на рассказчика не смотрели, смотрели за него.

– Да, – начал Розир. Было, похоже, что он говорит по праву настоятеля, а остальные монахи могли говорить только, если их спросят или в случае крайней необходимости. – Поза-

прошлой ночью мы видели зарево от пожара, оно было и этой ночью. Мы решили, что горит степь или поля крестьян. Пожар в Таирассе казался наименее вероятным. А ты почему оказался один в лесу, в горах?

– Я шёл с друзьями в сторону гор, мы спасались от кочевников, но на нас напали номады. Мы кинулись врассыпную, я спрятался под корнями огромного дерева у дороги. Когда вылез, никого не нашёл. Дальше идти вдоль дороги не решился и пошёл через степь, искал места, где трава повыше. Так я прошёл около трёх дней. Сегодня ночью искал место для отдыха, нашёл какую-то пещеру, в ней воняло, но я решил зайти поглубже, нашёл факел, всё же с огнём легче обороняться от непрошенных гостей, зажгёт его. Огниво у меня было с собой. Вонь никак не позволяла уснуть, решил выйти на свежий воздух. Там споткнулся, уронил факел, решил потушить его, чтобы не вызвать пожар. Потом появились волки, а потом меня спас брат Кавэд. – Да, врать Наар правда умел плохо, придумывал на ходу, говорил неуверенно. В храме повисло молчание, монахи переглядывались друг с другом. В итоге настоятель лишь развёл руками:

– Конечно, история выглядит не очень убедительно, но почему мы не должны тебе верить? – Монахи заулыбались. – Что ты собираешься делать дальше? Куда пойдёшь? – Наар хотел провалиться от стыда, когда понял, что его рассказ не вызвал большого доверия. Но говорить правду по-прежнему не хотел. Благо, на вопрос: «куда он идёт», можно было ответить честно:

– Я иду к Белому побережью Восточного моря.

– У тебя там родные? Тебя ждут в тех местах? Это же очень далеко.

– Да, меня там ждут.

Настоятель решил прекратить расспросы, чтобы не усугублять ситуацию.

– Хорошо, раз так. Что-то мы долго занимаемся разговорами. Кофор – обратился Розир к одному из братьев – дай нашему гостю поесть. Он переночует в твоей келье. Ты сегодня переночуешь в кладовой, вне храма, – в ответ Кофор, высокий сухой аскет с длинной чёрной бородой и чёрными волосами до плеч, поклонился в сторону настоятеля и вышел на улицу, в кладовую, за едой. Юноше даже стало казаться, что монахи вовсе не умеют говорить, только фраза Кавэда «Следуй за мной» внушала сомнение в немоте отшельников. Есть не хотелось, хотелось спать, но отказываться было неудобно. Наар решил, что поест немного и пойдёт спать. Сам Розир с другими братьями вернулся к молитве. Все шестеро стали за попитры и начали переписывать текст. У каждого был какой-то свой текст, своя молитва. Переписывание текста – это вид молитвы, самый почитаемый. Книга также и объект поклонения. Создание книги – священный процесс. В Империи каждый, владеющий письмом являлся – жрецом, их также называют «катавы». Создание новой рукописи, починка старой – всегда священное действие. Письмо позволяет задерживать, запечатлевать, заключать мысль. Увековечивать её. В этом магия письма. Храм всегда является школой и библиотекой. Если есть возможность, при храме существуют мастерские для изготовления бумаги, пергамента, чернил и прочих принадлежностей для создания рукописей. Существовало три разных алфавита, для трёх разных языков. Первым был языком глоттар – он использовался в делопроизводстве и для него употреблялся алфавит зарамкарэв «письмо военных». Им владела низшая прослойка священнического сословия. Они считались священниками, но их задачей была служба не в храмах, а в государственных учреждениях. На имперской службе они могли дослужиться до поста министра, что, однако, не добавляло им престижа в глазах собратьев по молитвенному служению. Вторым языком был траппах – это был основной язык богослужений, для его записи использовали алфавит зарамнер – письмо священников. Его знала основная масса духовенства, на нём писали богослужебные и богословские трактаты, священники могли общаться между собой. Перед посвящением кандидат из низшего духовенства, владевший глоттаром, сдавал строгий экзамен на владение траппахом. Владение этим языком и давало право быть рядовым жрецом.

Был ещё третий язык – сафа записывавшийся письмом зарамлаиер – письмом первосвященников. Как видно из названия им владели первосвященники. На сафа было записано относительно небольшое количество текстов. Большой частью вероучительных и касавшихся права, которому следовали в Эхале. Эхаль – это было название всех поклоняющихся Сеферу, как мирян, так и духовенства. Ходили слухи о существовании какого-то четвертого языка, которым владела лишь верхушка Эхалья не более десяти человек. Но Наар в это не верил. Со временем перестал верить. В это было сложно верить, потому что никто не видел этого алфавита и даже сам Захарта никогда не выражался точно относительно существования этого четвёртого языка.

Тем временем вернулся Кофор с едой и пригласил юношу в свою келью. Она была совсем крошечных размеров. В ней помещались кровать, и стол даже стула не было. Работать за столом можно было сидя на кровати. Наар съел два небольших помидора, половину луковицы, заел хлебом, сделал пару глотков воды, поблагодарил хозяина кельи за угощение, подождал, пока монах всё уберёт и очень хотел узнать можно ли, наконец, лечь отдыхать или нет? В сумке ещё оставалось вяленое мясо и его съесть хотелось гораздо больше, чем овощей, но в скиту, на глаза у монахов, есть мясо Наар стеснялся. Уходя, Кофор закрыл за собой дверь. Келья тускло освещалась светом лучины. Юноша уснул, забыв о еде. Сколько проспал, он не помнил. Сон был крепким, когда так спишь, то не трудно представить, сколько времени могло пройти. Но было очень приятно проснуться в тепле, как показалось Наару. На самом деле в келье не было тепло, там просто было не так холодно, как в подземелье, где приходилось спать до этого. Выйдя из кельи, Наар сразу попал в храм, где монахи то ли продолжали молиться с вечера, то ли начали вновь. Розир, едва увидел гостя, сошёл со своего места и поспешил к нему. Остальные даже не пошевелились.

– Надеюсь, ты хорошо отдохнул. – с улыбкой сказал старик.

– Да, спасибо. Благодарю вас за доброту, Вы не будете против, если я сегодня продолжу свой путь?

– Нет. Тем более что путь твой не близок. Ты уже знаешь, как пойдёшь дальше? Через перевал, дальше на восток, или спустишься на юг, вдоль горного хребта, к каменным столбам, чтобы обойти горы и тогда двинешься дальше на восток? – тут Наар впервые задумался над этим действительно важным вопросом. Дело было в том, что он приблизительно представлял себе путь на восток, к Белому побережью. О многих преградах он не знал, о каких-то слышал всего пару раз. Словом, этот очевидный вопрос его немного озадачил.

Глава 6. Битва у осаждённого города

Третий день осады Цитадели в Таирассе прошёл относительно спокойно. Номады не прекратили штурм, но им не удалось захватить новые уровни цитадели. Алхимикам удалось создать вакцину против отравленной воды.

Враг зверствовал и забрасывал площадки четвертого, пятого уровней головами убитых горожан и солдат. Иногда в этих голова, в их лицах живые солдаты гарнизона узнавали своих близких, родных, друзей. Один солдат, найдя так голову своей жены, бросился вниз, выбрав место, где стояло побольше врагов. Он обезумел от горя и хотел мести. Теперь он встретится со своей любимой. Ночью штурм прекратился. Хаире решил, что Хунхару доложили о приближении военного отряда Оринтской провинции – пятого имперского легиона. Так оно и было. Хунхар готовился к битве у стен Таирасса.

Утром четвёртого дня, Хаире, со стороны юго-востока, там, где за несколько сотен километров раскинулась столица провинции Оринт, увидел движение войска. В центре была пехота, фланги составляла кавалерия. За пехотой шла тяжёлая кавалерия, в необходимый момент она проходила через разрывы в рядах пехоты и наносила по врагу решающий удар. С высоты верхней площадки цитадели было видно, что кочевников в несколько раз больше и эта атака является, если не самоубийством, то точно глупой, с военной точки зрения. Возможно, Хаире Стар-

ший просто недооценил мощь войска кочевников, он сражался в других землях, с другим противником, с кочевниками не сталкивался никогда.

Хунхар послал вперёд конных лучников, великолепных воинов, вызывавших зависть всех соседей. Они могли метко стрелять из седла на полном скаку и наносить значительный урон противнику. В большом количестве они представляли грозную силу. Трудноуязвимые, быстрые, их можно было прогнать, но трудно истребить. Номады выстроились недалеко от скалы, на которой стоял Таирасс. Вернее, это было не построение в том смысле, в каком привыкли строиться отряды имперской армии, огромная масса всадников растянулась на несколько километров в ожидании приказа атаки. Ветер развивал их длинные фиолетовые и жёлтые знамена. Хотя до этой армии было около трёх километров по прямой, младшему князю Хаире казалось, что он чувствует запах человеческого и конского пота, который доносил ветер на вершину цитадели. В Великом доме находилось несколько священников, они начали чертить на стенах текст "Победоносной песни", так они просили Сефера послать победу над врагами. Писать было не на чем, не было ни бумаги, ни пергамента, поэтому они наносили текст на камни. Князь пытался рассмотреть штандарт своего отца, но на таком расстоянии это было невозможно. Блеск брони солдат имперского пятого легиона Оринтской провинции внушал некий трепет и вселял надежду, что эта мощь, пускай не столь многочисленная, окажется сильнее свирепой силы отрядов кочевников. Пройдя ещё около километра, имперская армия остановилась. Младший Хаире рассчитал её размер где-то в тридцать драм, что равнялось примерно тридцати тысячам человек. Армия кочевников должна была с минуты на минуту во весь опор помчаться на врага. Казалось, на несколько мгновений замер весь мир: облака не двигались по небу, рыбы застыли в воде, даже пламя в кострах не двигалось. За рядами легиона среди советников, старших командиров и вестовых, на белом коне сидел Великий Князь Хаире Старший, правитель провинции, имперский комит. Сейчас он сам не знал, что он делает, спасает ли своего сына или защищает доверенную ему императором территорию. Земля под ногами задрожала, а впереди, на месте, где было неприятельское войско, появилась чёрная, как грозовая, туча из пыли поднятой десятками тысяч конских копыт. По сигналу лучники выпустили по несколько стрел в атакующую конницу противника и скрылись за пехотой. Имперская кавалерия на флангах тоже перешла в атаку, но так, чтобы не образовалось зазоров между флангами и центром имперского легиона. Кочевники не врубывались в ряды пехоты, оставляя пространство для маневра, и, хотя пехота атаковала организованной шеренгой, кочевникам удавалось наносить врагу довольно ощутимый урон. По сигналу горна, шеренги пехоты расступились, и в бой пошла тяжёлая кавалерия, элитные части войск империи. Кочевники в центре фронта дрогнули и начали отступать. Князь Хаире Старший решил, что ему удастся разделить вражескую армию надвое и добивать по частям. На самом деле, фронт выгнулся полумесяцем, на флангах кочевники, используя численное превосходство, смяли отряды легиона и замкнули дугу, завершив окружение противника. Великий Князь пытался организовать круговую оборону, но это было бесполезно, в поле не было ничего, что могло защитить от стрел кочевников. Хаире Старший попал в плен, пытаясь выбраться из окружения. Бой продолжался около четырёх часов и закончился едва ли не полным истреблением имперского пятого легиона Оринтской провинции. Младший князь Хаире наблюдал за битвой с верхней площадки цитадели, но помочь отцу не мог никак. Сделать вылазку было возможно, но совершенно напрасно, люди погибли бы, а ситуацию переломить не смогли. В гарнизоне находилось шесть сот человек, в Великом Доме продолжали оставаться ещё около пяти тысяч человек. Даже максимально большой по численности отряд защитников не исправил бы ситуации, наоборот, приблизил только падение крепости. В бешеном бессилии князь Хаире едва не скрежетал зубами, не знал, чего желать отцу, смерти в бою, что казалось наиболее вероятным или бегства, что могло восприниматься, как позор, но всё же сохраняло жизнь и возможность новыми победами затмить

страшное поражение. О возможном пленении отца он не думал. Смерть была в любом случае лучше плена.

К Хунхару, сидящему на вороной кобылице по кличке Бохаргуль, подвели пленного Великого Князя. Его доспех был помят, кольчуга надорвана в двух местах, полы синего плаща наместника провинции рассечены, но достоинство и выдержка, казалось, стали только сильнее от ран и испытаний этой битвы. Князь смотрел на победителя без тени страха или испуга. Хунхар улыбался, едва заметно подняв вверх левый уголок рта и прищурив глаза.

– Здравствуй, Великий Князь Хайре.

– Здравствуй Хунхар. Мне жаль, что я не смог устроить подобающий твоему Величеству приём. Уверен, тебе его ещё окажут, если не я, то другие.

– Коммит, можешь не скалиться, этого никто не оценит. Ты сражался храбро и род твой известен честностью и доблестью. Поэтому я отпускаю тебя. Езжай в столицу, к императору и скажи, что море пустынь и степей всколыхнулось, мы зальём вашу империю, как вода заливают землю.

Комит огляделся:

– Зачем вам это? Вот уже добрую сотню лет между кочевниками и империей не было никакого соперничества, последняя битва, та, которая была последней до сегодняшнего утра, произошла сто восемнадцать лет назад. Что заставило Вас прийти и убивать? Зачем Вам война? – в ответ Хунхар немного помолчал, глядя за горизонт, и ответил:

– Ты правильно сказал, что мы долго жили рядом, жили мирно. Мы, свободные кочевники, вольные с ветром скакать куда угодно, смотрели на вас, жителей империи, на народы, её населяющие, мы жили рядом с вами и постепенно в нас нарождалось и крепло отвращение к вам. Не знаю, как вы этого не замечали. В вас нет тяги к свободе, но лишь тяга к наживе. Наживе любой ценой. Вы слизняки, сидите дома, держитесь за юбки своих жён, вы не мужчины, вы изнеженные бабы. – Так король довольно долго поносил население Империи. Хаире старший внимательно выслушал всё, не пытался перебить. Только когда Хунхар замолчал, коммит ответил:

– Скажи мне, кто вложил в сердце тебе эти мысли и слова в твои уста? – реакцией монарха на этот вопрос была вспышка гнева.

– С чего ты взял, что это не мои слова, что я кого-то послушал? – Голос кочевника стал металлом, гвоздём, которым он будто пытался прибить собеседника к месту, на котором тот стоял.

– Ты восемнадцать лет правишь племенами кочевников. В твоей власти степи и пустыни, по огромным пространствам земли ходят тысячи твоих стад. Почему вдруг сейчас ты почувствовал ненависть к своим соседям? Более того, ведь по согласию между твоими предшественниками, каганами кочевников и нашими императорами, мы нанмали отряды номадов в имперскую армию. И вы служили нам, не считая это позором. – тут Хунхар перебил Великого Князя.

– Довольно. Считай, что мы пробудились ото сна. Иди к своему Императору и скажи, что мы заберём столько земли и людей, сколько посчитаем нужным. Дайте ему коня и припасов в дорогу, – король начал разворачивать лошадь, что ехать к лагерю.

– Постой, – громко, уже в спину уезжающему королю сказал коммит. – У меня к тебе просьба – Хунхар развернул лошадь обратно, мордой к пленнику, сам широко улыбнулся и, не говоря ни слова остановил взгляд на Великом Князе.

– В крепости, ты знаешь, в цитадели Таирасса находится мой сын. Прошу тебя пощадить его.

– Ха, а я решил, что ты проявишь большую силу, и не будешь унижаться такими просьбами. Ты только подтвердил мои слова о вашей слабости. Знаешь, я буду потакать твоим слабостям. Если ты сможешь уговорить его сдать цитадель, я оставлю ему и тебе жизнь. Если он

не согласится, я отрублю тебе голову у него на глазах. Как тебе такая сделка? Ты сам понимаешь, что он не согласится, но решать тебе. – Хунхар перевёл взгляд на громаду Великого дома Таирасса, возвышавшуюся за городскими стенами. Во взгляде пленного князя бушевало пламя ненависти и призрачия. Он ненавидел своего победителя. Ненавидел за своё истреблённое войско, за это отвратительное предложение, целью которого было любованье людским горем.

– Я согласен.

В ответ Хунхар кивнул.

Пленника отправили к Великому дому Таирасса пешком и с непокрытой головой, без оружия. Это тоже было унижением для знатного человека. Перед аркой, которая осталась на месте, где когда-то стояли городские ворота, с него сняли все латы и даже обувь, оставив лишь длинную исподнюю рубаху, привязали к коню слуги кагана, потому что Великий князь считался пленником кагана, и в таком виде, с позором, провели в город. Он бывал в Таирассе раньше, но не мог узнать ни одной улицы, везде были груды камней на месте каменных зданий, чёрные от пожаров, и пепелища на месте деревянных построек. Было несколько зданий, лучше других сохранившихся во время уничтожения города: ратуша, некоторые храмы, библиотека, бани. Их он узнал. Здание Цитадели было видно издалека, оно возвышалось над поверженным городом, напоминая, что враг ещё не везде стал хозяином. У подножия Великого дома, так, чтобы было видно его защитникам, номады топтали копытами лошадей захваченные в битве знамёна имперского легиона. Особенный смех вызывало конское испражнение на знамена разбитой армии, на священные символы, на них изображённые. Коммит видел это и жалел, что не закончил жизнь самоубийством, если не смог умереть в битве. В нескольких местах жгли трупы убитых горожан, защитников города и, отдельно, номадов, погибших при штурме. Внутри Цитадели, на уровнях, захваченных кочевниками, коммита поразило количество запёкшейся на стенах, полу крови. Часто можно было увидеть отрубленные руки или ноги, внутренности, головы. Пленника вывели на площадку второго уровня цитадели. Там было более безопасно, чем на третьей, которую тоже контролировали номады, но там легко можно было погибнуть от стрелы осаждённых. Старший Хаире был связан, рядом было несколько человек конвоя. У него не было шансов сбежать. У сына не было шансов его спасти. Король стоял рядом с пленником, готовясь исполнить обещание.

– Хаире – крикнул коммит, вызывая защитника крепости. Переводчик начал переводить Хунхару с глоттара на олюк – язык кочевников. Прошла минута, но никто не появлялся.

– Хаире – крикнул коммит второй раз. Секунд через тридцать между зубцами на каменном парапете четвертой оборонительной площадки показалась фигура воина. Воин выкрикнул всеми осаждающими ожидаемое, короткое слово: "Отец!". Хаире Старший смотрел вверх, туда, где был его сын.

– Да, мой дорогой сын. Прости, что не смог тебе помочь. Видимо, Сефер считает, что будет лучше иначе. Я должен уговорить тебя сдать крепость, иначе мне сейчас, на твоих глазах и на глазах всех защитников крепости отрубят голову. Я знаю об этом, таков был уговор. – Голос мужчины было похоже, срывается, вот-вот он начнёт плакать. Коммит на мгновение замолчал. – И я заклинаю тебя, каждой буквой священного алфавита, не сдавайся, дерись до последнего – переводчик всю речь переводил совершенно беспристрастно. по его лицу ничего нельзя было сказать о том, что говорит старший Хаире. Но на лице Хунхара всё было видно очень хорошо. Когда он услышал, что именно Старший князь Хаире говорит младшему, тут же подал знак солдатам, те поставили коммита на колени и начали выворачивать руки так, чтобы он наклонил голову вперед. "Сражайся до последнего вздоха" – крикнул глава Оринской провинции и сам склонил голову, демонстрируя мужество смирения перед страшным неизбежным. Хунхар посмотрел вверх, на младшего князя Хаире, достал из ножен тяжёлую саблю и точным мощным ударом отсек пленнику голову. Затем, за волосы, с каменных плит пола и поднял её высоко, демонстрируя своим подданным, а те стали прыгать и плясать в криках

одобрения. Каган протянул саблю в сторону младшего Хаире, жестом показывая "скоро твой черёд". Голову насадили на копье, копье поставили на месте казни. Защитники крепости в отчаянии бессилия начали стрелять в палача и его свиту, но те укрылись за большими щитами, а затем и вовсе покинули место казни. Тело было оставлено лежать на месте, где коммит был обезглавлен. Каган отправился к своим шатрам, инженеры получили приказ готовить очередной штурм Цитадели. Инженеры были наёмниками, знания они получали, в университетах и армиях Империи, Союза вольных городов или в королевствах Юга. Они готовы были воевать на стороне того, кто больше заплатит, но могли и предать, если видели, что в Книге судьбы их господина начинаются чёрные страницы. У номадов были деньги, и они служили им. Вообще, единственный господин наёмников – деньги, именно деньгам наёмники действительно служат. Поэтому нельзя обвинять наёмников в предательстве. Своего настоящего господина – деньги, наёмники не предадут никогда.

Прошла ночь. Ранним утром следующего дня штурм Цитадели был возобновлён. Казались, все племена кочевников собрались, чтобы разрушились последний оплот сопротивления в Таирассе. Инженеры выбрали участок Великого дома и стали насыпать гору обломков из того, что когда-то было городскими постройками, насыпь, так что за два дня насыпь достигла четвертой оборонительной площадки. Кочевники защищали рабочих от стрел щитами и броней из железных пластин. И стрел у обороняющихся оставалось мало, так что стреляли они всё реже, стараясь бить наверняка. Князь Хаире понимал, что силы неравны, падение цитадели – вопрос времени. Но ни он, ни один воин из его отряда не думал о сдаче в плен. Смерть в бою лучше, чем в плену. Когда от насыпи до парапета четвертого уровня обороны оставалось не больше человеческого роста, начался штурм. Штурмовали по всему периметру площадки, защитники ежеминутно отталкивали штурмовые лестницы, рубили руки штурмующих, укрепляли внутреннюю дверь с третьего на четвертый уровень, которую осаждающие пытались выбить небольшим тараном. Однако, силы были слишком неравны, через полтора часа штурма осаждаемые, потеряв три сотни человек, половину гарнизона, укрылись на пятом, последнем уровне обороны цитадели. Племена номадов напоминали единый организм, который по велению своего властителя, монарха, мог совершать любые действия. Ни одна армия в мире не смогла бы так быстро взять Таирасс с его Великим домом. Оказавшись на четвертом уровне, кочевники тут же принялись насыпать камни и мусор для пути на пятый уровень. Нескончаемым потоком с брёвнами и камнями, шли по этой насыпи вверх рабочие, пленные, солдаты. Через несколько часов начался штурм пятой, последней оборонительной площадки. Врага было не остановить, князь с остатками отряда стали кругом в середине площадки, поставив в центре круга флаг князя и белый с золотой скалой флаг Таирасса. После жестокой схватки в живых остался князь и семь его телохранителей. Обессилевших, их взяли в плен. Таирасс пал.

Когда Хунхару доложили, что Великий дом взят, и князь Хаире пленён, он приказал доставить его в королевский шатёр. Когда князя ввели в шатер, и он увидел мужчину, беседующего с молодыми красивыми девушками. Молодой князь не знал, как выглядит Хунхар, но в мужчине Хаире узнал убийцу своего отца и бросился на него с голыми руками. Охрана мгновенно его схватила и поставила на колени.

– Понимаю, ты не рад меня видеть. Но, оцени моё великодушие, я позволил тебе увидеть девушек из моего гарема. А ведь ты не евнух и не халгарид. Хотя бы пока ещё не евнух. – Говоря это каган отщипывал по ягоде от большой, яркой, сочной виноградной кисти на керамическом блюде, расписанном изображениями полевых цветов. Цветы даже казались настоящими, столь искусной была работа мастера. – У меня к тебе один вопрос. Ответь, и я, может быть, сохраню тебе жизнь. Кстати, твой отец, если бы сделал, что я просил, сейчас был бы жив. Не повторяй его ошибок. Где сейчас хартофилакс Захарта? Мы приблизительно знаем, как он выглядит, есть даже люди, которые могут узнать его. Но ни среди живых, ни среди погибших его не опознали. Где он? – в ответ Хаире молчал. – Хорошо, как хочешь – в шатре вдруг из

неоткуда появился человек в тёмно-синем балахоне с очень смуглой кожей и чёрными волосами. Из кожаной сумки на своём поясе он достал маленькую стеклянную бутылочку с синей жидкостью и подошёл к пленнику. Солдаты насильно открыли ему рот и чёрный незнакомец влил туда содержимое бутылочки. После этого князь громко выдохнул, затем вдохнул с присвистом. Глаза его стали цвета мутного стекла, голова повисла на плечах. Незнакомец наклонился к князю и тихо спросил:

– Где Захарта?

– Я не знаю, что с ним сейчас. Последний раз я слышал, что он занимается переносом книг из Библиотеки в хранилища Цитадели. Это было ещё до того, как пали городские стены.

– Где рукопись Пути? – так же тихо и спокойно он задал второй вопрос.

– Я не знаю, где она, я даже не знаю, что это. – незнакомец отошёл от князя, тот повис на руках конвоиров без дыхания.

– Вынесите его. И все – вон из шатра. – крикнул Хунхар, в ту же секунду в шатре никого не осталось. Незнакомец в балахоне произнёс:

– Трижды проклятый старик, Захарта. Ни в библиотеке, ни в хранилищах Великого дома рукописи нет. Я её не почувствовал. Он отправил её из города. Он догадался, что происходит, только во время самой осады, ведь рукопись была здесь. Я точно знаю. Видимо, он всё же нашёл способ отправить её из города. Тайный ход. Из Таирасса должен быть тайный ход. Конечно, если старик не нашёл способ переправить рукопись через осаждающую армию...

– В это я не верю. Это почти невозможно. – Хунхар смотрел на собеседника. Незнакомец откинул правый рукав и на руке его оказался сидящий ворон. Чёрный, как безлунная ночь.

– Ищи дороги и тропы, тоннели, пещеры, гроты. Всё, где может быть тайная дорога из Таирасса. – ворон каркнул и вылетел из шатра.

Хунхар стоял поодаль и наблюдал. Незнакомец сжал левую руку в кулак, потом разжал, как если бы в неё что-то было, бросил на пол. – В шатре вдруг появились десятки мелких пауков, казалось, их становится с каждой минутой всё больше. – Идите, ищите и вернитесь с добычей.

Глава 7. Перевал

– Да, сказал Наар. – Я, правда, не думал, как продолжить путь. Я не знаю дороги, ни через перевал, ни вдоль Западного хребта на юг и далее на восток через каменные столбы. Наставник Розир, Вы могли бы мне посоветовать, как поступить? – в ответ настоятель помолчал секунд десять, потом сказал:

– В обоих случаях придётся непросто. Но в обоих случаях я отправлю с тобой кого-то из нашей братии в качестве проводника. В горах живут дикие непокорные племена. Язычники. Они не так давно перестали нападать на поселения у подножия гор, красть людей, скот, сжигать постройки. Их удалось усмирить благодаря нескольким удачным походам имперской армии, но нрав горцев мягче не стал. Им не известна религия Сефера, они отвергают письменность. Они жгут захваченные книги, если понимают, что их никто не будет выкупать. К ним отправляли нескольких миссионеров, но те пропали без вести. Я думаю, их просто убили. Не удивлюсь, если эти язычники едят людей.

– А каменные столбы? Через них долго идти?

– Сколько идти через них не знаю. До них идти около трёх недель. Можешь пойти дальше на юго-восток и выйти к реке Мозязим. Она течёт далеко на восток, так что часть пути ты мог бы преодолеть на речном судне. Но такое путешествие займёт очень много времени.

– А что там, в Каменных столбах? – долго идти юноша не хотел. Он точно не знал, сколько придётся идти до Белого побережья, но специально увеличивать и без того не маленькое расстояние не хотел. Поэтому предложение дойти до реки Мозязим и по ней двигаться на восток показалось ему очень разумным.

– Ничего. Я не знаю человека, который прошёл бы их насквозь. Это огромные каменные столбы, размером около двухсот метров в высоту и двадцати метров в обхвате у основания. В рассказе «О нестроении в учениках Сефера» говорится, что каменные столбы были великанами, которых Малак, первый ученик Сефера, создал, чтобы одолеть своих братьев, других учеников Создателя. Но последние оказались сильнее и сумели превратить великанов в каменные столбы. Многие в легенду не верят, впрочем, это дело каждого, верить или нет. Но место это люди обходят стороной. Несколько раз власти провинции пытались проложить дорогу через Столбы, но каждый раз, по разным причинам, работы прекращались, едва начавшись.

– Пожалуй, я пойду через горы, так ближе. Тем более что лёгкого пути я не ожидаю в любом случае.

– Ну, не нужно ожидать трудностей, просто будь к ним готов. Вдруг Сефер приготовил для тебя лишь светлые страницы и сейчас ему приходится переписывать их, чтобы не расстроить твои ожидания. – Улыбнулся Розир.

– Да, Учитель, Вы правы. С Вашего разрешения я хотел бы отправиться в путь прямо сейчас.

– Конечно. Проводником для тебя будет Кавэд, раз уж он тебя сюда привёл, он покажет дорогу, как отсюда выбраться. – Кавэд стоял недалеко от разговаривающих, за своим пюпитром. Монах быстро подошёл на оклик. Через пятнадцать минут они с Нааром шли по тропе вверх, в горы.

Наару очень хотелось заговорить с Кавэдом, но он стеснялся. Молчание монахов в ските за эти неполные сутки, что он там пробыл, приучило его к мысли, что монахи, если не немые, то разговаривают очень редко. Но Кавэд сам заговорил первым. От такой неожиданности его спутник даже вздрогнул.

– Как сейчас там, в Таирассе? – Кавэд шёл впереди и говорил не оборачиваясь. Но произносил слова громко и чётко, так, что Наар всё хорошо слышал. Однако не сразу понял, что это говорит Кавэд.

– Простите – это вы говорите? – спросил Наар. В ответ монах рассмеялся.

– Да, я. Кто ещё? Ты решил, что мы никогда не разговариваем? Так и есть, но бывают исключения. Я сам давно ушёл из мира, мне было восемнадцать. Сейчас чуть больше пятидесяти. Некоторых из нас настоятель отправляет иногда в город или в ближайший посёлок за бумагой. Меня никогда за все, больше чем три десятка лет, что я нахожусь в скиту, ни разу не отправляли в посёлок за бумагой. Бумага, это единственное, чего мы сами не делаем. Бумага и кожи для пергамента. Это мы покупаем в поселении недалеко от нас. Я думал, что город меня совсем не интересует. Так оно и есть, но тут пришёл ты и в голове появились вопросы. Словом, как там Таирасс? Я когда-то жил у южной стены, в районе Большой кузницы. Когда-то там жили мои родители. Не знаю, может, они и сейчас там живут.

– Район большой кузницы знаю, хотя бывал там редко. Почему Вы ушли из него, Вы же были, получается, младше меня, когда пришли в скит.

– Да, мне было восемнадцать. А тебе сейчас сколько?

– Двадцать один.

– Да, в твоём возрасте я уже три года как пробыл в молитве и посте, рассуждал о Боге и говорил с лесными животными. Честно скажу, так рано уйти из города в монастырь – это была ошибка. Да, я говорил с лесными животными. Трудно представить, да? Я сейчас тоже говорю и сам не верю. – Тропа была широкой, ветра почти не было. В других обстоятельствах это путешествие можно было бы назвать приятной прогулкой, но у Наара из головы не выходили мысли о горцах-язычниках, от которых неизвестно, чего можно было ожидать, а Кавэд продолжал говорить, это отвлекало юношу от дурных мыслей. – Я с детства любил одиночество и размышлял о творении, Сефере, его Учениках. А город пугал, город опасен, страшен, со многими искусами. Я сейчас понял, что город не столько был опасен, сколько я его сам боялся.

– Ну, если вы будете следовать заповедям Сефера, то разве страшны Вам будут искусства? Нас так учили, нужно исполнять, что написано, и ничего не бояться. Иначе, всем нужно в горы уходить или в леса.

– Нет, я к фанатикам не отношусь, я так не думаю. Не думаю, что всем нужно идти в горы. Хотя сам так сделал. – Монах обернулся и Наар увидел улыбку на его лице. – Может, я слаб слишком, поэтому мне скит подходит. Но всё равно в городе часто бывает, что какие-то правила Эхаля человек принимает, им и следует, а остальные правила, заповеди, не замечает. Такая, половинчатая вера.

– Извините, но Вы же давно покинули город, с людьми, как я понимаю, давно не общались, откуда в Вас ненависть к людям, к тем, кто молится «не так, как нужно»? Ведь в Ваших словах ненависть. Вы сами её можете, и не слышите. – Наар не хотел ссориться, но напряжение начало зародиться и начало возрастать. Юноша сам удивился, откуда он взял эти мысли, что Кавэд не любит людей. Может, он его не так понял. Кавэд не отвечал. – Я Вас не обидел? – Наару стало неловко за сказанные ранее слова.

– Нет, ты говоришь, что думаешь, без лукавства, это самое главное. Люди. Когда-то я, правда, их не любил. Они меня не любили. Считали странным. А я просто больше думал о вопросах, о которых прочие вовсе не задумывались. Первые годы в скиту было трудно. Я даже думал вернуться. Но потом переборол себя. Что бы я там делал?

– О, поверьте, нашлось бы Вам место, не в Таирассе, так в другом городе, их же сотни, больших и маленьких. А теперь и не знаю, что будет со всеми нами. В городе я слышал, что кочевники не щадят никого, людей убивают, деревянные постройки жгут, каменные разрушают.

– Кара божья и нечего здесь спорить – Как-то резко сказал Кавэд.

– Может и так – Наар не захотел что-то возражать. Он устал от постоянного подъёма вверх по тропе, а когда устанешь – говорить не тянет. Около полутора часов ещё прошли, и только потом устроили привал.

– Извини, ты устал, но я не хочу сейчас оставлять обитель надолго. Всякое может случиться. Поэтому спешу. И ещё, можешь обращаться ко мне «на ты». Не такая я важная птица, чтобы ты на «Вы» ко мне обращался.

– Хорошо, как скажешь. Я тоже хотел бы скорее перевалить через горы и двинуться дальше.

– Мы дойдём до ближайшего поселения горцев, но в селение я не войду. Ничего хорошего из встречи монаха и язычника получиться не может. А они закалились в своём язычестве.

– Я бы на твоём месте, всё же, попробовал. Но я не на твоём месте и решать тебе – если раньше нелюбовь монахов к горцам вселяла страх по отношению к язычникам, то теперь Наар даже хотел скорее увидеть этих страшных людей. Он уже не был уверен, что они так ужасны, как об этом говорят насельники скита. Судя по образу жизни монахов, они могли вовсе не видеть этих горцев, поэтому рассказы о жестокости этих людей могли быть простыми легендами, страшными сказками.

– Кавэд, а ты видел горцев? – в ответ проводник несколько секунд помолчал. Затем последовал глубокий вздох:

– Нет, я их не видел.

– И тебе не интересно посмотреть на них?

– Многих грехов я тоже не совершал, но это не повод пробовать их.

– При чём здесь грехи? Просто, зачем тебе рассуждать о людях, которых не видел и о вещах, которых не делал?

– Юноша, ещё несколько таких слов и я поверю, что тебя сочинил для этого мира не всеблагодатный и милостивейший Сефер, но ужасный Малак, источник всякого искусства и кривды. –

Фразу Кавэд произнёс нетвердо, как говорят то, что человек сказать обязан, но не уверен в пользе и смысле того, что говорит. Наар услышал эту интонацию.

– Ты можешь их увидеть и вернуться в скит.

– Настоятель не благословлял мне входить в их селение.

– Ладно, что я тебя уговариваю. Поступай, как знаешь. – Наар первым встал с бревна, на котором путники отдыхали. – Пойдём дальше?

– Пойдём.

Прошли ещё около четырёх часов. Заметно похолодало, воздух стал более влажным, из-за снегов и ледника, которые покрывали вершины гор. Хотя на протяжении всей тропы путники замечали следы диких животных, но самих кабанов, медведей, волков, лосей и других зверей не видели. Чтобы обезопасить себя от неожиданной встречи с ними, путники решили спать на дереве. Ночь оказалась ясная, и Наар долго смотрел на небо, перед тем, как уснуть. Или оно ему, уставшему снилось?

Утром юношу разбудил монах. Кричать в лесу он не хотел, чтобы не привлекать лишнего внимания, как горцев, так и диких животных, поэтому бросал в Наара небольшие камни. Парень не сразу понял, где он проснулся и едва не упал с ветки, но всё же, смог удержаться.

– Далеко ещё до поселения? И как долго ты со мной будешь идти?

– Поселение не далеко. Могли бы и вчера дойти, но не успели до темноты, а ночью по горам ходить не следует. Да и к ночным гостям всегда относятся настороженнее, чем к тем, кто приходит днём.

Действительно, пройдя ещё около двух часов, Наар заметил впереди тонкий столб дыма от домашнего очага. И был несказанно рад, потому что это давало надежду на обогрев у огня. А если Сефер позволит, то и на горячую пищу.

– Ну что, настал момент прощания? – обратился парень к Кавэду, который шёл впереди. Но тот молчал и продолжал шагать. Наар сказал ещё раз:

– Нам пора расстаться, иначе ты рискуешь встретиться с язычниками. Вдруг они тебя, или даже нас, съедят? – С иронией громко сказал юноша. Но монах никак не реагировал.

– Ладно, поступай как знаешь. – и Наар молча продолжил путь вслед за проводником.

Через полчаса подъём прекратился и путешественники вышли на открытую поляну больших размеров. На противоположной её стороне, метрах в двухстах виднелись три высокие башни и два невысоких дома. Из одного из домов и шёл дым. Пока путешественники смотрели на поселение, дым пошёл из дымоходов остальных построек.

– Ты думаешь, ты вот первым мне вопросы такие задал: о людях, о том, что я видел, что не видел. А я их ещё раньше себе задавал. Один из моих любимых текстов для молитвы – текст о сотворении, о сочинении мира. Я его переписываю, молюсь, а сам думаю: "Я же ничего не видел из своей келии. Никакого этого мира". Да, я много гуляю по горам, что-то помню из того, что в городе видел, пока в скит не ушёл. Ещё о людях много думаю. Люди... Ведь это главное творение, сочинение Сефера. Он дал людям способность сочинять, творить, создавать. А я их не знаю. Я переписал десятки текстов по описанию сотворенного мира. Мир есть у меня в голове, но того, что есть на самом деле, я не видел. Тут появляешься ты со своими разговорами, путешествием. Я тебе завидовал, когда ты рассказывал о путешествии из Таирасса к нам. Я не знаю, почему столько лет ждал или боялся. Но сегодня решил пойти посмотреть, что за люди – горцы. Может, они правда не такие страшные.

– А настоятель?

– А что настоятель, он гораздо мудрее, чем может показаться из-за его словоохотливости. Он всё поймёт. Тем более что я не собираюсь идти с тобой дальше. Мне интересно поселение.

– Да, а мне уже показалось, что ты со мной пойдёшь до Белого побережья. В любом случае, я за тебя рад, это смелый поступок. – И оба двинулись к поселению. По виду, башни, высотой в десять метров были предназначены как для проживания, так и для защиты, были такими

укреплёнными жилищами. Основание башен было шире, чем верхняя площадка, кровля, за счёт этого стены получались наклонными. В башне были узкие бойницы. На той стене, которой башня была к ним повернута, Наар насчитал их пять штук. И дома, они имели форму прямоугольников, и башни, были построены из дикого камня и обломков скал, скреплены известняковым раствором. По мере приближения, путешественники рассмотрели также балки межэтажных перекрытий, выступавшие из стен башен. Судя по ним, в одной башне было четыре этажа, в другой пять.

Навстречу и Наару и Кавэду вышли трое мужчин. Они были в чёрных тёплых штанах из плотной шерсти и тёплых куртках такой же материи.

– Всё, вот они нас и съедят – Наар произнёс фразу весело, но было слышно, что это нервное веселье, попытка успокоить себя. Всё же неясно, чего ждать от этих людей.

– По крайней мере, у них нет оружия. Это уже позволяет надеяться на лучшее. – спокойно ответил Кавэд.

– Оружия либо нет, либо мы его не видим. Пусть подойдут поближе. – так просто Наар верить в лучшее не хотел.

Мужчины, правда, оказались безоружными. Чернобородые, с довольно большими, но в то же время красивыми носами и светлой кожей, они не пугали, но и не располагали к себе. Оружия с ними действительно не было.

– Мир вам. Зачем вы сюда пришли? – По первым же фразам было ясно, что горцы настроены, в крайнем случае, не враждебно, но на глоттаре говорили с акцентом.

– Я хочу идти через горы, дальше на восток. – Каждую свою фразу Наар подкреплял жестами. Слушал его только один из троих горцев, а потом он же что-то рассказывал своим друзьям. Должно быть, переводил услышанное.

– А, перевал, это дальше на восток. Проходите за мной – горец замахал руками в сторону одной из башен.

– Меня зовут Наар, а это мой друг Кавэд. – Кавэд смущался, по всему было видно. Улыбался, но ничего не говорил. Было непонятно, услышал горец имена путешественников или нет. Монах обратился шёпотом к Наару:

– Ты зачем к нему домой идёшь? Спросил бы дорогу, как дальше идти и всё. Зачем домой? – Монах немного нервничал.

– Ну, давайте, скажите ему сами, что мы не пойдём к нему домой. Глоттар он понимает вполне сносно. К тому же, не знаю, как Вы, а я замёрз и хочу обогреться у очага. А у него дома, я уверен, очаг есть и, наверняка, на нём сейчас готовится пища.

– Дёрнуло меня пойти дальше, чем следовало. Не иначе Малак сочинил и тебя и этих людей. – Разговор вёлся тихими голосами, иначе не ясно, какой была бы реакция гостеприимного горца. Когда путники вошли в башню, то на первом этаже увидели хлев. К счастью, там задерживаться не пришлось, по бревну с вырубленными заступами, так оно походило на своеобразную лестницу, путешественники поднялись на второй этаж. Это, по всей видимости, был жилой этаж. Там находилась искусно сложенная печь, которая отапливала всю башню. На этом же очаге готовили. Рядом с очагом сидела пожилая женщина, которая, перебросившись с мужчиной, тем, что встретил Наара и Кавэда, парой фраз, налила им в глиняные миски какой-то тёплой похлёбки и даже бросила туда по куску мяса. Впрочем, свой кусок Кавэд не без опаски переложил Наару. Монах не поступился обетами, что юноша про себя отметил и не стал сопротивляться. А мясо монаху есть нельзя. «Может, Кавэд прости побоялся, что мясо человеческое?» – подумал про себя Наар и улыбнулся. Хотя бульон монаху пить пришлось, совсем отказываться от еды было бы оскорблением.

– Спасибо, очень вкусно, мы вам очень благодарны. – Громко и четко сказал Наар, показывая на миску с едой.

– Не за что. Таков закон. Друг другу нужно помогать. – С улыбкой ответил мужчина, которого путешественники негласно стали звать «хозяином» башни. Теперь Кавэд поймал на себя на мысли, что он ест, но думает, не ест ли он бульон из человечины, но гнал эти мысли прочь, иногда хмурясь.

– Зачем вы так далеко зашли? Здесь жители равнин бывают редко. – Мирный тон горцев настраивал всё больше на спокойный лад.

– Я иду к Белому побережью, а это – Наар ткнул пальцем в сторону Кавэда, – мой проводник по горам.

– Проводник? – хозяин засмеялся, в углу тоже кто-то засмеялся, но было не ясно, ребёнок это или молодая девушка. Потом мужчина добавил. – Меня зовут Алоин. Это мой дом.

– Спасибо, мы благодарны. Меня зовут Наар, это мой друг Кавэд. Нам нужно дальше, на восток – ещё раз повторил Наар.

– Опасно. Там много лавин, можно погибнуть. – Лицо горца стало очень серьёзным.

– Но нам очень надо. – Наар говорил, а сам даже удивлялся: «Почему очень надо? Зачем спешить? Куда?».

– Дело твоё. – развёл руками Алоин – Когда пойдёте?

– Чем раньше, тем лучше. Можно сейчас.

– Можно. – Заулыбался хозяин башни.

– Нужно ему что-то подарить – на ухо Наару шепнул Кавэд.

– Хорошая идея, но что? У меня ничего такого нет.

– У меня есть небольшая рукопись. Совсем небольшая. Может её? Вдруг он сможет уверовать?

– Вот это уже идея не очень. Если они язычники, то твоя рукопись им ни к чему – шепотом отвечал Наар.

– И всё же я попробую. – сразу после этих слов монах порывлся в карманах, засунул в правый руку по локоть, потом в левый руку по локоть и достал маленькую бумажную рукопись, размером с ладонь в кожаном переплёте. – Вот. Это алфавит зарамиер. Он меня оберегает от всего дурного. – и благоговейно протянул рукопись на вытянутой руке Алоину. – Возьмите, дар. Пусть теперь алфавит и вас оберегает. – Алоин учтиво поклонился и принял рукопись в обе руки. Будто он и не язычник вовсе, а чтит заветы и законы великого Сефера.

– Спасибо. – почти без акцента произнёс Алоин. Тут же к нему подошла молодая девушка и забрала книгу. Мужчина показал на неё кивком головы: «Илара – моя дочь». Было видно, что он горд своей дочерью и почти хвастается её перед гостями. Это она смеялась в углу, когда услышала, что Кавэд – проводник по горам. Дочь забрала подарок и быстро вернулась в свой угол. Кавэд всё ждал, когда же Алоин начнёт хулить религию Сефера, но тот всё не начинал.

– Сейчас в горах туманы и ледники, по горам ходить опасно. – Ещё раз предостерёг путешественников хозяин башни.

– Хорошо, но я всё равно пойду. Мне нужно идти. – Наар отставил миску с едой. Она была пуста. – Мне нужно в Сариаг.

– Ты хочешь идти один? – взгляд горца выражал то ли восхищение, то ли непонимание, то ли удивление. – А проводник? – Алоин посмотрел на монаха. Кавэду стало неловко. Он не хотел, чтобы думали, что он бросает путешественника.

– Я не могу идти дальше. Я монах, должен вернуться в скит. Понимаешь? Меня не отпустили дальше. – Это была новая фраза, потому что раньше Кавэд говорил, что и сам дальше идти не хочет. Теперь виновным был кто-то, кто не пустил его дальше.

– А, скит. Знаю – Алоин заулыбался – Вы внизу живёте.

– Да. Ты всё правильно понял.

Хозяин сказал что-то одному из двух мужчин, что сидели рядом с ним, тех, с которыми он вышел встречать гостей. После этого мужчины встали и вышли.

– Я проведу тебя дальше, через перевал. Скоро поедем. Пока отдохни. – И жестом пригласил проследовать за собой. Все трое поднялись по такому же бревну-лестнице, которое вело на второй этаж. Третий этаж был убран богаче второго. Здесь было много козьих и овечьих шкур. Освещение было тусклым, но жёлтый свет от ламп на жиру добавлял уюта. Алоин ушёл собираться в дорогу.

– Надо же – когда остались вдвоём, шепотом сказал Наар. – он даже не спросил, кто я и зачем мне нужно по ту сторону Высоких гор. Просто решил помочь.

– Да, мне будет что рассказать братии, когда вернусь в скит. – голос монаха погрузнел.

– Может, ты пойдёшь дальше со мной? До Белого побережья? Тогда вы сможете рассказать братии ещё больше после своего возвращения. – Тот молчал в ответ.

– Боюсь, что это будет предательством по отношению к братии и настоятелю и к Самому Сеферу.

– А может, это будет предательством по отношению к себе? Если сейчас пойти назад. Может, Сефер даёт Вам шанс? Разве то, что вы увидели за последние сутки, эти люди, этот дом – плохо? Сколько ещё хорошего вы можете увидеть! Подумайте.

Кавэд смотрел в потолок.

– Двадцать три года я не покидал пределов скита. Двадцать три года. Я читал о мире, который создал Сефер, но не видел его, мира. Может, действительно, мне нужно его увидеть? Да, я пойду с тобой до Белого побережья, а может, и дальше. Настоятель мудрый. Он поймёт всё правильно. Может быть, он меня специально с тобой отправил. – Кавэд сел на бараньей шкуре, так, чтобы Наар не мог видеть его лица и беззвучно заплакал, если плачем можно назвать те две слезы, что скатились по его щеке. Это было трудное решение. Но он шёл к нему всё время, пока молился в скиту. И настоятель знал, что Кавэду нужно уйти из скита и отправиться смотреть, изучать, постигать сотворённый Богом мир. Он рано или поздно всё равно ушёл бы из скита, Розир это понимал.

Наверно, прошёл ещё час, перед тем как к гостям поднялся Алоин и сказал, что можно выдвигаться в путь. На улице, у дверей дома стояло три лошади: для Наара и двух проводников. Монах извинился и сказал, что тоже поедет через горы, но ему лошадь давать не обязательно, он верхом ездить не умеет, поэтому лучше пойдёт пешком. Алоин кивнул в знак согласия, но тут же сказал что-то молодому парню, стоявшему рядом и ещё через пару минут тот вывел осёдланную лошадь и поставил её рядом с Кавэдом. Вокруг группы путешественников стали собираться любопытные. Какая-то старуха заметила на одежде Кавэда, на спине букву «Сам» первую в слове «Сефер», если писать его зарамиером. Тут же замахала на него кулаками и принялась что-то кричать. Даже не зная языка горцев, путешественники поняли, что это ругань. В итоге на старуху прикрикнул кто-то из мужчин, и она замолчала, вскоре вовсе ушла, что-то громко бормоча про себя.

– Что ей не понравилось – обратился Кавэд к Алоину.

– Она сказала, на твоей спине знак зла. Ты несёшь опасность. Не обращай внимания. – Безразлично ответил Алоин. Однако и Наару и Кавэду старуха запомнилась. Когда выехали из поселения, монах подъехал ближе к горцу и спросил:

– Почему та старуха так сказала? У меня на спине знак веры в великого Сефера, создавшего всё, сочинившего всё.

– Я знаю, что это за знак. Ты видишь вдалеке, на склоне той горы – Алоин показал рукой вправо – башни, развалины, груды камней?

– Да.

– Там было поселение. Годы назад пришли туда люди и разрушили его. На камнях оставляли такие знаки. Зачем? – Кавэд понял, что речь идёт о карательных походах имперских войск. В этом разговоре нужно было быть максимально осторожным. Ссоры ни к чему. Тем

более ссора в горах. С проводником, который физически, скорее всего, сильнее тебя. И у которого своя, отличная от твоей, правда.

– Но они пришли в ответ, ведь вы нападали на тех, кто живёт у подножья гор.

– Да, так. Но мы защищались. Зачем оставлять эти знаки? Детей учили знакам. Убивают родителей, рушат дома, ставят знаки и детей наших хотят им научить. Нам это не нужно. Эти знаки идут вместе со смертью.

– А люди без солдат к вам не приходили. Люди, что рассказывали о Сефере, об алфавите. Таких разве не было?

– Были, но мы их изгоняли. Один такой учитель пришёл в соседнее селение, там начался мор. Только наш жрец там смог остановить смерть. Знаки для нас связаны со злом.

– А, правда, что вы едите людей, – не сдержался Кавэд. Алоин засмеялся, затем сказал что-то своему спутнику и тот засмеялся тоже.

– Конечно, вы у меня дома тоже сегодня ели похлебку с человечинной. – Алоин старался сохранять серьёзное выражение лица и только едва дрожащие уголки рта показывали, что он с трудом сдерживается от смеха. И всё же Кавэд повернулся к Наару:

– Он шутит или серьёзно?

– Шутит, успокойся.

Монах успокоился, но разговора продолжать не стал.

Ветер был холодный, но не пронизывающий. Горцы дали путешественникам тёплые плотные плащи, которые хорошо спасали от ветра. Несколько раз на пути, вдоль горных склонов были видны пасущиеся стада овец и коз. Пейзажи были захватывающими, но больше Наара поражался и удивлялся Кавэд, который всё не мог понять, как же он, столько лет проведя в горах, ничего этого не видел. Постепенно дорога становилась всё уже и в итоге путешественники оказались на узкой горной тропе, которая шла вдоль скалы вверх. Иногда сверху падали камни. Труднее всех было Кавэду, но он справлялся лучше, чем можно было ожидать. Давно, когда он ещё жил в городе, Кавэд умел ездить верхом. Теперь нужно было просто вспомнить. Монах боялся, что прошло слишком много времени, и нужно будет учиться заново, но механическая память выручила, даже спустя два десятка лет. Первые сотни метров верхом давались трудно, но монах не унывал и гораздо раньше, чем ожидал сам, стал чувствовать себя в седле уверенно. Ближе к вечеру погода начала портиться, поднялась метель. Зато тропа стала шире. Уже затемно добрались до небольшой круглой постройки из камней и обломков скал, крытой деревом, сеном и просмоленной. Крыша имела форму конуса.

– Здесь будем отдыхать – Алоин соскочил с коня, его примеру последовали остальные. Горец забрал лошадей и повёл их в пристройку у круглого дома. Когда путешественники вошли внутрь, то увидели, что стены между двумя помещениями, тем где были животные и тем, где были люди, нет. Так было гораздо теплее и животным и их хозяевам. Помещение казалось каким-то фантастическим местом, способным сохранить не только от ветра и холода, но вообще от всего дурного. У очага сидел пожилой седой горец. Путешественники тоже сели у огня, достали еду, лепёшки и немного мяса, начали есть, отдав часть еды горцу. Даже Кавэд ел мясо. Широко выбора блюд не было и он, в каком-то смысле, даже вынужден был это сделать. Напарник Алоина начал беседу с хозяином дома, что-то рассказывал, показывая на Наара и Кавэда.

– Кто это? – спросил Наар Алоина, имея в виду старика.

– Это Хациар – сторож перевала. В этом доме попеременно живут, по полгода люди из разных родов. Это три рода – они хранители, сторожа перевала. Всегда следят, чтобы в доме горел огонь, было тепло, и была еда для путников, для тех, кто заблудился или просто не имеет еды. Со своей стороны, путники тоже должны оставлять здесь немного припасов или дров для огня.

– А почему он живёт один? С семьёй жить нельзя?

– Можно, но у Хациара жена погибла несколько лет назад, сорвалась в пропасть. На горной тропе лошадь чего-то испугалась, оступилась и полетела вниз. С тех пор он живёт один. Иногда его навещают дети, но не часто. Там, в низине, – Алоин махнул рукой в сторону, – они ведут большое хозяйство. Жить здесь постоянно никто бы не смог. Зимой здесь бывает так холодно, что плевков, пока долетит до земли, становится ледышкой. Очень тяжело. – Тут Алоина позвал его приятель и начал что-то рассказывать. По-видимому, пересказывать что-то из того, о чём они только что беседовали с Хациаром. Алоин внимательно слушал, что-то отвечал, потом опять слушал. Тем временем Наар и Кавэд пытались понять – рассказы о таких небывалых холодах – это преувеличение, желание произвести впечатление или правда здесь бывает так холодно? Тут Алоин обратился к Наару и монаху:

– Пастухи рассказывали Хациару, что несколько раз видели каменных псов Уадура, испанцев. Оронцы – так мы, жители гор, сами себя называем, «исп» – это наш князь. Эти каменные псы нападают на стада, воруют овец и коз, иногда животных больших, коров, лошадей и уносят их на стол в пещеру к Уадуру, где он пирует со своими витязями. Бывает, псов долго не видно, а бывает, они могут красть скотину едва не десятками голов в день. Но на людей они нападают, только если те их сами заставят. Псы огромны – немного меньше крупной лошади. У них большие железные зубы. Такой пёс несколько раз кусает и начинает разрывать на куски. – Наар переглянулся с монахом:

– Ну, мы и не собирались их провоцировать на нас нападать. Алоин, ты отлично говоришь на глоттаре. Как ты его выучил?

– Пришлось выучить. Для торговли и войны. Спасибо, мне даже нравится на нём говорить. Мы отдохнём, переждём бурю и отправимся дальше. Мы доведём вас до середины восточного склона, оттуда вы без проблем должны будете добраться до Сарията.

На улице бушевала непогода. Даже не верилось, что внизу, где-то на земле тепло. На перевале был ветер и снег. Холод захватил власть в горах и делил её с тьмой. Однако спало путешественникам очень хорошо. Наар утром подумал, что давно не получал такого удовольствия от сна. Все чувствовали себя бодрыми и готовыми продолжить путь. Позавтракав и поблагодарив Хациара, путники отправились дальше. Лошадей было решено оставить, на них Алоин и его напарник отправятся обратно. Дальше на лошадях было не проехать.

Через перевал решили идти на снегоступах. Снега выпало метра на три, лошади бы просто проваливались. Снегоступы Алоин взял из дома. Это были специальные приспособления для ходьбы по глубокому снегу: деревянная рамка овальной формы, внутренняя часть которой перетянута ремнями из кожи. Как раз четыре пары.

После непогоды природа успокоилась, и уже никто не мог бы сказать, что недавно здесь была буря, лепившая огромные снежные столбы метелей. Наар осторожно ступал по снегу и думал, что ещё немногим больше недели назад он и не мог помышлять, о том какие приключения его ожидают совсем скоро. Он ожидал другого, подхода имперских войск, освобождения города. Юноша понимал, что возможно и падение Таирасса, смерть от рук номадов. Но такого путешествия он не ожидал. Таковы все книги человеческих судеб. Не всегда строки в них пишутся рукой человека. Правильно сказать никогда эти строки не пишет человеческая рука.

Солнце светило ярко, чистый снег слепил глаза, но четверо упорных шли вперёд. Через несколько часов они достигли перевала, точки, от которой они будут только спускаться вниз, уже по восточному склону горы. Осознание этого будто придало сил, Наар пошёл быстрее, попытался обогнать Алоина, но вместо этого у него получилось провалиться под снег. Из ямы его доставали несколько часов. Кавэд, когда увидел провалившегося под снег друга, закричал, но быстро был осажен напарником Алоина, в прямом смысле заткнувшим рот монаха рукой. Крик мог стать причиной лавины и тогда бы погибли все. Парень выбрался из ямы с трудом. Всем требовался отдых. Рядом были три больших камня, за ними передохнули минут десять и

пошли дальше, вниз. Впереди был каменный козырёк, под которым можно было спрятаться на случай непогоды. Даже если бы грядущая ночь была бы спокойной, не стоит спать в горах на открытых пространствах. Добравшись до этого места, путешественники поели и стали устраиваться на ночлег. Вдруг в тишине послышался вой животного.

– Это волки? – с опаской спросил Наар Алоина.

– Может быть волки. А может, псы Уадура.

– А кто опаснее? – на этот вопрос горец ничего не ответил. Только через пару минут сказал:

– Показалось, будем спать.– Едва он произнёс эти слова, как вой, а потом лай, мощный, лязгающий собачий лай прозвучал уже ближе. Затем послышался шелест, какой был слышен днём, когда путешественники переставляли снегоступы, закреплённые на ногах. Вот, в лунном свете появились фигуры трёх огромных псов, по размерам действительно лишь немного меньше лошади. Это были каменные псы, камень их тел подчеркивался лунным светом. Огромные псы из чёрного камня. У одного из них в пасти была овца, у двух других – козы. Когда они бросили добычу на снег, то люди увидели огромные собачьи рты, утыканные железными клыками. Наверное, одного укуса такими клыками хватило бы, чтобы убить медведя или оторвать голову волу. Путники стояли как оцепеневшие, не двигаясь и не говоря ни слова. Было удивительно, что собаки, будучи каменными, не проваливаются под снег. И дыхание их, которое чувствовали люди, когда псы их обнюхивали, было тёплым, но сами каменные тела тварей были покрыты мелкими трещинами от мороза. Один пёс остался у добычи, два других обнюхивали путешественников. Глаза этих созданий светились глубоким синим цветом. Так выглядели каменные псы Уадура, о которых рассказывал хранитель перевала Хуацир.

Глава 8. Синклит

В Галиар, столицу Империи, город тысячи садов и небесной красоты дворцов прискакал гонец из западной Оринтской провинции. Ему выпала тяжёлая ноша, он видел и рассказал Гибору, командующему войсками Империи, Гизлему Младшему о битве, и об истреблении имперского пятого легиона Оринтской провинции при Таирассе, о пленении правителя провинции Великого князя Хаире Старшего. Гибор лично доложил всё императору Владару, который был в то время на ипподроме, наблюдал за гонками колесниц. И тем известие было неприятней, что за пару минут до него, правитель видел, как едва не расшибся его любимый возница, фаворит состязаний Минос из Тиртама.

– Немедленно созывать заседание Верховного Синклита Империи. Сегодня на семь часов вечера. – Это была первая фраза, сказанная секретарю Императором после получения известий о событиях при Таирассе. Через полчаса по широким и узким, коротким и длинным улицам Галиара верхом, во весь опор неслись курьеры с оповещениями из дворца в дома Членов Верховного Синклита Империи. Грамоты с красной вислой императорской печатью вручались слугам членов Верховного Синклита, а те передавали его самим зераклитам – членам синклита. Кого-то это известие застало в бассейне, кто-то читал, кто-то принимал гостей. Если адресата не было дома, то курьер выяснял, где адресат находился и скакал туда. К назначенному времени из пятидесяти одного члена Верховного Синклита Империи в императорский дворец не приехали лишь трое, двое из них прибыли с опозданием и один явился под конец заседания. Члены Синклита, зераклиты, заняли свои места на каменных скамьях, расположенных амфитеатром. Скамьи шли вдоль северной и южной стены зала Синклита. С южной стороны сидело двадцать шесть членов Синклита, с северной – двадцать пять. С западной стороны был вход, у восточной стены, на возвышении стоял трон императора, с правой стороны от трона каменный стол из белого мрамора с вырезанными в камне змеями, символизировавшими мудрость, и стул для секретаря Синклита, записывавшего его постановления и протоколировавшего ход заседаний. Все эти документы заверял подписью император. Рядом с императором находился

также хранитель имперской печати. В отдельных случаях печать могла не ставиться и главным было наличие подписи императора.

Когда все заняли свои места и в зале заседаний Синклита воцарилась тишина, Император Владар обратился к собравшимся:

– Никогда не просил я Вас собраться вне положенного времени. Даже в случае войн с нашими соседями, что последний раз случались довольно давно, я ждал день или два и в положенное время выступал перед вами, уважаемые зераклиты. Сейчас я не могу себе этого позволить. На Империю напали. Да, это не новость, не было и года, чтобы какая-то из наших границ не подвергалась нападению соседей. Побережье беспокоят пираты, в горных провинциях иногда выступают племена горцев, время от времени мы сталкиваемся с отрядами Союза свободных городов. Несколько раз мы воевали с южными королевствами. Но войны всегда велись либо в приграничных территориях, либо на землях наших недругов. И каждый раз нашим легионам удавалось сдерживать натиск неприятеля, разбить его и защитить Империю. Священную землю нашей страны не топтали вражеские солдаты и копыта вражеских коней. Сегодня мне доложили, что с Запада со стороны откуда более ста лет не дул ветер войны, в пределы Оринтской и Таирасской провинций вторглись племена кочевников и меньше, чем за две недели взяли город Таирасс и его крепость, Великий дом. – После этих слов в зале послышался частый громкий шёпот то ли недоумения, то ли негодования. Владар поднял руку и, восстановив таким образом тишину, продолжил. – Нам не известна причина, по которой каган номадов Хунхар, с которым мы уже восемнадцать лет жили в мире и добрососедстве, напал на нас. Казалось, силы легионов наших Западных провинций будет достаточно для отражения атаки. Но это не так. Номадам удалось уничтожить второй легион провинции Таирасса «Карающий», защищавший город и пятый легион Оринтской провинции «Несокрушимый», шедший на помощь осаждённому. Мой наместник, достойнейший Великий Князь Хаире Старший пленен, есть сведения, что он был казнён перед цитаделью Таирасса незадолго до её падения на глазах у своего сына князя Хаире Младшего, командовавшего обороной крепости. Его судьба неизвестна. Но, весьма вероятно, что он тоже погиб. Орды кочевников продвигаются дальше к Оринту. Мне и архистратигам империи кажется, что номады будут обходить Высокие горы с севера и двинутся захватывать внутренние имперские провинции. – Вновь шёпот стал раздаваться под сводами зала заседаний Синклита и вновь император поднятием руки призвал членов Синклита к порядку. – В связи с угрозой, нависшей над Империей, я прошу передать мне власть в провинциях известных, как Провинции народа Империи, то есть те, в которых правят Собрания провинций, избранные местным населением, из числа достойных людей. Так, чтобы я мог назначить туда своих наместников, как это происходит в Императорских провинциях. – И в третий раз в зале стал раздаваться громкий шёпот членов Синклита. Теперь, может быть даже громче, чем в первые два раза. Тщетно Владар поднимал руку, члены Синклита – представители самых древних и известных, богатых родов Империи продолжали шептаться, всё громче, через несколько минут десятки человек спорили друг с другом, что-то доказывали один другому. Казалось, ещё немного и в зале раздастся крик.

В Империи существовали два типа провинций: Провинции народа Империи и Провинции Императора. Провинции народа Империи управлялись избираемыми Собраниями провинций, членов которых избирали раз в три года из числа наиболее достойных людей провинции. Достойный человек или не достойный определялось на собраниях в храмах. Теоретически, любой человек мог быть избран в Собрание провинции, всего в собрании насчитывалось до семидесяти пяти человек. Они не получали жалованья, кроме случаев, когда избранный в Собрание, для исполнения своих новых обязанностей должен был оставить кормившую его и его семью работу, что бывало крайне редко. Как правило, в Собрание избирали людей из обеспеченных, знатных семей. Нередко бывало, что от отца членство в собрании переходило к сыну, тем паче, если отец был любим народом и народ прислушивался к его мнению.

Императорский наместник в таких провинциях выполнял, скорее, роль наблюдателя, чтобы местная знать не забывала чтить законы Империи и помнила об императоре. Как правило, члены провинциального Собрания, один или два человека, представлялись Автократору для членства в Верховном Синклите Империи. Он, формально, мог не утвердить представленных кандидатов, но только формально. На практике отказ несколько раз приводил к восстаниям местной знати против императора. Но ни одно из восстаний успешным не было. Император умирал бунт, иногда карал мятежников, иногда милостиво соглашался утвердить кандидатуру, предложенную ранее, но уже с позиции силы, когда было очевидно, что назначение происходит исключительно по его доброй воле и знать становилась обязанной правителю. Тем не менее, аристократы в Провинциях народа Империи чувствовали себя привилегированной частью государства, более самостоятельной, чем в Провинциях императора, в которых правили наместники главы государства, им назначаемые и им же смещаемые. Такое разделение на два типа провинций шло из древности. Территории, подвергавшиеся нападениям соседних государств, диких племён или просто с беспокойным местным населением отдавались императору, для наведения в них порядка. Территории, не знавшие войн, отдавались населению провинции, что и послужило источником для их названий: Провинции императора и Провинции народа Империи. Отдать императору какую-либо из Провинций народа – было для знати ночным кошмаром, прошибающим до холодного пота. Это значило потерять контроль над деньгами и ресурсами провинции в первую очередь. Справедливости ради необходимо отметить, что во время войн для блага Империи несомненно лучше было сосредоточить всю власть над всеми провинциями Империи в руках одного человека, который руководил бы армией и государством, не страшась тяжелого бремени ответственности за судьбы миллионов подданных. Но у знати были свои интересы, которые они до хрипоты обсуждали и отстаивали в Верховном Синклите империи. Сейчас было так же.

– Мы ни в коем случае не можем отдать Его Величеству Провинции народа Империи. Где гарантия, что он их вернёт? – потрясая руками перед собеседником, говорил один из членов Синклита, в роскошной тунике с рукавами, сшитой из парчи, с изображениями животных и звёзд. Дополнял наряд зелёный плащ-мантия, как у всех членов Синклита.

– Нет, мы обязаны это сделать. У нас нет выбора. – Отвечал ему сосед по скамье в льняных штанах, мягких кожаных башмаках с золотыми бляхами и шелковой рубахе зелёного цвета с зелёным плащом-мантией, заколотым золотой фибулой в форме буквы «Дум» – первой в слове "Динаш", что на языке глоттар значило "Синклит".

– Во имя Сефера! Разгром одного или двух имперских легионов событие невероятное, но не катастрофа. Пошлём ещё несколько. Мы можем себе это позволить. У нас десятки легионов! – Кричали с соседней скамьи.

– Чего вы собрались ждать? Пока номады будут на улицах Галлиара? В крайнем случае, мы можем отдать только западные провинции народа Империи, те, которые в ближайшее время могут подвергнуться нападению. – кричал четвертый и к этой идее стали прислушиваться. После недолгой переключки между северной и южной частями Синклита, все замолчали, и встал самый пожилой член Синклита Хоргод, из рода Рагдов, сын Даррага:

– Мы услышали твой голос, государь. Не все среди нас согласны, что над Империей нависла угроза, ранее не виданная. Но многих ты убедил. Мнения наши разделились. После споров, которым ты был свидетель, мы решили следующее: отдать твоим наместникам все Провинции народа Империи мы не считаем необходимым, но те из них, которые находятся на западных территориях Империи Синклит готов отдать тебе под управление. – Произнеся это, Хоргод поклонился императору, затем Синклиту и остался стоять, ожидая ответа. Владар ответил не сразу. Он смотрел куда-то в даль перед собой, в какую-то невидимую точку под большими дверями в зал Синклита. Он обдумывал решение. Затем правитель посмотрел на

Хоргода, обвёл взглядом остальных членов Синклита и тихо, но с каким-то железом в голосе произнёс:

– Уважаемый зераклит Хоргод из рода Рагдов, уважаемые члены Синклита. Я принимаю ваше предложение. Надеюсь, мы сейчас сможем решить, в какие именно Провинции народа Империи на Западе я пошлю своих наместников. Благо, что таких Провинций на западных территориях не много. Но у меня в таком случае будет к вам ещё одна просьба. – Тут некоторые члены Синклита начали вертеть головами и переглядываться: «Неужели ему мало?». – Прошу вас определить ту черту, границу, количество провинций Империи, после захвата которых номадами вы согласитесь дать мне полную власть в государстве для защиты этого государства и вас всех, в числе людей, его населяющих? – среди зераклитов, вновь поднялся шум, вновь последовало непродолжительное, но бурное обсуждение, после которого вновь встал седовласый Хоргод.

– Мы, как я сказал раньше, готовы отдать под твою власть через твоих наместников западные провинции народа Империи Сариатскую и Наппарскую. В иные Провинции народа ты можешь послать своих наместников и, не имея нашего согласия, но мы не можем быть уверены, что они там будут радушно приняты. Хоть это и не исключено. – Фактически это был вызов императору со стороны Синклита, в определённой мере даже угроза гражданской войны, совсем ненужной и в мирное время, а при наличии сильного внешнего врага тем более. И император, с проклятиями, но согласился. В Наппар и Сариат в тот же день были направлены постановления Синклита. Их отправили вместе с представителями этих провинций, которые всегда находились в Галлиаре и иногда их приглашали к Императору или в Верховный Синклит для обсуждения государственных дел, касающихся их провинций. Пергамент, на котором было записано постановление Синклита, с подписью императора и печатью, был освящен тремя прокознами, которые засвидетельствовали, что письмо запечатлело волю Сефера, явленную через людей и увековеченную в письменных знаках. В Сариате и в Наппаре должны были лишь подчиниться. Император первым покинул зал Синклита и отправился в свои покои, где его уже ждали гибор Гизлем Младший и другие военачальники Империи. Они собрались в небольшой комнате с мозаичным полом, где были изображены сцены охоты на кабанов, львов, битвы с жуками бахгу. В ней было много зеркал для усиления света светильников. На столе, посередине комнаты находилась карта Империи и прилегающих к ней земель. Это было небольшое чудо, появившееся, как и многие другие чудеса, благодаря человеческому мастерству и упорному труду. На ней были маленькие горы, реки, леса, озера, пустыни. Всё было небольшим, но очень реалистичным, будто живым, настоящим.

– Зераклиты... – ухмыльнулся император, войдя в комнату. – Они скорее врагу отдадут Провинции народа, чем своему императору. Сначала дождутся, когда их города, поля и имения сожгут номады, а потом будут шептаться, что от государя нет толка и так далее. Синклит – это курятник или овчарня, но никак не собрание государственных мужей.

– Ваше Величество, таково их племя. Степень их недовольства зависит от силы той беды, которую они на себя, и на страну, по попущению Великого Сефера, навели. – Ответил от имени всех Гизлем Младший.

– Сборище ослов и баранов, хотя у многих зераклитов действительно великие предки. – Владар улыбнулся. – Ладно, хватит о них. Есть ли какие-то новые сведения о продвижении и действиях кочевников? Мы хотя бы знаем, сколько их? Приблизительная численность и сколько ещё могут вторгнуться в Империю? С момента нашего предыдущего совещания прошли пару часов, но, по его итогам, я уже успел провести заседание Верховного Синклита империи. А как вы провели это время? – Владар обвёл взглядом присутствующих.

– Ваше Величество, мы не покидали этой комнаты, разрабатывали план защиты Империи. Парсонтар нам спасти не удастся. Наиболее оптимальный вариант – встретить врага у Тарина. Они не смогут обойти этот город, и нам хватит времени собрать там легионы сосед-

них провинций, Сариатской и Наппарской. То есть восьмой легион Наппара «Сокрушающий» и третий легион Сариата «Бессмертный». В случае если враг замешкается, смогут подойти, успеют подойти ещё три легиона.

– Я тоже обдумывал этот вариант, пока уважаемые зераклиты, члены Верховного Синклита Империи, выясняли, кто из них больший горлопан. Мы можем превратить Тарин в рубеж обороны, который кочевникам не преодолеть, не имея достаточного речного флота. Номады никогда не имели дела с водой. И пускай Нахавэ, река дающая жизнь, станет могилой для наших врагов. Собирайтесь, мы едем в Тарин. – на этом военный Синклит закончился и через несколько часов император с гиббором и прочими военачальниками уже шли маршем в сторону Тарина. Туда же походными колоннами двигались отряды Императорской армии.

Тарин был древним городом, как и почти все города на реке Нахаве. Если Парсонтар стоял в истоках Нахавэ и иногда назывался Городом-хранителем реки, то Тарин называли Воротами реки, потому что он в прямом смысле был воротами на речные пути Империи. Город стоял на обоих берегах реки, её ширина в этом месте была около полутора километров. Нахавэ была перегорожена огромной толстой стеной, шириной в двенадцать метров и высотой в тридцать. В стене было трое ворот, одни из них главные, стоявшие посередине течения реки. Они всегда были открыты и через них корабли проходили дальше, вниз по течению реки. Их называли "Врата тысячи дорог", потому что речные пути далее вели во все концы государства. Были ещё двое ворот меньшего размера, их называли Правые и Левые врата, относительно Врат тысячи дорог. Их открывали, если в Нахаве увеличивалось количество воды, чтобы уменьшить давление реки на стену. Это было особенно важно, так как в этих местах из-за тёплых подземных источников, река никогда не замерзала, даже если зимой случались сильные затяжные холода. Главная стена, с тремя воротами, назывались Северной. Южная стена служила выходом из внутренней, речной части города. Здесь было всего двенадцать врат, двое из которых были основными. Они были шире, чем даже Врата тысячи дорог. На воде, ближе к берегам, было много деревянных построек на сваях, было даже несколько каменных построек на больших каменных платформах.

Город был богат, он имел право взимать речную пошлину, налог за право дальнейшего следования по реке. Это было уникальное право, которым обладал только Тарин, из всех городов на Нахаве. С суши город тоже был укреплен стенами, а то, что кочевники были плохими моряками, никогда не имевшими дело с водой давало надежду, что в случае осады город можно будет снабжать по реке. Даже появившись у кочевников корабли, никто не будет уверен, что они смогут с ними правильно обращаться. Умей номады плавать, они переправились бы на другой берег Нахавэ и оттуда продолжили бы захват Империи. Это позволило бы им быстрее достичь столицы государства. Но Владар и его советники правильно предположили, что кочевники, привыкшие передвигаться по суше, предпочтут сухопутный путь и отправятся к Тарину, перед этим захватив Оринт и Парсонтар и уничтожив бесчисленное количество меньших городов и деревень.

Глава 9. Ялган из Маязима

В пяти километрах от Галлиара, в загородном поместье одного из зераклитов, а именно Ялгана Маязимского, в тот же день когда Верховный Синклит Империи отдал несколько своих провинций Императору, проходил ужин. Ужинали здесь часто. Ялган Маязимский был хлебосольным хозяином, знал толк в еде, винах, музыке. У него часто бывали богатые купцы, видные аристократы, гости из сопредельных государств. Вот и в этот вечер за одним столом с ним возлежали два богатейших человека Империи, купцы Кемеш с Белого Побережья и Аран из Наппара. Кемеш получил от императора право на ловлю рыбы в Восточном море и со временем, превратил это право в монополию, фактически. Аран контролировал половину добычи золота и серебра, драгоценных камней в Империи. Их состояния были фантастических размеров. Кроме них также присутствовал посол Союза Свободных Городов в императорской сто-

лице Галиаре, почтеннейший господин Наилэр. Союз Свободных городов был мощным торговым объединением. Большую часть своего существования города будущего Союза воевали между собой. Так что Союз Свободных городов существовал всего около сотни лет. И даже, когда Союз уже был создан, города иногда воевали друг с другом. В последние годы особенно выделился, возвысился один из них, Антар. В нём находился Совет Союза и, самое главное для любого торгового объединения – союзная казна. Основная часть ужина, прошла и гости теперь угощались вином и фруктами.

– Да, с того момента, как оно завершилось, сегодняшнее заседание Верховного Синклита не идёт у меня из головы. Прошу простить, что затрагиваю столь неприятную тему в столь приятном обществе после столь чудесного ужина. – Ялган отставил в сторону бокал с вином и остановил взгляд на блюде с сыром и орехами.

– Я слышал, император, прикрываясь угрозой о вторжении каких-то кочевников, просил отдать ему все Провинции народа Империи? Многие поверили в то, что номады, более сотни лет, мирно живущие у наших границ, вдруг решили напасть на Империю? – Аран из Наппара взял в левую руку полный бокал вина, а правой, большой палец и мизинец которой были украшены перстнями, положил в рот крупную виноградину.

– Я бы не был так легкомыслен – вступил в разговор Кемеш, не отвлекаясь от чистки мандарина. – Вести с Западных земель, правда, не очень обнадеживают. Из того, что я слышал сегодня, получается, что Оринтская провинция в руках у номадов, они несут разрушение и смерть. Якобы Парсонтар уже в осаде. И, самое главное, не ясна причина нападения. И где они остановятся – тоже не ясно. И два наших легиона, как говорят – разбиты, едва не истреблены. Даже комиты убиты. Такого давно не было.

– Мне кажется, что его Величество попытается использовать эту ситуацию себе во благо. В том духе, что сейчас военное время, «я должен нести всё бремя ответственности», и превратит Верховный Синклит в сборище послушных шутов при себе. Одной рукой будет кормить, а другой бить. Во всех провинциях посадит своих наместников, и мы будем полностью от него зависеть. Мы, люди, которые строим и кормим Империю, не будем играть в её жизни никакой роли. – распалялся Ялган.

– Мне кажется, проблема вами надумана, почтенный зераклит Ялган. Император действительно имеет огромный авторитет, но заслуженно и по государственной мудрости и по упорству, трудолюбию. Я даже нахожу полезным то, что Верховный Синклит столь ему послушен. Будь это другой император, я бы и согласился с Вами, Ялган. Но здесь – нет, извините. – В ответ Ялган молчал. Через минуту, как бы в сторону, будто обращаясь к невидимому собеседнику, сказал: «Может ты и прав». Дальше разговор шел о самых разных вещах, о торговле с Союзом Свободных городов, о новых поместьях, о женщинах и винах, о лошадях и об оружии. Вскоре Кемеш и Аран ушли, сославшись на дела, оставили Наилэра наедине с Ялганом. Напитки и закуски унесли, мужчины просто беседовали, будто ни о чём, как вдруг Наилэр вернулся к теме отношений Верховного Синклита и императора.

– Не знал, что в Синклите бытуют такие настроения и переживания. Выскажу своё скромное мнение, что нынешний император, действительно, фигура масштабная, однако же лично мне милее такая система управления государством, когда аристократы и состоятельная часть общества сами решают, как им жить и ни от кого не зависят. Только, заклиная Вас, не услышите ничего предосудительного в моих словах! – грузный Наилэр развёл руками в стороны. Он был немного выше среднего роста, очень полный, с тремя подбородками. Свободная одежда, которую он носил, позволяла ему выглядеть просто большим, а не толстым. В должности посланника он находился уже пять лет, был вхож в дома многих знатных семейств Империи, принят при дворе. По негласному приказу Владара, за ним было установлено наблюдение, даже более тщательное, чем за послами других государств, находившихся в столице. Такое внимание диктовалось недюжинными усилиями Наилэра, направленными на продвижение интере-

сов Союза свободных городов в Империи. Были сведения, что люди Наилэра прибегали в этих целях к подкупу нужных лиц, угрозам, шантажу. В итоге, ему даже было сделано предупреждение, и почтенный посол был вынужден поубавить свой пыл. Из Империи его не выслали благодаря многочисленным покровителям среди знати, которых Наилэр сумел заполучить в друзья и поощрять их действовать в своих интересах.

– Что Вы! Ничего предосудительного в Ваших словах я не нашел. Мне тоже куда больше нравится государственный строй Союза Свободных городов, когда те, кто содержат государство, решают, как оно должно жить. Но в Империи слишком много рабов, им свобода не нужна. И я не знаю, как это изменить. – Ялган говорил эмоционально, было видно, что он искренне верит в те слова, что выходят из его уст.

– Нужно пытаться, объяснять людям эти важные вещи. В любом деле главное – упорство. – Осторожно, будто боясь оступиться, сказал Наилэр, с улыбкой глядя на Ялгана.

– Ведь пытались! Но кроме крови из этого ничего не получилось. Было несколько войн Синклита с императорами. Однажды это едва не закончилось упразднением Синклита как одного из государственных органов Империи. Совсем нет уверенности, что если вновь поднять Синклит против императора, то не получится новой междоусобной войны внутри Империи, которая окончится ничем или же, учитывая силу нынешнего императора, сокрушительным поражением сторонников Синклит и окончательным его уничтожением. – Ялган Маязимский увлекался всё сильнее, начал жестикулировать руками.

– Может, в прошлом были допущены ошибки, которые теперь следует учесть? Если я верно помню Вашу историю, то противостояние императора и Синклита всегда проходило без присутствия или участия внешних врагов. Теперь Империя столкнулась с кочевниками. Их, похоже, одолеть будет трудно. Что бы там не говорили патриоты вашего Отечества, но впервые за многие годы Империя столкнулась с реальной военной угрозой. Это ясно уже сейчас. Оринтская провинция утрачена, Парсонтар, я слышал, в осаде и положение его ухудшается. Все твердят, что враг несёт смерть и разрушения, войска номадов пока остановить не удаётся. Если армия Империи, которую воспринимают как армию императора не сможет защитить государство, Синклит будет в праве ставить вопрос об отстранении императора от власти из-за его неспособности спасти страну, которую ему вверил Сефер.

– Наилэр, сладко Вы говорите. Но что потом делать с кочевниками, если, превыше всяких ожиданий, удастся установить власть Верховного Синклита Империи. – Ялган намеренно решил не говорить о свержении императора, ведь, по сути, разговор их был об этом. – Или, если к Владару будет милостив Сефер, и ему удастся разбить номадов? Тогда война лишь укрепит его позиции. А народ этого императора и так любит, без военных побед.

– С любым противником можно договориться и кочевники не исключение. Нужно только хорошо понять, о чём именно с ними договариваться. В крайнем случае, Союз Свободных городов может выступить посредником на переговорах между Империей и кочевниками, когда это понадобится. Лишь бы воцарились мир и справедливость. Если император начнёт побеждать врага, то нужно будет предложить его военачальникам больше, чем им может предложить Владар. А лучше предложить им что-то такое, чего им император в принципе дать не может. Например, земли, в личное неотторжимое наследственное пользование.

– Но это и так есть! Император раздаёт их довольно щедро.

– Надо больше! Тем более, что военную аристократию, преданную императору, будет необходимо нейтрализовать в любом случае. Надеюсь, я не очень смутил Вас своими разговорами? Не подумайте, что я веду речь о заговоре. Это просто мои размышления о возможном дальнейшем развитии Империи, сугубо во благо всех людей, её населяющих.

– Да, благо Империи и её народа всегда будет предметом первойшей заботы с моей стороны. Уверен, многие посчитают меня безумцем, но я верю в свою правоту. История нас рассудит. Я предлагаю обдумывать то, о чём мы с Вами сейчас говорили и, через некоторое время,

встретиться ещё раз. Надеюсь, я могу рассчитывать на Вашу поддержку, господин Наилэр, и в дальнейшем? – теперь Ялган говорил совершенно без эмоций, его лицо выражало максимальную собранность и решительность, а взгляд пронзал собеседника насквозь.

– Безусловно. Вам гарантировано любое содействие с моей стороны. Это честь, помогать столь искреннему человеку в его трудах для процветания Вашей великой страны. – так же серьёзно ответил Наилэр. Первый из них решился совершить переворот, второй согласился ему в этом помогать.

Глава 10. Раэль и Малак

На глазах Хунхара его воины штурмовали Парсонтар. Король чувствовал, как с каждым взятым имперским городом его власть становится сильнее, а вожди тех племён, что некогда дерзали с ним спорить, теперь благоговеют пред ним и заискивают, в надежде услышать, что Великий Хунхар, так он себя теперь называл, согласен взять их под своё покровительство. Каган часто вспоминал тот день, когда он познакомился с Раэлем, тем существом, или человеком, или демоном, который убил князя Хаире младшего после осады Таирасса. Именно эта встреча изменила жизнь короля номадов и всех его подданных.

Был светлый летний день, который Хунхар проводил за своим излюбленным занятием – охотой на львов. Охота была тем приятней, что проходила в местах, где король раньше никогда не бывал. Они поражали его своей красотой, обилием красок, их оттенков, запахов, причудливых теней. Дичи было множество. Король и его придворные гнали льва. Зверь был больше и быстрее, чем те, с которыми Хунхар сталкивался до той охоты. Повелитель кочевников выпустил в него несколько стрел, однако достигла цели только одна. Лев скрылся от преследования в пещере. Туда, за ним, спешившись, отправился король. Пройдя немного вглубь пещеры, он обнаружил там человека, по виду будто отшельника. В руке он держал стрелу Хунхара, ту самую, которой он попал в льва.

– Здравствуй, Хунхар. Подойди ко мне.

Правитель будто лишился воли, ноги сами шагали к незнакомцу. Руки, державшие меч, тоже не слушались. Когда король стал перед незнакомцем, тот положил ему на плечо ладонь своей правой руки.

– Хунхар, ты будешь служить мне, а через меня моему хозяину, Малаку. Ты станешь тем, чего так не хватает этому миру. Ты станешь злом, которое люди желают друг другу. Ты будешь исполнять их желания. Ты орудие, которое позволит войти Малаку в Арэц. Меня зовут Раэль. Теперь я твоё сердце и твой разум.

Хунхар хорошо запомнил эти слова. После них, он почувствовал себя сильнее и смелее, чем раньше. Он, король номадов, о чьей доблести и силе ходили легенды, ощутил в себе необычайную мощь. Даже конь его стал быстрее и выносливее. Часто повелитель кочевников стал слышать голос Раэля, который диктовал ему как себя вести с тем или иным вождём, посланником другого кочевнического племени, какое решение принимать. И всегда голос был прав. Бывало так, что Раэль появлялся в образе человека, но Хунхар быстро понял, что видеть Раэля может только он, король, как и голос этого духа, как бы громко он не звучал, слышен был только Хунхару. Однажды повелитель номадов пытался послушаться голоса, но в ту же ночь к нему в шатёр заползла змея, прямо в постель, свилась на груди проснувшегося властителя клубком и голос Раэля сказал, что не следует так поступать, иначе может очень быстро найтись другой вождь. Претендентов на его место гораздо больше, чем может показаться и смерть куда ближе, чем можно надеяться. Она ждёт. С того момента Хунхар всегда слушал голос. Ещё у него появилась жажда крови. Он начал делить людей на тех, чья жизнь чего-то стоит – это воины, кочевники, и на тех, чья жизнь не стоит ничего – это земледельцы, горожане, учёные, монахи. Но хуже всех – торгоши. Кочевники тоже торговали, но совсем мало.

Номады собрались в одну большую Орду и отправились на Восток, к землям Империи. Рядовые кочевники, видя своего короля, подражая ему, тоже изменились. Они стали жестче и

кровожаднее. Убивали с удовольствием, соревновались в убийствах, пили человеческую кровь и ели внутренности поверженных врагов. Хунхар решил превратить всю известную ему землю, где жили, и где не жили люди, в своё царство. Сейчас, он наблюдал штурм Парсонтара и говорил с Раэлем.

– Раэль, скажи, что ты ищешь в каждом взятом городе? Я вижу, ты ищешь, но не говоришь мне что. Ты не объяснил, что тебе нужно было от князя Хайре. – Каган не видел рядом своего собеседника, но точно знал, что тот присутствует. Так было всегда, не важно где король находился, в своём шатре или скакал галопом по степи. Лишь когда это было необходимо самому духу, он мог становиться видимым и для других, как это было во время кончины младшего князя Хаире.

– Я ищу одну рукопись. Вернее, одну из двух.

– Именно поэтому ты требуешь приводить к тебе всех жрецов, библиотекарей, писцов, всех, как их называют в Империи, каттавов. Но ты их всех потом убиваешь. Они бесполезны?

– Да, они бесполезны. Вернее, они даже вредны. Ты орудие, через которое создаётся новый мир. А каттавы держатся за старый мир, ветхий. И даже среди них – не все. Они просто делают то, чему их научили, но они не осознают, к чему причастны. Когда-то все люди были причастны к великому, действительно великому и важному знанию, но теперь, к моему счастью и удовольствию, люди не верят в подлинность этого знания и даже не принимают его за сказку. Некоторые, конечно, считают его действенным, но в большинстве – нет. Для них это рассказы, над которыми можно посмеяться. Даже для хранителей этого знания – каттавов. Люди поклоняются Сеферу и смеются над тем, что им читают священники. У людей есть тексты, в этих текстах тайны жизни, но они не видят этих тайн. Они выбирают минутные наслаждения, вместо вечности. Кстати, вы, номады, называете Сефера Тернги, так?

– Да, наш главный бог – Тернги, но это не Сефер. Сефер – писец, а мы презираем писцов за их мнимую мудрость. Тернги не такой. Тернги воин. Он создал всё, что нас окружает, ударив в пустоту своим хлыстом. Он творец всего.

– Пускай так. Не важно, как ты его называешь, куда важнее, исполняешь ли ты то, к чему он призывает? – Хунхар не стал отвечать, сделав вид, будто не понял, что ему задан вопрос. Раэля, конечно, обмануть было нельзя. Но эта слабость кагана, невозможность признать то, что правила веры, заветы Тернги он исполнял далеко не всегда, а теперь, после встречи с Раэлем, вовсе о них забыл, эта слабость была приятна злему духу. Он даже не стал обличать лжеца, в которого вдруг превратился могущественный повелитель номадов. Дух продолжил. – Ничего, это свойственно людям, забывать заветы. Для удобства я буду называть Сефера или Тернги просто Творцом Арэца. Для твоего, Хунхар, удобства. Создатель сотворил мир без болезней и всякого зла. То был мир без страданий. Но люди, кто их может понять, начали желать друг другу зла. Я не могу сказать тебе, откуда они взяли это само понятие – «зло», но так случилось. Желали болезней и горя. И один из учеников Создателя, а четверых учеников Он создал ещё перед тем, как сотворить сам Арэц, но уже после великого лова и победы над змеем Арактом, чтобы передать ученикам часть своего знания, один из этих четверых, Малак, начал, в той пещере, где ты меня встретил, описывать те беды, которые люди хотели видеть друг у друга. Пока они не были описаны, они и не существовали. Малак дал людям то, что они сами хотели, он сделал для них доброе дело. Люди часто радуются, когда узнают, что у других людей беда, понимаешь? В мире начали появляться монстры, уродства, болезни. Писал Малак на стенах пещеры, больше было негде. Творец следил, чтобы в свитках и кодексах ученики не записывали ничего дурного, того, что могло навредить людям, пускай даже одни люди этого желали другим и страдали, потому что ничего плохого с их врагами или обидчиками не происходило.

– Постой, так Творец, всё же – писец? – Хунхар слушал с напряжением, ему было трудно представить, что Тернги мог быть писцом, сочинителем текстов.

– Да, но всё это происходило так давно, что если ты будешь верить в Тернги-воина, а не в Тернги-писца, то для тебя и твоего народа ничего не поменяется. Малак писал на стенах пещеры, потому что церы, восковые дощечки, и куски пергамента, на которых писали ученики, Сефер проверял, как учитель проверяет работу учеников. Малак же не хотел, чтобы Создатель знал, что один из его учеников пишет то, что люди сами хотят. Сефер отказывает людям в том, что они просят часто потому, что, то, что люди просят, может им навредить. Очень странное отношение к людям. Малак не такой. На самом деле, именно он любит людей. Записанные на стенах пещеры слова накапливали человеческую злость. Со временем, такой энергии, силы злости стало достаточно, чтобы те твари, которых Малак только описывал, придумывали же их сами люди, те твари рождались в пещере и шли в мир, несли ему то, чего люди желали. Твари завоёвывали мир, уничтожали добро, радость, смех. Из недр пещеры выходили такие чудовища и монстры, от одного вида которых у слабых людей рвалось сердце, иные просто сходили с ума. Однако, меня лично всегда заставляло улыбаться то, что все эти монстры самим людьми и были выдуманы. Эти чудовища стали выходить из пещеры день и ночь, постоянно. Тогда же появился я и стал верным слугой Малака. В то время люди вспомнили о Творце, о Том, Кого они знали и раньше, но к кому не обращались. Люди пытались защищаться, создавали армии, но они были всякий раз биты, когда встречались с воинами Малака. Он хотел, поработить Арэц и выступить против Создателя и его учеников, чтобы сделать мир таким, каким он сам хочет быть: злым, жестоким, без малейшего луча света. И знаешь что произошло? Люди вдруг начали каяться! Им несказанно повезло, что Создатель наивен до того, что верит, будто человек может исправиться. Ведь Сефер любит своё творение. Некоторые же из людей, наоборот, начинали служить моему хозяину, становились его солдатами. Творец оказал людям великую милость, он дал силу некоторым из них противостоять Малаку и его тёмному воинству. Семь праведных писцов собрались вместе и начали в священных рукописях описывать зло, которое Малак выпустил в мир. По мере того, как движения их каламов порождали буквы, записывали слова, твари попадали в текст, листы тетрадей, как в темницу.

– Постой, – прервал Хунхар рассказ Раэля. – То есть твари рождены были этими буквами, но буквы их же и сгубили?

– Да. – коротко ответил дух.

– Как же так получается? – недоумевал номад.

– Всё зависит от того, с какой целью автор или писец создаёт текст. Ведь можно написать текст с целью, чтобы люди следовали тому, что в нём написано, а можно написать текст, с тем, чтобы люди не делали то, что в нём написано или описано. Написанное слово может быть колыбелью, но может стать и могилой. Тетради, в которых писали, семь праведных писцов сшили в одну рукопись, она получила название «Рукопись Небытия», потому что записанное в ней не должно существовать. Праведники оставили в мире немного зла, но лишь для того, чтобы люди, видя его, помнили о любви и добре. Ведь что такое любовь известно потому, что известна ненависть. Они посчитали, что нельзя понять вкус сладкого, если не ел горького. Наивные праведники... Люди умножили то малое зло, что было оставлено после изгнания Малака из Арэца. Когда была составлена рукопись Малака, один из семи праведных писцов спрятал её где-то на просторах вашего мира, он не стал говорить где именно своим сподвижникам. Он написал Книгу пути, или рукопись пути, и в ней описал, рассказал, как найти рукопись Малака. Дело в том, что если зла в мире вновь станет много, слишком много, то твари и их хозяин, мой хозяин, освободятся. Листы книги станут чистыми. Однако, не обязательно ждать, когда люди вновь обернутся ко злу, а они к нему придут, человек всегда с большей охотой смотрит в сторону греха, чем доброго дела. Если поместить рукопись Малака в ту пещеру, где ты меня нашел, то сила, удерживающая тварей в рукописи, исчезнет. Они обретут свободу. Поэтому семь праведных писцов избрали из своего числа троих хранителей Рукописи Небытия. Их всегда было трое, это число неизменяемо. Один раз в полгода один из хранителей проверяет её, на месте

ли она, не пропал ли текст. на тот случай, если по каким-то причинам все хранители погибнут и не успеют указать преемнику место, где лежит рукопись Небытия, была специально написана Рукопись пути. Но эту Рукопись может прочесть только Чтец, единственный человек, которому дано сделать это. Арэц должен родить чтеца, если это понадобится. Чтец сам не знает, кто он такой, но прочитать текст может только он. И манускрипт сам решает, когда ему открыться. И нам нужно найти этого чтеца. Рукопись, скорее всего, с ним. Но, если горя и зла в мире будет достаточно, то нам не понадобится Рукопись Малака. Хозяин и его воинство без неё смогут войти в Арэц, как это уже было тысячи лет назад.

– А ты, почему ты явился тогда в пещере? Как ты сбежал?

– Зло сплело ту верёвку, по которой я поднялся на верх из заточения. Люди сплели. Я вырвался из плена, когда у вдовы с восемью детьми ростовщики за долги отобрали полуразвалившийся дом, сухую корову, которая не давала молока и сдохла по дороге на рынок, где ростовщики хотели получить за неё хоть какие-то деньги и клочок земли, с которого она кое-как кормилась сама и кормила детей. Дети ей помогали, как могли, самому старшему ребёнку было девять лет, девочке. Они собирали какие-то объедки, работали на чужих людей. У них была тяжёлая жизнь. Бедная женщина умоляла оставить хоть что-то, жаловалась, что ей некуда идти. Но солдаты, что отнимали имущество, были неумолимы. Хотя они делали свою работу, у них же тоже семьи. Всё согласно закону. Согласно закону должна быть поправа справедливости. Женщина заплакала. Ростовщик мог ждать ещё несколько лет, ему просто скорее хотелось забрать то небольшое, что было можно забрать у этой нищенки и заняться более важными делами. Слезы этой несчастной упали на землю, затем заплакали её дети, их слёзы упали на землю и тогда пришёл я. Зла стало достаточно для меня одного. Я покарал ростовщика. Он сгнил изнутри живьём. Вдова, обиженная им, желала обидчику такой судьбы. Правда, родственники ростовщика решили, что несчастная вдова – ведьма, наславшая болезнь на обидчика и убили её, так что теперь дети остались сиротами. Но они тоже желают зла своим недругам. Я помогу им, когда смогу. Обязательно помогу. Я пришёл, чтобы подготовить приход хозяина, Малака. Для этого мне нужно найти чтеца, рукопись Пути и рукопись Небытия. – пока Раэль вёл свой рассказ, отряды номадов продолжали штурмовать Парсонтар. Без успеха. Хунхар молчал, глядя на штурм крепости.

– А что будет со мной после прихода Малака? Что будет с моими племенами?

– Я думал, ты догадался. Ни хозяину, ни мне не захочется постоянно находиться в вашем мире. Ты и твои воины и далее будете служить Малаку. Вы от его имени будете править этим миром. После победы количество тварей будет уменьшено, иначе они просто уничтожат Арэц, превратят его в пустыню, которая даже для твоих всадников не сможет стать домом. Зло питает нас и Арэц станет источником этого зла. Оно сделает моего хозяина сильнее Творца, он сможет одолеть его и отомстить за давнее унижение. – То есть, я непобедим?

– Нет, тебя ещё можно победить, но от тебя зависит, станешь ли ты единственным и могущественнейшим правителем человеческого рода в Арэце.

– Стану. – Каган увидел, как с одной из башен цитадели Парсонтара было сброшено городское знамя, ещё через пару минут знамя было сброшено со следующей башни, потом ещё с одной... Уличные бои продолжались до глубокой ночи. Защитники Дарующего реку города стяжали себе славу храбрецов, но город удержать так и не смогли.

Вечером, находясь в резиденции наместника Парсонтара, Хунхар спросил Раэля:

– А если ты не найдёшь рукописи?

– Тогда тебе придётся причинять больше боли, зла, страданий. В любом случае, хозяин придёт в этот мир.

– То есть, большой необходимости в Рукописи Небытия нет, и в Рукописи Пути? Мы и без неё можем помочь твоему господину прийти в этот мир?

– Ты прав только наполовину. Да, даже без рукописи Небытия он сможет прийти в мир, ты позаботишься об этом. Но, в любом случае рукопись Небытия нужно найти. Несколько тысяч лет она содержала в себе всё зло, которое люди желали друг другу. За это время она сама стала инструментом творения. Если в ней будет писать мой хозяин – он умножит свою силу. И так же, если в ней будет писать тот, кто решит остановить хозяина и вернуть его в заточение. Тогда хозяину может быть причинён большой вред. Сильнее рукописи Небытия только рукопись Творения, тот кодекс, в котором писал Сефер, создавая мир. Владеющий ею – владеет миром. Она тоже хранится на земле, она суть часть Арэца. Но, где она находится – не знает никто. Хозяин говорил, что Сефер Сам, если посчитает нужным, откроет, где она находится достойному. Но случится это, только если возникнет необходимость.

– А если хранитель или чтец уничтожат рукопись?

– Это невозможно. Она не горит, не тонет, её нельзя разорвать. И с текстом ничего сделать нельзя. Ни соскоблить, ни скрыть под слоем краски или чернил. Мне не известен способ, которым можно было бы уничтожить рукописи Малака и Пути. О рукописи Творения не знаю, но, думаю, история такая же.

– Если бы всё это рассказывал мне не ты, Раэль, и если бы я не знал, какой силой ты обладаешь, то я бы посчитал рассказчика за сумасшедшего и приказал повесить за трату моего времени. Но почему в Арэце так много разных историй о создании мира, борьбе богов, историй о демонах, злых и добрых духах?

– Хунхар, то, о чём я тебе рассказывал, происходило тысячи лет назад. Люди забыли об этом. Лишь малая часть преданий о тех днях дошла до нашего времени в том виде, в каком их рассказывали тогда. Люди склонны придумывать, дополнять, менять детали. В итоге получаются новые законы, традиции, истории. Таков ваш людской род. Но во многих из них есть изначальное зерно, эхо тех далёких событий. От чего-то вы редко видите прекрасное в реальных историях и любите выдумывать. Хотя нет ничего красивее, чем подлинные истории из жизни людей. – На это Хунхар ничего не ответил и сменил тему разговора. Ему надоел разговаривать о богах и о прошлом.

– Дальше войска двинется к городу Тарину. Там мы пробудем три дня. Что твои вороны и пауки? Нашли следы рукописей или тех, кто о них что-то может знать?

– Нет, пока не нашли. Но ищут.

Глава 11. Пир

Каменные псы Уадура продолжали смотреть на путников, и было совсем неясно, чем закончится это знакомство. Вдруг один из псов, обнюхивавший Наара, что-то учуял в его сумке. Там были письменные принадлежности и рукопись, ещё немного еды, которую дал путникам Хациар, лепешки с луком. Когда Наар осторожно достал одну лепешку и кинул на снег перед псом, собака не успокоилась, лишь ещё больше рассердилась. Тот пёс, что остался поодаль, протяжно завыл три раза. Два других пса начали ходить вокруг четверых путешественников и рычать, оскалив зубы. Было похоже, что от Кавэда они почуяли тот же запах, что и от Наара. На вой прибежали ещё четыре каменных пса, так что их теперь стало семь. Они стали лаять, рычать ещё сильнее, чем раньше, выгонять путников из их укрытия. Взяли их за одежду в районе воротника, как сука переносит щенков, тут каждый ощутил жаркое дыхание каменных, казавшихся бездушными и абсолютно холодными, псов. Схватив таким образом пленников, псы Уадура что есть мочи понеслись к своему хозяину, перепрыгивая обрывы, пробегая огромные заснеженные поля. Почти сразу, с начала такого путешествия Наар, Кавэд и Алоин с его другом, переместились на спины несших их монстров. Псы несли их такими тропами, по которым человек не только не смог бы идти, но никому не пришло бы в голову даже размышлять о том, что бы пройти там. Из-за темноты, снега, ветра, ни один из четверых не смог бы указать пути, по которому они бежали. Долог был их путь или короток, они тоже не сказали бы. Ведь когда происходит что-то неприятное, страшное, время растягивается, и минуты могут

длиться часами. Когда бег прекратился, путешественники увидели вход в пещеру, которую охраняли два витязя, в кольчугах, шлемах, со щитами, мечами, в металлических поножах и кожаной обуви. Воины эти были на половину выше обычного человека. Псы вошли в пещеру. Тут до пленников начали доноситься смех, музыка, обрывки чьих-то разговоров, звон кубков. Когда псы втащили Наара и его спутников в зал, пленники увидели пирующих людей. Это был пир Уадура. Пирующие располагались в огромном зале с камином, в котором могли гореть целые стволы деревьев. На вертелах жарились туши быков, коров, кабанов, овец. Огромные столы ломились от блюд с самой разной едой: сыров, хлебов, овощей, фруктов. Были сладости: печенья, конфеты, орехи, мёд. Бочки с вином и пивом стояли сразу в нескольких местах большого зала. Возле каждой лежал черпак и несколько человек тех, кто пить больше не мог, но сойти с места тоже не находил в себе сил. Музыканты играли мелодии одну за другой, поражая всех мастерством исполнения и красотой музыки. Среди пирующих не было ни одного человека с грустным или озабоченным лицом, везде лишь смех и радость. Каждая из женщин ослепляла красотой, а мужчины олицетворяли благородство. Мужчины были одеты в красные кафтаны без ворота, черные штаны с поясом и сапоги. На поясах крепился длинный кинжал или короткий меч. Женщины носили белые рубахи, кафтаны, похожие на мужские, только с полами до земли и длинными рукавами, с прорезями для рук. Женские платья были расшиты золотом и серебром с изображениями рысей, орлов, барсов, каменных псов, ястребов, виноградных лоз, плодов гранатового дерева. Так пиروвал Уадур, князь горцев и хозяин каменных псов. Сам Уадур был коротковолос, сед, среднего роста, с небольшим носом, достаточно глубоко посаженными глазами, немного полноват, с пухлыми пальцами на руках. Но, вопреки такому, довольно не мужественному виду, он внушал уважение, в нём чувствовались сила и уверенность. Когда Наар и его спутники появились в зале, Уадур жестом приказал музыкантам прекратить играть. В зале воцарилась тишина.

– Странную добычу сегодня принесли мои слуги. – сказал князь и погладил одного из псов по холке, как если бы это был не каменный монстр, а обычное домашнее животное. – Даже не знаю, по какой причине, они вдруг решили, что этих людей нужно тащить в мой дом. – Хозяин пира явно сам был немного удивлён таким гостям.

– Князь, это великая честь для нас, быть на твоём пиру. – Произнёс Алоин, глядя в пол. – Какую бы участь ты нам не уготовал.

– Да, верно говоришь. Побывать на моём пиру – счастье. По поводу участи – я ещё не решил, что с вами делать. Вы двое – князь показал на Алоина и его напарника – дети моего народа, это видно. А эти двое – чужаки.

Наар понял, что говорят о них и решил заговорить первым. Языка горцев он не знал, поэтому заговорил на глоттаре, в надежде, что Алоин переведёт.

– Да, мы писцы, каттавы, жрецы Сефера. – начал Наар, но Уадур его оборвал, ответив на глоттаре.

– Тогда понятно, почему вы здесь оказались. Обычно, когда они слышали запах чернил или рукописи, то рвут человека или рукопись на куски. Это делалось для защиты моего народа и наших традиций. Слишком настойчиво вы пытались привить нам любовь к тому, что нам чуждо. Но всё это было очень давно. Теперь, вместо того, чтобы быть разорванными на части, вы здесь. Скажите мне, слуги Сефера, вы вновь пришли учить нас письму? И не удивляйся, что я говорю с тобой на твоём родном языке. Я знаю язык Империи. Я знаю много языков.

Наар был удивлён и рад. Так общаться будет гораздо проще.

– Нет, мы более не распространяем силой Священное знание. Кто желает, сам придёт к источнику жизни. Если силой заставлять человека есть даже самую вкусную, изысканную еду, она не доставит удовольствия. Среди ваших гостей ведь нет тех, кого вы заставляете веселиться?

Уадур только улыбнулся.

– Что у тебя в сумке?

Наар достал письменный набор и рукопись. Сумку протянул князю, а рукопись прижал к себе.

– Дай мне рукопись – теперь Уадур протянул руку к юноше. Пока хозяин пира общался с пленниками, никто из пировавших не проронил ни слова, никто не остался стоять возле столов, даже кубки с вином и тарелки с едой были отставлены в сторону. Все столпились вокруг пленников и князя. Наар с опаской протянул рукопись. Князь её принял и стал листать.

– И вот такие у вас святыни? – он посмотрел на Кавэда и Наара. – Смотрите, что с нею сейчас будет. – после этих слов Уадур швырнул рукопись прямо в огонь камина. От удара о поленья, горевшие в камине, рукопись открылась. Наар кинулся за ней, но его тут же схватили двое мужчин, стоявшие рядом. Юноша пытался вырваться, но его держали крепко. Пальцы горцев сковали его не хуже стальных оков. Рукопись не горела. С ней совсем ничего не происходило. Точно также она могла лежать на столе или в сумке у Наара. Он сам и Кавэд, не сразу поверили своим глазам. Оба помнили, как строго в любом скриптории или древлехранилище наказывали за неосторожное обращение с огнём. Огонь туда вносили лишь в исключительных случаях и с величайшей предосторожностью. Ни Наар, ни Кавэд не видели, как сгорает рукопись, хотя и слышали рассказы о целых библиотеках, которые были уничтожены пламенем. Все смотрели то на рукопись, то на Уадура, ждали его реакции. Если он решит, что это доброе чудо, то о судьбе пленников можно будет не переживать. Однако же, если горец решит, что так свою силу проявляют злые духи, то, вероятнее всего, что дорога Наара и его спутников закончится прямо на этом пиру, вероятно, в этом же зале и в этом же камине. Но князь молчал, только глядел на рукопись, которую облизали языки пламени.

– Как тебя зовут? – обратился князь к юному каттаву.

– Наар.

– Наар, пойді, достань рукопись. Мне интересно, пощадит ли тебя огонь.

Мёртвая хватка державших юношу охранников ослабла. Он не волновался, был спокоен, даже начал торжествовать, считая, что горцы посрамлены этим чудом, негорящей рукописью. Быстрым шагом юноша подошел к камину, вступил в него, нагнулся и протянул руку к лежавшей впереди рукописи. Ни он сам, ни даже одежда не обгорели и не изменили своего вида. Ему казалось, что тёплый воздух приятно дует ему в лицо, но не больше. Взяв рукопись, юноша вышел из камина, отряхнул ноги от пепла, и молча положил рукопись в сумку.

– Да, признаюсь, впервые вижу, чтобы ваши книги не горели. Обычно они пылают, как факел. – стало понятно, что на счету Уадура не одна сожженная рукопись. – Да и то, что писцы не горят, тоже впервые вижу. – закончил князь под общий смех гостей в зале. Кавэд с Нааром переглянулись. Их действительно могли сжечь.

– Писец, может ты колдовству обучен? Может, удивишь нас тогда своим умением? Что же тебя пламя не берёт?

– Прости князь, но колдовству я не обучен. Меня всегда наставляли держаться подальше от таких забав. И сам я удивлён, что рукопись не сгорела. И я должен был сгореть. – Юноша подумал и добавил – Видимо, не сейчас я должен умереть.

Уадур опять улыбнулся.

– Я сделаю для Вас исключение. Будьте гостями на моём пиру. Раз тебя пощадил пламя, неужели я тебя не пощажу? Подайте им кубки! – в одно мгновение пленники превратились в едва не самых важных гостей на пиру. Их усадили за стол. Перед ними оказались тарелки с ломтями баранины и телятины, только срезанными с огромных туш, жарившихся на вертелах в камине, тут же рядом положили два ломтя свежего белого хлеба, ещё тёплого. Несколько пучков зелени, нарезанные овощи, и пару ломтей сыра не оставили на большой тарелке свободного места. Тут же к новым гостям придвинули большие блюда и начали уговаривать попробовать ещё свинину в меду или ягнятину в винном маринаде. В начале, путешественники даже испу-

гались такого количества внимания, но очень быстро стеснение ушло и на смену ему пришёл голод, ощущение сильного голода, который вдруг появился на фоне фантастических запахов свежей еды, суливших изумительную трапезу. Однако в тот вечер никто из четверых друзей не упился вином или едой. Писцы, хоть и расслабились, но были внимательны и следили за происходящим вокруг. Для Алоина же и его друга присутствовать на этом пиру было неимоверной честью и напиться на нём означало бы такое же бесчестье.

– Ты понял, что произошло? Почему рукопись не горела? Она же должна была. – Наар хотел быстрее узнать мнение Кавэда. Ему казалось, что монах более начитан в легендах и древних сказаниях. Да и просто он был единственным человеком, с которым можно было обсудить этот вопрос.

– Не сейчас. Поговорим потом. – Кавэд обвёл взглядом зал, стремясь показать, что это совсем неподходящее место для такого разговора.

Как часто бывает, когда писцы почувствовали сытость, им захотелось спать. Алоин с приятелем же, напротив, были бодры и не думали покидать пир. Уадур распорядился расположить всех гостей в одной комнате, чтобы те, не беспокоились друг о друге. Комната была большой, с камином и четырьмя кроватями. Посреди комнаты стоял квадратный стол и четыре стула. Слуги, что привели Наара и Кавэда в комнату, принесли кувшины с вином, молоком и водой, блюда с закусками на случай, если гости захотят подкрепиться. Хотя казалось, что после такого обильного застолья они могут не есть неделю.

– Так что это было? – сказал Наар, как только последний слуга закрыл за собой деревянную дверь в комнату.

– Похоже, желание спать тебя совсем покинуло. – Кавэд тёр глаза и улыбался.

– Почему я не сгорел? – задал новый вопрос Наар.

– Хорошо, давай присядем за стол. Я тоже сегодня впервые видел, чтобы рукопись была в огне, и чтобы человек был в огне. Сперва скажи мне, что ты думаешь о случившемся?

– Ничего не думаю. Никак объяснить не могу.

– Слушай, в одной из наших бесед ты сказал, что твоим учителем был сам Захарта. Мудрый старец. Розир не единожды рассказывал нам о нём. Неужели у тебя никаких идей нет?

– При чём здесь это? – Наар был недоволен, ему казалось, что его собеседник уходит от темы разговора.

– Я удивлён. Неужели ученик Захарты, великого хартофилакса Таирасса не сможет мне ничего рассказать о рукописях, что не горят? – монах смотрел на собеседника с укоризной. Это задело молодого каттава.

– Не пытайся меня пристыдить. Для меня рукопись всегда была очень хрупкой вещью, которую нужно защищать от огня, воды, сильного ветра в первую очередь. О людях я скажу тоже самое.

– То есть такие легенды тебе не знакомы?

– Знакомы, но это же легенды! Я тебя по делу спрашиваю, а ты мне о легендах рассказывать начинаешь. Давай поговорим о легендах. Захарта нам сотни легенд рассказывал, сотни древних историй мы переписывали. Но, – тут юноша полез в сумку, достал рукопись и положил перед собой. – этот манускрипт он раньше мне никогда не показывал. – начал переворачивать её листы. – Когда появилась угроза уничтожения города, учитель дал мне именно её. Чтобы я отнес её к Белому побережью. Вернее, чтобы я шел с ней к Белому побережью. – Наар продолжал листать рукопись, иногда останавливаясь на каком-то листе с миниатюрой или текстом, который его почему-то заинтересовал. Монах, сидевший напротив, был в затруднительном положении. Кавэду была известна легенда о Рукописи пути, он был почти уверен, что перед ним сидит чтец, который один может её прочесть. Конечно, он не до конца сам в неё верил, но увиденное во время пира заставляло многое переосмыслить. Возможно, в древних легендах было куда меньше легендарного, чем ему раньше казалось. Кавэда настораживало,

что Захарта, который дал юноше рукопись, но ничего больше не сказал. Хоть что-то он должен был ему рассказывать, пускай и не сказал Наару прямо, что тот – чтец. Это очень известная легенда. Вообще, вдруг, Наар не чтец и нет вовсе никакого чтеца и никакой Рукописи пути? Тогда зачем ему рассказывать об этих вещах? С другой стороны, Кавэд впервые видел, как Рукопись не горела, а это один из признаков трёх рукописей: Рукописи пути, Рукописи Небытия, Рукописи Мироздания. Монах встал из-за стола, взял у юного каттава манускрипт и положил его в камин, который горел в их комнате.

– Ты чего?! – Наар вновь бросился в огонь, но Кавэд схватил его и держал некоторое время. Рукопись вновь не загоралась. Он отпустил парня и тот во второй раз за день достал рукопись из огня и сам остался невредим. Но Наар буквально взбесился:

– Да ты знаешь, что за этот поступок тебя нужно лишить монашества, священства, отрубить большой и указательный пальцы на обеих руках, чтобы перо никогда не задержалось в твоих руках и отправить в соляные шахты таскать мешки до скорой смерти! – юноша никак не ожидал такого поступка от своего друга. – Это всё было бы ещё милосердием по отношению к тебе. А то и повесить бы тебя, как последнего вора.

Кавэд же был невозмутим. Он просто убедился, что рукопись действительно не горит. Сам поднёс руку к огню и тут же одёрнул её назад, чтобы не обжечься.

– Наар, что ты знаешь о рукописи Пути?

– То же, что и ты. Пересказывать не вижу смысла. Ты считаешь, это она?

– По крайней мере, это возможно. Рукопись ведь написана каким-то неизвестным мне письмом.

– То есть, ты хочешь сказать, что я могу быть чтецом?

– Да, я думаю, что это возможно. Я не знаю, стоило тебе говорить об этом или нет. Но теперь что уж.

Юный каттав ничего не ответил. Только спустя несколько секунд произнёс, будто в пустоту, а не к собеседнику:

– Жаль, что наставника нет рядом. И неизвестно, что стало с Таирассом. Жив ли Захарта вообще?

– Выясним, когда доберемся до Саирата. Думаю, если он не говорил тебе ничего о твоём предназначении, а чтец – это предназначение, то у него были на то причины.

– На самом деле, есть только один способ проверить, чтец я или нет. – юноша сел за стол, раскрыл перед собой рукопись и начал читать, тихо проговаривая текст. Между незнакомыми знаками попадались символы письма зарамкарев, но ими были записаны обычные тексты: молитвы, хроники, легенды. Кавэд налил себе вина и сел напротив. Минут через пятнадцать Наар отодвинул рукопись.

– Ничего не вижу особенного. Обычные каждодневные молитвы. И миниатюры обычные и орнамент в рукописи обычный. Всё обычное. Даже пергамент не самый лучший. Кое-где волнами пошёл, а на седьмом листе вовсе дыра. Это самая обычная рукопись. – Наар развёл руками.

– Дай её сюда. – текст начал читать Кавэд. Затем пролистал всю рукопись. Действительно, просто сборник молитв на каждый день с выписками из хроник и избранными легендами.. Качество изготовления – среднее. – Не знаю тогда, что здесь может быть. Честно скажу тебе, я устал от наших споров, от съеденного и от выпитого. Я иду спать, того же и тебе советую. – Кавэд, уже устало двигая ногами, дошёл к своей постели и лёг. Наар тоже вдруг почувствовал, как на плечи навалилась усталость, а веки стали тяжёлыми. Сумку с рукописью он положил себе под подушку. Когда лёг, долго не мог уснуть, вспоминал свой разговор с Кавэдом, а потом – разговоры с Захартой. Усталость всё же взяла своё. Уже сквозь сон он слышал, как в комнату завели Алоина и его товарища, счастливых, но тоже очень уставших, однако не пьяных.

Словом, все четыре путешественника остались довольны приёмом, который им оказал Уадур, князь горцев и хозяин каменных псов.

Проснувшись утром, Наар увидел троих своих товарищей, завтракавших за столом. Горцы пили воду, а монахи молоко.

– Ну наконец. Мы уже не надеялись дожидаться, когда ты проснёшься, старина. Садись к столу. – Алоин отодвинул стул, приглашая Наара присесть. Но тот к столу не пошёл, сел на кровати, окинул комнату взглядом.

– Доброго утра. Или доброго дня. Чего там сейчас? – он умылся из глиняного кувшина, над небольшим деревянным корытцем, что стояло на столе у стены. Вытер лицо и руки белым полотенцем, лежавшим тут же, только после этого сел за стол.

– Долго вы ещё вчера гуляли? – обратился он к горцам.

– Да, долго. – те явно были довольны, что их самих об этом спросили и им не пришлось об этом рассказывать, будто бы им хотелось этим похвастаться. Хотя, на самом деле, им без сомнения хотелось этим похвастаться.

– Получается, Хациар, смотритель перевала, да умножит Сефер его лета, не лгал? Уадур действительно существует. Часто его видят? – Наар налил себе в глиняный стакан тёплого молока и начал завтракать, закусывая молоко хлебом.

– Честно говоря, ни я, ни Догой – таково было имя напарника Алоина. – никто другой никогда князя не видел. Только рассказы в древних преданиях. Мы первые, кому выпала такая честь. Боюсь только, нам никто не поверит. Наар, мы попали на пир благодаря тебе. Тому чуду, что ты писец и не сгорел в камине. Иначе, отправились бы за тобой и мы. Вчера в зале ещё долго об этом говорили.

Горцы начали выяснять, что за тайну скрывает Наар, что над ним не властен огонь. Конечно, Алоин и Догой не верили, что жрецы Сефера сами не знают, в чём дело и решили, что эта тайна столь велика, что её нельзя доверять иноверцам. Тем более не верили, что каттавы сами видели такое впервые. В итоге, видя, что расспросы не приведут ни к чему, мужчины принялись вспоминать пир.

– Стыдно признаться, но до вчерашнего вечера я сам считал Уадура не больше, чем героем легенд, которые старики обычно рассказывают детям зимой у домашнего очага. – признался Алоин.

– Но он же не человек? Или человек? У кого мы в гостях, вы знаете? – Кавэд вдруг понял, что князь горцев совсем может не быть человеком. Может быть духом или даже демоном.

– Он человек, но волшебник. Откуда ты думаешь, все эти напитки, еда? Каменные псы тоже появились не от каменного кобеля и каменной суки. – последняя фраза вызвала смех у обоих горцев. Писцы тоже улыбнулись.

– Пусть так. Волшебник – всё же человек, это лучше, чем дух. Алоин, скажи, вы будете сопровождать нас дальше?

– Мы, будем вас сопровождать дальше, как обещали. Но всё это нужно обсуждать с князем. Мы на положении гостей, но здесь хозяин дома решает, кто, куда, когда едет.

– Тогда нам нужно идти к нему. Долго гостить мы не можем.

Путешественники не знали, где искать князя, поэтому пошли ходить по коридорам, просто в надежде встретить кого-нибудь, кто поможет им найти Уадура. Едва не сразу они столкнулись с двумя слугами, один из которых согласился проводить их к князю. В коридорах, залах, комнатах дворца было тихо. Алоин служил переводчиком в беседе со слугой, пока путешественники шли к князю.

– А где все гости? Почему так тихо?

– Гости не так давно разошлись по комнатам, отдыхают. Некоторые из мужчин уехали на охоту. Думаю, почти все сейчас спят.

– А князь?

– Князь не спит никогда. – этот ответ впечатлил Наара и его спутников. – Он уже знает, что Вы идёте к нему и он готов Вас принять.

– А откуда он это знает? – Кавэд хотел выяснить, это было волшебство или какая-то система оповещения, использовавшаяся в пещерном дворце.

– Знает, потому что так устроено. – ответ слуги был короток и интонация показывала, что более подробного ответа не будет. Пятеро мужчин прошли ещё несколько коридоров и лестниц, когда слуга произнёс: «Мы пришли». Гости стояли перед обычной на вид дверью. Но присмотревшись, каждый мог заметить, что дверь была каменная, массивная, как крепостные стены самых укреплённых городов Империи.

– С вашего позволения, здесь я Вас покину – слуга удалился. дверь открылась сама и перед гостями предстал Уадур. Вернее, он сидел за столом и думал над какой-то настольной игрой, похожей на шахматы.

– Проходите, присаживайтесь, где Вам будет удобно. – князь улыбался, ему было приятно видеть своих гостей. – Как вы вчера отдохнули?

– Отдохнули хорошо, спасибо. Мы Вам не помешали? – ответил за всех Наар.

– Мой друг, если бы вы могли мне как-то помешать, вас бы ко мне просто не привели. Я догадываюсь, вы пришли спросить меня о вашей дальнейшей судьбе?

– Да. – сказал Кавэд.

– Я Вас не держу. Можете оставаться, сколько захотите. Или можете идти. Вы не пленники.

– Спасибо за Ваше гостеприимство, князь. Тогда мы продолжим путь. Нам нужно в Сариат. Когда мы могли бы выступить? Я только не знаю, что скажут наши храбрые проводники – Наар посмотрел на Алоина и Догоя – Кажется, они готовы провести здесь остаток жизни. – горцы в ответ засмеялись.

– По поводу проводников не беспокойтесь. Я предлагаю вам свою помощь. Можете воспользоваться каменными псами, вернее, упряжками каменных псов. Они домчат вас до подножия гор, до того места, откуда Сариат уже виден. До этого места вам отсюда, при хорошей погоде, дня три пути, а мои псы домчат вас за полдня. От места, где они вас высадут, день пути до городских ворот Сариата. Согласны? – оба писца растерялись. После первой поездки на каменных псах остались не самые лучшие впечатления, но три дня в горах, даже при условии наличия хорошей погоды, что было совсем не обязательно, могли оставить ещё более худшие впечатления. Тем более, что ехать предлагали не на собачьих спинах, а в санях, что было гораздо удобнее. Быстро посоветовавшись между собой, писцы согласились. Алоин и Догой могли возвращаться домой.

– Славнейший князь, спасибо вам. Но мы просим вас отправить меня с Догоем вместе с этими двумя путешественниками до того места, где они покинут горы. В начале нашего общего пути, когда никто не знал, что нас схватят твои каменные псы, что мы встретим тебя, мы пообещали, что будем отвечать за этих двух путешественников, пока они не перейдут горы. И я, и мой друг понимаем, что под твоей защитой эти два человека в полной безопасности, ни один из тех, кто зовёт горы своим домом, не защитит путешественников лучше тебя. Но мы дали обещание и должны его выполнить. – Алоин стоял перед князем, как сын перед отцом.

– Да, я не ошибся, когда оставил Вас пировать с достойнейшими в моём доме. Хорошо, вы отправитесь с ними до подножия Высоких гор, а потом мои псы доставят вас на перевал, к Хацариу. Не удивляйтесь, я знаю не только имя этого старика, но я знаю обо всём, что происходит в горах. Сам старик меня никогда не видел.

– Может, славнейший Князь, вы знаете почему кочевники вдруг атаковали Империю? – Наар спрашивал скорее на удачу, чем действительно надеялся получить ответ.

– Нет, этого мне не известно. Скажу только, что в горах с каждым днём всё больше жителей равнин. Кочевники захватывают всё больше земель. Ты спасаешься от них? – князь смот-

рел на юношу. – А ты, – он перевёл взгляд на Кавэда, – ты из скита недалеко от выхода из подземного хода их Таираса?

Кавэд ничего не ответил, только кивнул. Монах ожидал чего-то такого, но, всё же, был сильно удивлён, что Уадур знает и об их ските. Потом всё же добавил:

– Да, всё так, Я из скита. Но теперь сопровождаю этого юношу в его путешествии на восток.

– Да, далёкий у вас путь. Ну, а что ты, Наар, скажешь о нападении кочевников? Ты видел их?

– Нет, я их не видел. Я видел только горе, которое они приносят вместе с собой. Вы не боитесь, что они могут атаковать горные поселения?

– Зачем им атаковать горцев? Кочевники не привыкли воевать в горах. Горы и море – эти стихии для них чужды, даже враждебны, им трудно воевать в этих условиях. Они, конечно, могут сюда направиться, но потом крепко пожалеют. Алоин, я ведь верно говорю?

– Истину говорите, Князь.

– Хорошо. Прошу меня извинить, дела. Вы решили, когда покинете мои чертоги?

– Как только Вы сочтёте это возможным, Князь. Но чем раньше, тем лучше.

– Тогда пойдёмте, я вас провожу. Собаки уже готовы, в упряжках. Еда и питьё для вас тоже собраны. – Уадур встал, за ним встали остальные. Дверь перед князем открылась сама, потом также сама закрылась за Догоем, который последним вышел из комнаты. Вновь гости шли через длинные коридоры, освещаемые светильниками в виде птиц и животных, пока не пришли в зал, с большими воротами, перед которыми стояли четыре собачьих упряжки. Но, в отличие от обычных упряжек, в которые запрягают по несколько собак, здесь запрягли по одному каменному псу на упряжку. Этого вполне хватало, чтобы ехать очень быстро и на далёкие расстояния. Теперь псы не выглядели такими грозными. Всё же, Наар и его спутники были под впечатлением от знакомства с ними и смотрели на огромных собак с опаской. Уадур заметил их страх.

– Не бойтесь. Теперь они будут вас охранять и сами скорее погибнут, чем позволят случиться чем-то дурному с вами. Я решил отправить с вами ещё трёх собак, для охраны. В горах, пока спокойно, но предосторожность лишней не бывает. Теперь, можете садиться в сани. Ждать более нечего. – князь жестом указал на сани.

– Славнейший князь, благодарим за приём, это была огромная честь для нас – Все четверо поклонились хозяину пещеры.

– И я вам благодарен. Создатель отметил тебя, Наар и я желаю вам успешно справиться с дорогой, которую вы себе избрали.

«Знать бы ещё, что за дорогу мы себе избрали» – Подумал про себя юноша.

Путешественники заняли свои места в санях. Сани были в два с половиной метра длины, сзади становился возница, он же был пассажиром, впереди укладывали, при необходимости, груз. Задняя часть, та, где становился возница, была длиной около восьмидесяти сантиметров, ограничивалась она тремя стенками в половину человеческого роста и дверью с откидным сидением. В ширину сани были немного менее метра. Чтобы не выпасть из саней на большой скорости, возницы пристёгивались к ним кожаными ремнями. Попрощавшись с Уадуром, все четверо выехали сквозь открытые ворота на заснеженные горные луга, потом ехали какими-то тропами, над обрывами, ущельями, поднимались и спускались по крутым склонам. Чтобы защитить глаза от снега, всем выдали костяные очки с узкими прорезями для глаз.

Псы действительно мчали очень быстро. В очках обзор был хуже, чем без них, так что к очкам нужно было привыкнуть. Снять их никто не пытался, Наара и Кавэда предупредили, что этого делать ни в коем случае нельзя. Дух захватывало от пейзажей вокруг и скорости, на которой сани неслись сквозь эти пейзажи. Собаки сами тащили сани, ими даже не нужно было управлять. Да и как править, когда не знаешь пункта назначения? Луны в небе то появля-

лись, то исчезали, скрываемые пиками гор. Время от времени сани пересекали огромные пятна бледного лунного света, будто какой-то плёнкой, покрывавшего землю. Собаки должны были доставить путешественников к подножию гор незадолго до рассвета, так, чтобы псы могли до первых лучей солнца вернуться на те тропы, где бы их точно не смогли найти даже самые храбрые и любопытные охотники. Наар и Кавэд должны были успеть добраться до Саирата к концу светового дня. Путешествие было даже приятным и синие глаза каменных псов уже не светились той демонической угрозой смерти, которую путешественники увидели в них при первой встрече. Часов через пять езды, когда, по расчётам путешественников за спиной у них осталась половина пути, один из псов вдруг протяжно завыл, хотя до этого они всю дорогу молчали, не выли, не лаяли, даже не рычали. После этого собаки внезапно рванули, побежали ещё быстрее. Тут как разгодились ремни, которыми пассажиры были пристёгнуты к саням, без таких приспособлений кто-то из пассажиров непременно вылетел бы из своего места. Из-за очков и темноты было трудно разглядеть, что происходит. Первым ехал Догой, за ним Кавэд, потом Наар и замыкал эту небольшую колонну Алоин.

– Наар, пригнись! – каттав услышал крик Алоина и, не став задавать вопросов или обращаться, пригнулся так низко, как только мог. Едва подняв затем голову, он увидел, как один из псов-охранников старается в прыжке достать огромного ворона, только что пролетевшего над Нааром и пытавшегося схватить его своими лапами.

За несколько минут до этого Алоин заметил птицу, кружившую над путешественниками. Её силуэт время от времени появлялся на фоне лун, висевших в небе. Долгое время птица летела над ними, а потом начала снижаться. Ночь была достаточно светлой. Свет луны и звёзд отражался от снега и в воздухе будто распространялось какое-то сияние. Всё же горец долго не мог разобрать, что за птица то ли сопровождает, то ли преследует их. Лишь спустя какое-то время он понял, что это ворон. Когда ворон снижался, казалось, будто птица увеличивается в размерах. Так продолжалось до тех пор, пока размах крыльев птицы не достиг шести с половиной метров. Огромный ворон стал быстро приближаться к земле, собаки тоже его заметили и первая из них, которая его почуяла – завывала. В тот момент Алоин и крикнул Наару: «Пригнись!». Пёс, хотевший схватить ворона за лапу, не допрыгнул, хотя прыжок был очень высоким. Санний караван повернул в сторону леса, где деревья должны были защитить от гигантской птицы. Но когда до леса оставалось пара сотен метров, собаки вдруг резко развернулись прочь и продолжили двигаться по тому пути, как ехали раньше. Из леса же, вслед за собаками и санями, вылезли пауки, разных размеров. Самый мелкий из них был размером с телёнка, а самый большой мог сравниться с крупным волком. Ворон вновь попытался схватить Наара, но теперь одной собаке удалось мёртвой хваткой вцепиться в птицу, схватить её за лапу, однако свалить ворона на землю, так и не получилось. Второй своей лапой ворон схватил напавшего пса, начал наносить по нему удары клювом, пытаться отцепить её от своей лапы. Сперва был слышен лишь рык. Затем, после нескольких ударов клюва, от которых звук был такой, как будто рабочий в каменоломне киркой разбивает скалу, над долиной разнесся собачий вой, затем лай, рык и те из путешественников, кто подняли голову, чтобы посмотреть наверх, разглядели, как собака пытается укунить ворона за брюхо, отгрызть птице лапу, хоть как-то навредить ей. Но безуспешно. Ворон поднялся высоко, так высоко, что его даже трудно было увидеть, полетел к глубокому ущелью и сбросил в него каменного пса. От удара о скалы тот разлетелся на сотни мелких камней. Жизнь, бывшая внутри каменного существа, из-за которой глаза собак светились синим светом и из-за которой псы обладали жарким, горячим дыханием, эта жизнь в виде светящегося шара вошла в камни и стала частью гор. Ворон одержал победу в схватке, но сам оказался очень измождён и продолжать погоню больше не мог, лапа и брюхо кровоточили. Погоню продолжали пауки. Их было то ли пять, то ли семь. Сосчитать точно никто не сумел. Иногда мимо собак и саней проносились нити паутины, которой пауки хотели поймать добычу. На быстром бегу это получалось у них очень плохо. Сани постоянно увиливали, попасть в них

было сложно. Несколько раз паукам удавалось попасть в сани Алоина или Кавэда. Но собаки-охранники всякий раз перекусывали нить паутины, хотя сани Алоина паутина едва не остановила, горца сильно трянуло, но ремни опять показали свою пригодность. Пауки бежали быстро, очень быстро, но всё же медленнее, чем бежали собаки. Сначала перестала долетать паутина, падая лентами за спинами преследуемых, а потом пауков стало не видно, как наши герои не оборачивались, не всматривались назад. Однако же, страх оставался. Казалось, эти чудовища вот-вот появятся из-за груды камней или даже из-под снега. Вопреки всем ожиданиям и переживаниям, вторая часть пути прошла спокойно, хотя в каждом кусте или коряге мерещились огромные пауки, а в тучах, изредка затмевавших луны, виделись невероятных размеров вороны.

Когда уже начинала заниматься утренняя зоря, путешественники наконец прибыли к подножию гор, к тому месту, где псы должны были их оставить.

– Ну что ж, – сказал Кавэд, взвалив на плечо небольшой мешок с провиантом и поправив сумку с письменными принадлежностями, – не будем долго растягивать прощание. После сегодняшней дороги я бы скорее хотел оказаться в Саирате. Хотя бы в относительной безопасности.

– Наар, мы должны идти с вами, проводить вас до города. – настаивал Алоин, горячо поддерживаемый Догоем.

– Друг, я крайне благодарен за отвагу, что ты проявляешь, но ты обещал сопроводить нас в горах и ты выполнил своё обещание. Вспомни, как вы с Догоем помогали мне выбраться из ямы, в которую я провалился в тот день, когда нас встретили каменные псы. Ты предупредил меня о вороне, иначе бы он меня точно схватил, прикрывал собой от пауков. Без псов-защитников, нам бесполезно с ними тягаться. Так они убьют двоих человек, а если вы с нами пойдёте, то четверых.

– Да и в горах вы их тоже можете встретить, не стоит печалиться! – Кавэд подмигнул горцам, как бы намекая на шутку, но никто не засмеялся. Казалось, даже каменные псы посмотрели на монаха с некоторой укоризной. Тот почувствовал себя неловко. – Ладно вам. Надеюсь, никому из нас больше никогда не придётся встретиться ни с одной из тех тварей, что пытались пленить или убить нас сегодня ночью. Алоин, скажи, это какие-то особенные горные пауки? – Кавэд вдруг решил, что это просто мог быть вид пауков, ему не известный.

– Нет, я впервые их видел и никогда даже не слышал о таких существах.

– Я тоже. – подтвердил слова друга Догой.

– Знаешь, мне показалось, что им нужен был ты, Наар. – произнёс Алоин. – Ворон пытался схватить тебя и пауки будто целились в твои сани.

– Может быть. Солнце скоро встанет. Нам ещё много нужно сегодня пройти, и вам путь не близок. Пусть строки в ваших книгах судеб будут описанием счастья.

Горцы улыбнулись.

– Да хранит вас Уацу до конца ваших дней. Счастливо.

Друзья в последний раз обнялись и расстались. Алоин и Догой поехали к перевалу, Наар и Кавэд пошли пешком к Саирату. Шли они быстро, не оглядываясь по сторонам. Казалось, будто они беглецы, опасющиеся преследования. В какой-то мере так и было. Согласно расчетам, которые каттавы делали со слов Уадур, от места, где их высадили, до города нужно было пройти тридцать пять вёрст. Дорога не близкая, но вполне проходима для взрослого мужчины за один день. Если торопиться, конечно.

Первая половина пути была пройдена быстро, без остановок. Путешественники ждали нападения пауков и всё будто пытались оторваться от них. Когда солнца находились в своих самых высоких точках над горизонтом, писцы прошли примерно половину пути. Они миновали несколько деревень, но о Таирасе и борьбе с кочевниками ничего узнать так и не смогли. В одном дворе крестьянин говорил, что кочевники разбиты и отступают, в другом дворе гово-

рили, что разбиты имперские войска и враг скоро возьмёт Сариат и Наппар. В следующем хуторе сказали, что слышали о вторжении кочевников, но больше ничего не знают. Сделав несколько остановок в пути для отдыха, вскоре после заката путешественники пришли к городским вратам Сариата.

Глава 12. Первая победа

– Ваше Величество, Парсонтар пал. Все лодки и речные суда, находившиеся в городской гавани, были либо благополучно выведены из города, либо сожжены в этой же гавани. В итоге, врагу не досталось ни одного судна. У местных рыбаков тоже забрали все суда и лодки. Парсонтар был взят, но часть гарнизона удалось спасти, сейчас она в Тарине. Врагом захвачены вся Оринтская и Парсонтарская провинции. Через три или четыре дня, вероятнее всего, начнётся осада Тарина. Враг уже движется к городу. Вопрос только в его решительности. Хотя её, как показывают последние бои, врагу не занимать. Так что неясно, даст Хунхар отдых после марша или они будут атаковать сходу. Наместник Парсонтара, барон Лахав погиб, защищая город. Семью его удалось спасти. – Владар сидел на троне наместника города Тарина, слушал доклад драммиата Кафара, приведшего в Тарин остатки гарнизона Парсонтара. Император понимал, насколько враг силён и как трудно будет его одолеть. Но Владар верил в свою правоту и она давала ему уверенность в победе, которая передавалась и его соратникам.

– Благодарю, Кафар. Ваша храбрость и умение обязательно будут отмечены. Я дарую Вам земли в южном пригороде Галиара, полторы тысячи гектаров земли у Тёплых ручьёв. Я хочу, чтобы каждый из присутствующих здесь знал, что он, хотя защита Империи является его священным долгом и не подразумевает обязательной за это награды, будет всё же щедро мной вознаграждён за исполнение этого долга. – в ответ драммиат Кафар учтиво поклонился.

– Спасибо, ваше величество.

– Теперь я хочу знать ваши мнения о том, что следует дальше предпринять. Что скажет гибор Империи, Гизлем Младший?

– Ваше величество, я думаю, что врагу необходимо дать бой у стен города. Позволить ему начать осаду, в надежде на то, что он через несколько месяцев ослабнет и уйдёт – на мой взгляд, неразумно. Хотя и такие предложения, как я слышал краем уха своего, высказывались. На поле сражения имперская армия и кочевники встречались пока лишь единожды, под стенами Таираса. Наши войска были разбиты, но мы узнали о возможной боевой тактике противника. Напомню, они тогда имитировали отступление, затем нанесли фланговые удары, смяли фланги и окружили наши отряды.

– Вы делаете выводы слишком уверенно – перебил гибора один из стратиггов, стоявших рядом. – После той битвы нам удалось опросить около сотни рядовых и всего трёх сотников. Это все офицеры, три человека, с кем можно говорить о ходе битвы. Остальные погибли, либо в плену. Хотя в том, что номады держат пленных, я не уверен. Убиты оба князя Хаире, зачем им менее значимые пленники? Если только в качестве рабов...

– Согласен, сведений у нас немного. Но мне их достаточно. – продолжал настаивать Гизлем.

– Если мы проиграем? На виду у всего города. Это будет колоссальный удар по духу защитников Тарина. – сказал ещё один военачальник, сомневавшийся в правильности прямого столкновения с номадами.

– В Тарине народ крепкий. Будьте уверены, их дух непоколебим. – ответил высокий, худошавый наместник Тарина, граф Оаль. – Чтобы они не увидели – будут стоять до последнего.

– Остаётся только надеяться. – сказал Владар. – Да и достойно ли было бы это вообще? Закрыться в городе и ждать пока либо мы умрём, либо враг уйдёт. Нет. Только битва, лицом к лицу. Мы прогоним врага с нашей земли или погибнем.

Однако, не все присутствующие с одинаковым воодушевлением восприняли слова о готовности умереть за Империю. Одни вспомнили о прекрасных жёнах, с которыми не было

никакого желания расставаться, другие о вине, хранившемся в подвалах их поместий. Женщины и вино были ближе, чем страна, которая всё это взрастила. Ведь на этой земле вырос виноград, из которого опытные виноделы готовили великолепные напитки, что лежали в подвалах аристократов и под солнцами Империи выросли женщины, которыми так дорожили знатные мужчины.

Согласно данным разведчиков, кочевники должны были подойти к Тарину через два дня. Эти сорок восемь часов использовали для укрепления города и спасения жителей окрестных селений. В город свозили припасы. Все надеялись, что осады не будет, что императору удастся разбить врага, но каждый всё же хотел быть уверен, что, в случае необходимости, можно будет продержаться долго. И даже очень долго. Тарин можно было снабжать по реке. Но ведь куда спокойнее, когда мешок чечевицы и кусок вяленого мяса уже лежит под лавкой в твоём жилище, чем в ожидании, что тот же мешок и кусок мяса должны доставить через несколько дней по реке. Были и те, кто ушел из города, не желая разделять с ним тяготы войны. Таких было немного и никто их не осуждал. Это был их выбор. Большинству толстые стены и высокие башни казались надёжной защитой, да и уход из города в опасное время многим казался предательством.

Через несколько часов после военного совета к императору вновь подошел гибор Гизлем Младший, вернувшийся после инспекции городской гавани и амбаров.

– Ваше Величество, я хочу поделиться некоторыми соображениями касательно битвы с врагом. В более спокойной обстановке. – Владар ничего не ответил, но лёгким кивком головы дал понять, что ему интересно. Гибор продолжил. – На Совете все наши рассуждения строились исходя лишь из оборонительной тактики. Чего стоит только предложение запереться в городе и пытаться «пересидеть» врага! Видимо, ваши слуги так подавлены, что и не думают нападать первыми. Сейчас я предлагаю следующее: напасть на кочевников до того момента, когда они придут под стены Тарина. После поражения у Таирасса мы не нападали на них, дожидались, когда кочевники подойдут ближе к городу и уже с опорой на город пытались то измотать врага, то нанести ему максимальный урон одним сильным ударом и, если отсиживаться в городе. Чистое безумие. Тактика себя не оправдала. Мы не рассчитали, сколько сил у кочевников, а их оказалось явно больше, чем мы могли даже предположить. Я предлагаю устроить засаду. Если мы выступим сейчас, то успеем, атакуем их ночью. Уверен, враг этого не ждёт и шансы на успех очень велики.

Император некоторое время подумал, поглаживая при этом подбородок.

– Не даром ты носишь оплечья гибора и на кирасе твоей знак командира имперских легионов. Я согласен. Я сам буду в засадном отряде биться рядом со своими воинами. Мы поступим так: отберём наиболее опытных бойцов, составим из них отдельный отряд. Ночью они первыми пойдут в лагерь противника. Их задачей будет тихо убить как можно больше врагов. Убивать вражеских солдат они должны будут до тех пор, пока убийцы не будут обнаружены. Когда это случится, они должны будут поджечь лагерь и тут в бой вступают основные силы.

– Ваше Величество, я думаю, это будет славная битва.

– Не загадывай, но шансы на успех есть. Ударный отряд сформировать из солдат моей личной охраны и гвардии. Полторы тысячи человек, не больше.

Уже через два часа армия выступила из города. Солдаты не знали, куда они идут. Не знали этого даже многие из офицеров. В городе был оставлен достаточно сильный гарнизон, к общей радости горожан. Марш продолжался около суток, с коротким привалом. Лёгкая имперская кавалерия уже вступала в стычки с дозорами Орды кочевников, когда армия прибыла на место, где предполагалось устроить засаду. Такие стычки были делом обычным и не настораживали кочевников. Они стали лагерем в том месте, где и предположил гибор. Большое количество огромных каменных глыб, кустарников позволяли равно разбить укрепленный лагерь или устроить засаду. Двигаясь по такой местности нужно было быть предельно внимательным,

но ни Хунхар, ни его соратники об этом не думали. Они были абсолютно уверены в том, что кочевники слишком сильны, чтобы серьезно укреплять лагерь, а имперские войска слишком трусливы, чтобы рискнуть нападать на кочевников.

Номады поставили свои палатки, разожгли костры, принялись готовить ужин: варить тонко нарезанные куски мяса, которые потом поедались вместе с лепешками. Повозки были поставлены вокруг лагеря, составив, таким образом, нечто наподобие стены. Шатры и палатки стояли в низине, так что к западу от них, если стоять лицом к Тарину, были холмы и большие каменные валуны, бывшие некогда частью Высоких гор, оставшиеся ещё с той поры, когда Высокие горы были ещё более высокими и могучими. До гор места, где номады стали лагерем, оставалось несколько десятков километров. Их было хорошо видно в любую погоду, конечно, только если не было тумана. На востоке, верстах в двадцати от лагеря, находилась река. Хунхар ожидал удара с воды, поэтому держался подальше от реки.

Через пятнадцать минут после ужина костры у палаток начали тушить. Оставляли по одному костру на пять палаток, чтобы лагерь не погрузился в полную тьму, а утром можно было быстрее разжечь новые костры и приготовить пищу. Когда шум над этим городом из палаток, шатров и телег стих, и только желтый мягкий свет небольших костров освещал импровизированные улицы, имперским солдатам, отобранным в отдельный отряд для первой атаки, этот вражеский лагерь даже мог бы показаться красивым, если не знать, что это лагерь жестокого врага. Было условлено, что как только в лагере поднимется шум, что означало обнаружение ударного отряда, в бой тут же вступает остальная армия.

Для скрытой атаки отобрали самых лучших бойцов, отлично владевших клинком и рукопашным боем. Как император и приказал, всех их отобрали из его личной охраны и нескольких гвардейских драм. Вооружили их также соответственно задачам, которые перед ними стояли: короткими мечами, ножами для метания, небольшими железными пластинами, в форме звёзд, с острыми углами, тоже для метания, удавками и трубками, для духовой стрельбы отравленными иглами. Словом, всем тем, что позволяет лишить человека жизни как можно тише. Гизлем Младший хотел отправиться вместе с этим отрядом, но Владар запретил ему. Будут ещё битвы, где гибор сможет показать свою храбрость. Гибор, император и многие другие военачальники смотрели на освещённый двумя ночными светилами, звёздами и яркими точками костров палаточный лагерь и пытались угадать, что там сейчас происходит. Разглядеть они ничего не могли, поэтому им оставалось лишь молча смотреть на лагерь.

Убийцы работали хорошо. Тихо, убрав часовых, они переходили от палатки к палатке. Полторы тысячи человек разносили по лагерю смерть. С максимальной осторожностью они зачищали всё новые участки лагеря. Они не знали, когда их заметят, но не сомневались, что это может произойти очень скоро, в любую минуту. Обнаружение одного убийцы неизбежно влекло обнаружение всех остальных. Поэтому они спешили, нанести как можно более тяжёлый урон врагу. Сам отряд атаки разбили на пятнадцать групп, по сто человек, так они одновременно работали в разных участках лагеря. Так у врага должно было сложиться впечатление, что в лагерь проникли гораздо больше, чем полторы тысячи человек. Так и произошло. Но десять минут полторы тысячи человек безнаказанно убивали вражеских солдат. После битвы подсчитали, что так удалось убить около пяти тысяч человек. Для всей массы орды кочевников, это было немного, но сам факт успеха такого нападения деморализовал кочевников. Какой-то молодой номад полез в палатку к своим приятелям. Ему за ужином загадали загадку, он никак не мог её разгадать, остался у костра, подумать. Он так и не справился с ней, даже сон совсем пропал. Это разозлило кочевника и он решил силой выяснить ответ у тех, кто лишил его покоя, задав такую головоломку. Однако ответа он так и не узнал, нашёл всех троих своих товарищей с перерезанными глотками. Через минуту его самого зарезали, но он успел поднять тревогу. Проснувшиеся солдаты начали выбегать из своих палаток и больших шатров, то там, то здесь обнаруживали тела убитых товарищей. Конечно, сразу нашли и убийц. Те подо-

жгли несколько десятков палаток и в лагере начался пожар. Огонь послужил сигналом к атаке основным имперским силам. Без промедления имперские отряды понеслись вниз по склонам к вражескому лагерю. Император приказал не щадить никого, убивать любого неприятеля, что попадётся на пути. Дети степей и пустынь были ошеломлены. Внезапность атаки и ночное время удесятирили реальное количество атакующих в глазах атакованных. Однако же кочевники бились как львы. Не подвели и халгариды, которые сумели спасти Хунхара от плена, но спасти его роскошный шатёр со всем, что в нём было, от огня так и не смогли. Имперские войска до рассвета гнали и истребляли врага. Разгром был полный. Король номадов отступил к Парсонтару, где были оставлены отряды, собранные в степях и пустынях уже во время войны.

Император, верхом на лошади, вернувшись после преследования врагов в лагерь неприятеля, бывший теперь большим пепелищем, уставший, но счастливый, приказывал писарям-жрецам:

– Шлите священные грамоты в Тарин, Сариат, Бэлду, шлите священные грамоты жителям столицы, в Галиар, в Верховный Синклит Империи. Шлите во все города Империи. Сефер подарил нам победу. Пусть всем будет известно, что враг разбит! Каттавы да не устают возносить благодарности Сеферу, сочинившему нашу победу.

И во все концы Империи поскакали гонцы со священными письмами, сообщающими о победе. Несмотря на огромные размеры страны, во всех её концах радовались так, будто победа была одержана не в Западных провинциях, а во всей державе. Это единство было силой и богатством Империи. Государь отправился дальше, к Парсонтару, чтобы отбить город и добить врага, прогнать с территории его государства. За своим повелителем следовали новые отряды имперской армии.

Глава 13. Беседа

Ялган Маязимский снова пил вино. Он любил вино, особенно приправленное корицей. Он был крупным владельцем виноградников и такая любовь вполне была объяснима. Первый виноградник ему подарил отец на шестнадцатилетие. Подарок был необычным, но отец зераклита, Коллак Маязимский умел удивлять и любил удивлять. Таким подарком он смог заинтересовать сына торговлей, как самим виноградом, так и вином. Это позволило будущему члену Верховного Синклита Империи стать знатоком винна, что не раз сыграло ему хорошую службу, когда он заводил первые знакомства среди имперской знати в столице и прокладывал себе путь в Синклит. Но Ялган думал не об этом. В тот день в Синклите торжественно объявили о победе императора над врагом. Все восприняли эту весть с воодушевлением. Почти все. Ялган по поводу этой победы испытывал смешанные чувства. Победа сохраняла Империю, её богатства, культуру, народы. Это было важно для Ялгана, как для жителя Империи, человека богатого, предприимчивого. Поражения его страны не делали его богаче. Если бы Тарин попал в руки к врагу, то денежные реки Ялгана стали бы уже. В Тарине, как и во многих других крупных городах Империи, было немало торговых магазинов и лавок, принадлежавших Ялгану. С другой стороны, победа укрепляла Императора, его авторитет и власть, и без того слишком сильные и мало ограниченные. В таких раздумьях его застал слуга, который сообщил, что приехал господин Наилэр.

– Пускай входит. И принеси мне ещё кувшин вина с корицей, фруктов и медового печенья, тарелку кремowego сладкого сыра и белых пшеничных лепёшек. – хозяин дома встал с кресла и пошёл встречать гостя. – Рад видеть вас, Наилэр! Вы будто знали, что мне в этот час грустно и нужна дружеская поддержка. – Хозяин радушно обнял гостя.

– Дорогой Ялган, мы с Вами давно не общались, о многом нужно переговорить. Признаюсь, хотел зайти к Вам ещё недели две назад, да всё дела. Честно говоря, и не рассчитывал застать Вас в одиночестве. Был уверен, что застаю у Вас некоторых зераклитов, бурно обсуждающих последние вести из Тарина.

В ответ Ялган только махнул рукой:

– Некоторые, как вы сказали, из зераклитов, слишком глупы, чтобы обсуждать такие вещи. Едва не все отправились на торжественную службу Сеферу в Главный храм Галиара. Её отправляет сам прокоэн. Переписывают благодарственные гимны.

– А Вы что же? Почему не пошли? На это могут обратить внимание. Не бойтесь криво-толков и косых взглядов?

– Ну что Вы! С мой больным желудком? Разве можно человека упрекать в слабом здоровье? Никак не могу пойти. – Хозяин дома широко улыбнулся и развёл руками.

– Тогда за Ваше здоровье! Наверняка этот напиток крепит. – Наилэр взял принесённый ему кубок и сделал несколько больших глотков. – Отличное вино!

– Спасибо. Вино куда лучше и слаще, чем та судьба, что ждёт нас, если государь и дальше будет побеждать. А если он сумеет подчинить кочевые племена и степи Империи, распространить на них свою власть, то это вознесёт его так высоко, что нам, зераклитам, даже говорить о какой-то власти будет не нужно. Зачем разговаривать о несбыточном?

Наилэр всем своим видом показывал глубокое сочувствие Ялгану.

– С нашей прошлой беседы ничего не изменилось. Моя позиция лишь укрепилась. Имею ввиду тот вопрос, что мы обсуждали. Думаю, ничего страшного не будет, если мы переговорим о действиях, которые позволят передать власть в Вашем государстве тем, кто её действительно заслуживает.

– Я благодарен Вам за помощь, но скажите, почему вы так настойчиво стремитесь мне помочь?

– Дорогой друг, я стремлюсь помочь не вам. Надеюсь, эти слова Вас не обидели. Я стремлюсь помочь Вашей стране. Разве не об этом мы говорили в прошлый раз? Я вижу много несправедливости в Империи и знаю, что только вы и ваши единомышленники можете с нею бороться. Несправедливость и кривда ненавистны Вам как и мне. Ведь есть много способов сделать жизнь населения Империи лучше. Например, если бы ввести некоторые новые правила в торговле, это позволило бы сделать богаче и Вашу и мою страну. Но Император ничего такого делать не будет. Здесь речь идёт о взаимной выгоде.

– Я Вам верю. Я тоже искренне хочу сделать жизнь в Империи лучше, принести больше свободы людям. Всем, от аристократии до крестьян. А Владар действительно ничего такого делать не будет.

– Уверен, у Вас всё получится. По вашим глазам это видно. Не считите за нескромность, но я ещё налью себе вина. Вот так. Спасибо. Действительно, одно из лучших вин в Галиаре. Теперь можно и поговорить конкретно о деле. Есть ли у Вас какой-либо план действий?

– У меня нет никакого плана. Со времени нашего последнего разговора, я всё был занят, то своими делами, связанными с торговлей, то государственными делами, работой в Верховном Синклите. Есть лишь одна конкретная мысль, согласно ей император должен быть низложен, монархия упразднена Верховным Синклитом Империи, как угроза дальнейшему свободному развитию государства. Упор нужно делать на народовластие. Люди, которые живут на земле, будут нею и управлять. У кормила Империи станет Верховный Синклит. Он будет единственным высшим государственным органом. Будет принимать законы, следить за их исполнением и наказывать за неисполнение. Но это лишь общие соображения.

Наилэр улыбнулся и покивал головой.

– Вижу, мы с Вами начинаем доброе дело. Я немного размышлял над нашей беседой и, с вашего позволения, я хочу предложить Вам следующий план. В начале нам следует очернить фигуру императора перед жителями Империи. Люди охотно верят слухам и так же охотно их распространяют. Наша задача будет настойчиво их поддерживать. Слухи могут быть самыми разными, начиная от обвинений в огромных взятках и воровстве, процветающем в окружении государя, до страшных и гнусных оргий, которые происходят в его дворцах. Раствление малолетних, грех с животными, здесь всё сойдёт. Для большего правдоподобия найдём нескольких

свидетелей воровства и обиженных участников оргий, которые заговорили, потому что о них забыли, не заплатили или обошлись уж совсем плохо. Такие смельчаки, которых не удалось запугать. Сделаем из них героев. В слухах важно ещё то, что они как снежный ком растут, когда переходят от человека к человеку. Можно рассказать о какой-то нелепице, которая со временем превратится в чудовищную ложь. Самое главное, что ложь эта действительно будто родится сама по себе. Можно будет сколько угодно искать того, кто её придумал, но такие поиски окажутся бесполезными.

– А не слишком это будет? Скажем, у женщин император и так пользуется популярностью, хотя о его личной жизни не известно ничего. О его ненависти к воровству и взяткам едва не слагают легенды. Здесь будет трудно что-то изменить.

– Мой друг, чем святее кажется человек, тем больше хочется в него плюнуть! Кроме того, у него ведь есть окружение, приближённые, так сказать, ближний круг. Туда входят люди выдающиеся, но не святые, об этом тоже следует помнить и не упускать из виду. У нас с вами очень благая цель, неужели Вы перед чем-либо остановитесь, двигаясь к ней?

Ялган вздохнул.

– Нет, таких преград быть не должно. Вы правы. – Теперь зераклит выглядел решительнее.

– Потомки будут Вам благодарны, а об этих спорных моментах нашей борьбы, никто не узнает. Чтобы тень не падала на Ваше честное имя, я готов поручить некоторые дела своим верным людям.

– Признаюсь, Ваша доброта и участие оказались для меня неожиданностью. Просить Вас о помощи я бы не отважился, но отказываться не буду. Мы ещё обговорим Ваше возможное участие. То есть, не Ваше, а Ваших людей. Каков дальнейший план?

– После того, как слухи наводнят столицу и окрестности, нужно будет создать дефицит продуктов в Галиаре, повысить цены. Спекулянты сделают это в лучшем виде, и просить не нужно, только намекните. Словом, нужно будет сделать так, чтобы люди были недовольны и искали виновного в своих бедах. Мы организовываем беспорядки, заставляем горожан выйти на улицы Галиара. Они даже могут начать громить здания, торговые лавки, просто дома богатей-сторонников императора. Тут же Синклит создаёт свою армию и свою городскую стражу, которые подчиняются только ему, для устранения беспорядков. Ведь императора в городе нет, а сил городской стражи недостаточно. Кроме того, народ сопротивляется городской страже, действующей от имени императора, чтобы не привести к большому кровопролитию, Синклит создаёт новые отряды. Эти отряды даже стоит создать заранее, сделать так, чтобы они тоже принимали участие в беспорядках. Просто в один момент станут защитой порядка, народа и опорой Синклита. Виновным во всех бедах Империи будет объявлен Владар. Вернее, народ сам его объявит виновным. Синклит Империи, ввиду чрезвычайной опасности для дальнейшего существования государства примет власть. Думаю, будет вполне справедливо, если первым зераклитом, главой Синклита станет Ялган Маязимский. Вы первый, кто не побоялся перейти от слов к делу. Первый, кто заговорил о том, о чём многие боялись даже думать. Но это я вам рассказал сейчас то, что просто пришло в голову, экспромт. Действия могут меняться или носить совершенно иной характер. – тут Наилэр замолчал. Ялган ничего не отвечал. Было не ясно, слышал ли он вообще слова своего собеседника, или его больше привлекал узор ковра на полу.

– Ваши слова, Наилэр, золотом записывать на лучшей коже. Харфал, начальник гарнизона Галиара, который сейчас, в отсутствие императора является главой столицы и столичной провинции, искренне предан Владару, то же можно сказать и о начальнике городской стражи. Боюсь, они арестуют Синклит, как только догадаются, что происходит.

– Значит, нужно сделать так, чтобы они об этом не догадались. Даже если им станет известно о наших планах, думаю, у зераклитов будет достаточно денег, чтобы создать свою

армию из наёмников. Более того, ввиду нашей дружбы, я бы тоже не остался в стороне. Мог бы занять вам денег на создание таких отрядов.

– Хорошо, но сейчас император популярен, он разбил врага, освобождает захваченные ранее врагом территории. Кто знает, может, он ещё новые земли присоединит. Сможем ли мы сейчас очернить его в глазах жителей Галиара? Может, лучше подождать?

– Милый мой Ялган, Вы меня удивляете. Вы предлагаете подождать, пока Владар победоносно, с триумфом въедет в столицу. Тогда Вы точно можете надолго забыть о возможности что-то поменять. Очернить можно любого, очень быстро, главное – задаться такой целью. О его победах будем говорить, что он вершит победы для своей славы, а не для Империи, печется о своём благе, а не о благе народа и достигаются победы не руками Владара, а руками его сподвижников, которых он совсем не ценит. Вам это кажется неправдой, но многие поверят, будьте спокойны. Делать задуманное нами нужно сейчас, пока Владара нет в столице. Сейчас самый подходящий момент. Другого такого может просто не быть. Вы не думали, что вы и ваши сподвижники, своего рода избранные, потому что Сефер наделил вас силами и умением, вдохнул в вас тягу к таким свершениям?

Ялган задумался, улыбнулся.

– Пожалуй. Но у меня всё равно есть вопросы.

– Задавайте не медля. Почту за честь ответить, либо мы вместе найдём ответ.

– Хорошо. Власть в столице примет Верховный Синклит Империи. Я почти не сомневаюсь, что в провинциях народа Империи собрания провинций признают такой переход власти. Но что делать с провинциями императора? Вам известно, там находятся его наместники. При них, конечно, тоже есть собрания провинций, но никакой роли, фактически, они не играют.

– Мой дорогой друг, вы меня снова удивляете. Я скоро начну думать, что Вам не нужны те преобразования, что мы оба тут обсуждаем, которыми хотим улучшить быт этой прекрасной страны. Вы более ищите причин, чтобы отказаться, чем причин, чтобы не оглядываясь идти до конца. Хотя, Ваши опасения вполне понятны и не подумайте, что я Вас осуждаю. Отвечу, что Вы знаете сами, сейчас многие из наместников императорских провинций находятся вместе с ним, далеко от подвластных им территорий. Они оставили временных управляющих вместо себя, но не думаю, что эти управляющие обладают таким же авторитетом как те, кто их оставил вместо себя. Хотя, конечно, пустым местом их тоже считать нельзя. Соппротивление с их стороны знати и богатейшим купцам, земледержателям, будет сравнительно легко подавить.

– Да, Наилэр. Сам Сефер послал Вас мне в эту трудную минуту. Теперь противостояние с императором в нынешних условиях не кажется мне безнадёжным. Многие зераклиты Верховного Синклита Империи и зераклиты провинциальных народных Собраний сейчас тоже на войне. Уехали наиболее преданные, лояльные по отношению к Владару, люди. Тем вернее Собрания и Синклит поддержат наше выступление.

– Неужели мне удалось вселить в Вас надежду? – небольшим ножом Наилэр нарезал персик и ел его, долька за долькой, будто речь шла не о захвате власти в обширнейшей в Арече стране, а о сделке по торговле овощами.

– Почти. Во всём вашем стройном рассказе есть одна деталь. – После этих слов посол улыбнулся и немного наклонил голову вперёд. – Кажется, Вы сами ждали этого вопроса. Я хочу спросить об армии. Армия фанатично предана Владару. На смотрах войск иногда создаётся впечатление, что император для солдат, едва ли не нечто вроде божества. Пока у него в руках армия, я не могу быть до конца уверенным в благополучном исходе нашего дела. Армия раздавит нас. А нам ещё после свержения Владара нужно будет воевать с кочевниками. Так что мы рискуем быть убитыми как сторонниками императора, так и внешним врагом, номадами. Эта задача кажется мне более сложной, чем захват власти в столице Империи и центрах провинций. Конечно, мы создадим свою армию, пускай частью из наёмников, частью из искренне

преданных нам людей, но я сомневаюсь, что она по качеству не будет уступать армии императора. А воевать против Владара и номадов одновременно... – зераклит не закончил фразу.

– Понимаю Вашу обеспокоенность, почтеннейший Ялган. Я тоже думал над этой проблемой. Признаюсь, на мой взгляд, это честь для любого властелина иметь столь преданную армию. И Вы беспокоитесь не по пустому поводу. Это действительно, самая трудная задача из тех, что перед нами стоят. Но везде есть изъян. Надо только его увидеть.

– Простите, Наилэр. Позвольте, я объясню, как я понял Вашу мысль. Я не дипломат, моё поприще – торговля, хотя генеалогия моя включает многих людей, талантливых и в других областях, в дипломатии в том числе. Да и торговля, в принципе, имеет много общего с дипломатией. Вы имеете ввиду, что среди высшего дворянства, знати, которая находится сейчас рядом с императором, нам нужно найти предателя?

– Ялган, что за слово! «Предатель»! Разве мы можем сотрудничать с предателем? Лично я – никогда. Думаю, Вы тоже. Это должен быть сочувствующий нам человек, единомышленник, которого Синклит, после получения власти, отблагодарит как следует, по достоинству. Хотя для сторонников императора, конечно, такой человек будет предателем, иначе они его называть не будут.

– Боюсь, Вы плохо представляете себе окружение императора. Я не могу назвать ни одного имени человека, с которым можно было бы связать надежды на участие в отстранении императора от власти. К тому же, у нас не будет возможности сделать ошибку в выборе, если мы ещё отважимся делать такое предложение. Пока я не намерен произносить вслух такие речи, только при Вас, в качестве исключения. Если наш агент предложит участвовать в заговоре кому-нибудь из военной знати, нас схватят очень быстро. Вас, благодаря Вашему статусу посла, не повесят, как меня, на центральной площади Галиара, площади Империи, подобно простолюдину. Думаю, Вас отравят или зарежут, в любом случае скажут, что Вы себя убили. Вам тоже не выбраться живым не то что из Империи, даже из города. – Ялган всё больше распалялся, пока произносил эту речь. Он ходил по комнате, говорил громким шёпотом. Ещё немного и он потеряет всякую осторожность, начнёт говорить громко. Так громко, что их точно услышат. – И даже если мы найдём сочувствующего нам человека, как вы его назвали, что дальше? Арестовать Владара он не сможет, это исключено. Для этого нужно, чтобы сторонники императора среди военных остались в меньшинстве, чего не будет. Убить императора? Тоже не понимаю, что будет дальше?

– Да, всё, что Вы говорите – правда. Одна правда. Есть ещё другая – если Вы не понимаете, как чего-либо достичь, то Вы либо мало над этим размышляли, либо просто не хотите получить то, к чему стремитесь. Избавьте меня от повторения Вам этой истины, дорогой Ялган. Не всё в окружении Владара так идеально. Есть человек, который, я уверен, нам поможет.

– Интересно узнать имя. Заранее прошу извинить меня, если не удержусь от улыбки или даже смеха.

– Двоюродный брат Владара, князь императорской крови Галсаф.

– Ваши аргументы?

– Несколько лет назад ходили слухи при дворе о ссоре императора с князем Галсафом.

– Слышал. И что? Об этом много говорили. Придворные любят такие темы. Но только слухи.

– А мне удалось разузнать вполне конкретные вещи. Ссора действительно была. Из-за любви Гласафа к роскоши и шумным пирам. Ладно бы он просто гулял, а то ведь гуляет так, что об этом складывают легенды. Конечно, император обвинил его в непомерных тратах, дурном поведении, недостойном даже обычного человека, не говоря уже о человеке, в чьих жилах течёт императорская кровь. Кроме того, Галсаф иногда играет в кости. На большие суммы денег. Очень большие суммы денег.

– Охотно верю. Пир у Галсафа были поистине сказочными. Я даже как-то побывал на одном. Ни до, ни после я ничего похожего не видел. Если уж мы об этом заговорили, то скажу ещё, что князь будто устраивал время от времени пиры для узкого круга лиц. Там программа была, как говорят, насыщеннее, чем обычно. Разнообразнее. Гостей угощали как отменными блюдами, так и лучшими блудницами столицы. Якобы в благодарность за одну ночь такой мастерице могли подарить целое имение. Но как-то внезапно разговоры о пирах прекратились.

– Нет дыма без огня. Все эти слухи – правда. Пир действительно происходили. Как большие, так и те, что поменьше. Самое удивительное, император обо всём этом знал и терпел, до поры. А именно до той поры, пока сумма долгов Галсафа не стала превышать стоимость всех его дворцов и угодий. Фантастическая цифра, понимаете?

– Ха! Понимаю. – Ялган развалился в кресле, пытаясь представить себе эту астрономическую сумму.

– И вот однажды, князь Галсаф пришёл к Владару просить денег. Конечно он обещался их отдать, плёл что-то о скорой прибыли, о том, что больше просить не будет, что это в последний раз и так далее. Похоже, никто больше ему денег занимать не хотел. Вот он и пошёл к брату, хотя не мог не понимать, как рискует. И действительно. Владар был страшно взбешён. Осыпал родственника бранью, назвал «позором семьи», это при том, что Владар обычно – само спокойствие. Запретил ему устраивать празднества. Отобрал большую часть имений. Оставил два.

– Да, оба под Галиаром, насколько я знаю.

– Именно, недалеко от города, чтобы Галсаф был под присмотром. Но это не важно. Важно то, что Владар всё же рассчитался с долгами двоюродного брата. Установил за ним наблюдение, чтобы тот не вздумал устраивать что-нибудь в тайне от императора. Теперь самое интересное. Князь Галсаф, вместо того, чтобы отблагодарить спасителя, посчитал, что его незаконно обобрали, а двоюродный брат – деспот и тиран.

– Да, Галсаф гордый человек. Такой скорее умрёт, чем признает свою неправоту или слабость.

– Он очень гордый человек. И ещё во власти страстей. Вместо благодарности за избавление от долгов в нём проснулись гнев и обида. Однако у него остались несколько верных друзей из знати и военачальников. Неправду говорят, что друзья в попойках не бывают настоящими друзьями. Иногда они очень верные друзья. Думаю, князь Галсаф – тот человек, который нам нужен.

– Не могу спорить. Очень похоже на правду. Но откуда Вы знаете все эти подробности?

– Мой дорогой друг! Ялган, вы знаете, что нас очень часто окружают люди невидимки? Я не говорю о слуховых отверстиях в стенах комнат, глазах в картинах и стенных росписях, о дверных щелях. За Вами могут наблюдать, даже когда Вам и в голову это не придёт. Это просто. Невидимки – это слуги. Такие надёжные слуги, что по многу лет трудятся в домах своих хозяев. Вы не задумывались, откуда появляется вино в вашем бокале, фрукты на блюде, кто правит каретой, в которой вы спите? Кто нагревает Вашу постель? Вы их очень редко замечаете, если вообще, замечаете. Но они есть, они слышат и видят куда больше, чем может показаться. Вы их не замечаете, но они очень хорошо всё замечают. Вот от них я всё знаю. Будьте внимательны с ними. Вы заметили, что слуга три раза заглядывал в комнату справиться, всё ли у нас в порядке.

– Вообще это странно, слуги ждут, когда их позовут.

– Согласен. Проверьте этого человека. Вообще странно, что ему даже позволили сюда заходить без приглашения. Но вы его заметили?

– Нет.

– И это нормально. Их никто не замечает.

– Наилэр, я слышал, что вы опасный человек, но не знал, что на столько. Скажите, Вы и обо мне что-нибудь интересное знаете?

– Это не важно. – Коротко и с улыбкой ответил посол. – Просто обращайтесь внимание на таких невидимок.

Ялган решил вернуться к князю, двоюродному брату императора.

– Хорошо, будем делать ставку на Галсафа. Можно будет предложить ему достойное вознаграждение. За сочувствие к нам и помощь. Он мог бы при всех обвинить императора в стремлении узурпировать власть, излишнем властолюбии, желании разогнать Верховный Синклит Империи, в желании Владара оставить рядом с собой лишь небольшую группу верных, преданных лично ему людей, а тех, кто ему не симпатичен, сослать в самые далёкие уголки Империи. А лучше, пускай он говорит об всём этом скрыто. Мы даже сделаем подложные письма, которые он предъявит стратигам, командующим легионами и комитам провинций.

– Наконец, дорогой зераклит, Вы тоже начали делать предложения! А я решил, что вы специально выбрали роль возражающего. Ваша идея неплоха, но что-то мне в ней не нравится. Нужно ещё подумать. Простите, уже достаточно поздно.

Ялган посмотрел в окно.

– Судя по небу, скоро рассветёт. Я бы даже сказал, что уже раннее утро. Самое начало утренних сумерек.

– Тем более, нужно немного отдохнуть. А потом – за дело, нельзя терять времени. Настоятельно рекомендую Вам завтра же начать переговоры с другими зераклитами. Время сейчас на стороне императора.

– Да. Поэтому, прошу Вас, заезжайте завтра в два часа по полудню ко мне.

– Благодарю за приглашение, но, думаю, будет полезнее и правильнее, если в начале этого непростого пути Вы сами отправитесь к своим коллегам. Я не хочу, чтобы они думали, что это я Вас надумил так действовать. Но уже сейчас вы можете полностью рассчитывать на любую поддержку с моей стороны. Возможно, было бы полезно, чтобы Вы не упоминали и моего имени в разговорах с другими зераклитами.

– Как всегда, ваши слова не лишены смысла. Ждите известий от меня.

Хозяин проводил гостя и остался один. Было почти утро, разговор утомил зераклита, но в голове были сотни мыслей и спать не хотелось. Однако усталость давала о себе знать. Ялган глядел в окно, на зарю нового дня и размышлял о словах Наилэра, о его просьбе не упоминать о нём в разговорах с другими зераклитами. Впечатлила осведомлённость гостя о скандалах, что тщательно скрывали при дворе. Уж от придворных сплетников, казалось, не могли ускользнуть ни один даже самый незначительный скандал или сплетня. «А нет ли здесь выгоды Наилэру? Зачем он нам, мне так усердно, упорно помогает? Впрочем, какая разница? Жизнь в Союзе торговых городов лучше, чем в Империи. Почему бы не поверить в то, что он просто искренне хочет помочь? Я же искренен в своём делании, убеждён в правоте. Может, он поможет сделать жизнь людей в Империи похожей на жизнь живущих в Свободных городах?» Тут усталость стала одолевать его и Ялган отправился спать. Прошедший день он считал приятным и полезным, поэтому уснул быстро.

Глава 14. Сариат и Наппар

Сариат был достаточно молодым городом, ему было около трёх сотен лет. Но молодость не мешала за короткое время скопить большие богатства. В горах рядом с городом находятся золотые копи. Часть их принадлежит императору, часть купцам, таким как Аран из Наппара. Добытое золото обрабатывают в Сариате. Обилие этого материала привлекает ювелиров и на всю Империю славятся драгоценности Сариатских мастеров. Ещё одной особенностью города было обилие деревянных построек. Двух-, трёх- и даже четырёхэтажные дома из дерева были основным видом зданий в Сариате. С основанием города связана легенда. Первые поселенцы были выходцами из Таираса, решившие покинуть родной город и искать лучшей судьбы за Высокими горами. Кто-то предложил название «Сариат» для нового города, потому что по другую сторону Высоких гор, примерно напротив Сариата стоит Таирас. Получался город, про-

тивоположный Таирасу. Можно было говорить о негласном соперничестве двух городов, которое начал именно Сариат, желая превзойти близкого, и в то же время далёкого, из-за горного хребта, соседа. Наар и раньше слышал об этом городе, но не думал, что когда-либо ему придётся там побывать.

Пройдя через большие городские ворота, путники вошли в город, сразу расположивший к себе широкими чистыми улицами. Кое-где, конечно, лежал лошадиный навоз, но на это можно было не обращать внимания. К тому же навоз быстро убирали. Освещение было устроено достаточно искусно. Стакан с маслом, в который был погружен горящий фитиль, был закрыт прозрачным стеклом лишь с одной стороны. Три другие стенки были зеркалами. Стенка из стекла была больше, чем остальные три, поэтому получался мощный фонарь. Он не освещал пространство вокруг, только половину пространства около себя, но очень ярко.

– Кавэд, посмотри, какие яркие фонари. У нас так ярко не светят! – удивлялся Наар.

– Я могу ошибиться, но по-моему, дело в жире, который местные используют для ламп. Об этом написано в одном из Описаний Империи, что я переписывал в скиту. В Сариате для этого специальную породу овец вывели, с особым курдючным жиром. Получают достаточно света при малом количестве фонарей. Но эту породу они берегут как самые редкие ювелирные украшения. Потому что торгуют маслом как монополисты. Это право им подтвердил сам Император. – Кавэд хотел ещё что-то сказать, но Наар его перебил.

– Друг, спасибо. Но хватит о масле рассказывать. Лучше посмотри, что тут на прилавках лежит. – Кавэд будто немного обиделся на друга, но сам почти сразу отвлёкся на товары, что разложили на своих прилавках местные торговцы и забыл об удивительном жире овец Сариата.

Друзья проходили мимо торговых рядов с тканями: шелка, парча, хлопок, льняные ткани, шерсть, газ всего было в изобилии. Дальше растянулись ряды стекольщиков: кувшины, тарелки, стаканы, вазы обычные, вазы для свечей. То есть такие, внутрь которых можно вставить свечу и комната украсится разными тенями. Можно было докупить тени, вырезанные из бумаги, или вырезать их самому, так что тени можно было менять едва не каждый вечер, была бы фантазия. Везде на рынке было огромное количество народа.

– Дааа... – протяжно сказал юноша, рассматривая большую кружку для пива, чеканную, с фигурками пирующих. Были проработаны столь мелкие детали, что казалось, будто силуэты лишь застыли на время и когда Наар поставит кружку на место, они продолжат веселиться. – Я бы здесь задержался, будь у нас время. Здесь, как вижу, угроза номадов никого не беспокоит. По крайней мере, вид у прохожих весьма беспечный.

Мимо шли толпы людей, по которым никак нельзя было сказать, что недалеко, столица соседней провинции, Тарин, готовится к осаде. Объяснялось это как большим расстоянием между городами и тем, что в Сариате вообще никогда не знали войны и свято верили в несокрушимую мощь Империи, так что любые боевые неудачи воспринимались как недоразумения и явление временное.

– Меня больше беспокоит вопрос о том, где мы будем ночевать сегодня. Здесь всегда такая толчея или это только по случаю нашего приезда? Интересно, в гостиницах есть места?

– Не всё ли равно? Лучше гулять по городу, ночлег будем искать, когда станет совсем поздно. Мы же можем больше никогда здесь не побывать. Пользуйся случаем!

Кавэд что-то буркнул в ответ неразборчивое, друзья пошли осматривать город. Во время прогулки заметили гостиницу, куда и вернулись поздно ночью, к тому времени все лавки закрылись и даже из кабаков и таверн открытыми оставались лишь самые сомнительные заведения. В гостинице места были, но только на чердаке. После ночи в санях, бега от пауков и огромного ворона, почти десятичасового пешего путешествия и нескольких часов прогулок по Сариату в городской толчее, путешественники были рады и такому ночлегу.

Завтракали постояльцы на первом этаже. Три длинных деревянных стола с лавками были всей немногой мебелью, стоявшей в столовой. Тарелки были не у всех, в столах были сде-

ланы углубления, в которые и накладывали еду. Обьедки оставляли на столе, потом младшая кухарка сгребала в ведро для помоев. Стол был засален, постояльцы видом и повадками напоминали то ли узников, то ли жестокую дикую банду разбойников, и участвовать в общей трапезе писцам никак не хотелось. Каттавы взяли по чашке чая на травах и уселись в углу, прямо на устланном соломой полу, благо у них оставалось много припасов, полученных от Уадура. Им казалось, что на них косятся. Однако только казалось. Даже запах их закусок, которыми они себя потчивали, не мог пробиться через толщу плотного тяжёлого духа, заполнившего первый этаж гостиницы. Вдруг вбежал какой-то человек, очень возбуждённый, он размахивал руками и едва не подпрыгивал на месте.

– Победа! Номады разбиты! Императорская армия с Владаром во главе четыре дня назад разбили врага! Только что из Тарина прибыл гонец. Кочевники отступили к Парсонтару, император их преследует. Скоро враг будет изгнан из Империи! – так друзья узнали о победе под Тарином. Все кругом ликовали. Путешественники даже немного удивились такой радости. Вчера им показалось, что до войны здесь никому дела нет. Когда первые эмоции улеглись, Наар задумался.

– Как считаешь, – обратился он к монаху. – Мне всё ещё необходимо идти к Белому побережью? Или я могу вернуться в Таирас?

– Понимаешь, одна победа, первая победа – это много. Но это только начало. Я не знаю, никто не знает, когда угодно Сэферу написать строки о взятии твоего чудесного города нашим императором. Да и разве забыл ты о тех спутниках, что сопровождали нас в Высоких горах? Я не о каменных псах, ты понял. И паукам, и ворону, явно нужен был ты. Наверняка вместе с рукописью. Что это были за чудовища – мы не знаем. То, что они не напали на нас по дороге в Сариаат – милость Сефера, не иначе. Но что нас, тебя ждёт в будущем – я не знаю. Ты сам поймёшь, что можешь вернуться, когда придёт время. И тогда сомнений не будет. Сейчас возвращаться ещё рано. Мне так кажется.

– Пожалуй, ты прав. Я это чувствую. Идём в Наппар. Надо спросить у хозяина гостиницы, как туда добраться.

Хозяин гостиницы, среднего роста полноватый мужчина в сером холщёвом переднике, льняной рубаше и нарукавниках, в таких же льняных штанах, с огромными волосатыми руками, бычьей шеей и короткими волосами на голове, не отрываясь от разливания тёплого эля по кружкам, ответил, что в Наппар следует добираться с торговыми караванами. Они выходят туда раз в три дня, утром. Сегодня как раз один вышел и если друзья поторопятся, смогут его нагнать. Но нужно быть осторожными, потому как караван везёт драгоценности и изделия из стекла, товары дорогие. Охрана сильная, но разбойники напасть, всё же, могут.

– Вы можете пойти и вдвоём, без каравана, но это ещё опаснее. – Мужчина продолжал суетиться у прилавка, разрезая куски солонины, извлечённые из бочки, стоявшей в подвале.

– Да у нас и брать нечего. Денег совсем немного. – здесь Наар почему-то начал лгать, хотя сам этого не хотел и ситуация к этому не вынуждала. Уадур дал им кроме еды большую сумму денег. – Если только одежду взять.

– Ну, могут и одежду взять. Могут рабом сделать. Но вы не переживайте. Некоторым удаётся добраться без приключений. – На этом разговор закончился, Наар и Кавэд отправились к городским воротам, желая нагнать караван.

– А что ты думаешь о нападениях на караваны? – Кавэд молчал, похоже, сам размышлял о разбойниках пустынь, потом решил узнать мнение друга.

– Нашёл кого спрашивать! Я что, в бандах когда бывал? А вообще, думаю, что сегодня или завтра это маловероятно. Скорее всего, на третий день пути. Максимально далеко от Сариаата и Наппара. Я надеюсь, что ничего такого не произойдёт.

– Я тоже очень на это надеюсь.

Остаток дороги шли молча. При быстрой ходьбе разговаривать много не получается. Два раза останавливались ненадолго передохнуть. К вечеру караван нагнали, но к тому времени уже начинали проклинать хозяина гостиницы, который посоветовал им такую погоню. С его слов получалось, что догнать караван большого труда не составит. Начальник каравана за несколько монет согласился принять друзей под свою опеку и они стали полноправными членами каравана. Ночлег прошёл в небольшом постоялом дворе, похожем, скорее, на крепость средних размеров, чем на временное пристанище путников. Путешественникам объяснили, что здание старое, относится к тем временам, когда здесь рыскали отряды разбойников куда большие, чем сейчас. Теперь такие укрепления служат скорее памятниками тем далёким временам, но иногда, все жё, их приходится использовать по назначению. Поэтому укрепления поддерживают в хорошем состоянии.

Ранним утром следующего дня караван продолжил путь. Охрана действительно была мощной: десяток кавалеристов, два десятка пехотинцев с мечами, два десятка лучников. Пехоту везли на телегах, по одной на десять человек. Кроме того, почти у каждого члена каравана было какое-то личное оружие. Пассажиры владели им в разной степени, но во время опасности человек часто обретает способности, о которых ранее не подозревал. Хорошая охрана стоила дорого, но убытки при грабеже каравана могли быть в разы больше, поэтому на охране купцы не экономили.

По дороге часто попадались одинокие путники, что удивило каттавов. Те путники были либо безумные, либо смельчаки, доказывавшие свою смелость. Зачем? Никто бы на это не ответил. Даже они сами. Несколько раз на встречу прошёл караван. Тоже большой, больше полусотни животных. Так прошёл второй день пути и начался третий. Кавэд вспомнил разговор с товарищем и решил спросить погонщика:

– А могут на нас сегодня напасть?

– Могут. – Погонщик, крепкий, загорелый мужчина средних лет, с чёрными курчавыми волосами и золотой серьгой в ухе отвечал, но всем своим видом выказывал безразличие. Было похоже, что он составляет один организм с бредущим под ним верблюдом. – Вчера могли напасть, завтра могут напасть. Здесь не угадаешь.

Кавэд заметил след от шрама на спине погонщика. Рубец от давней раны будто выполз на шею из-под одежды.

– А ты как думаешь?

– Я никак не думаю. Я погоняю верблюда. Если бы я весь путь думал о нападении или просто об опасностях путешествия, я бы с ума сошёл. Монах, переписывай алфавит. Будет больше пользы.

– Спасибо. – Кавэд оскорбился таким ответом. Ему показалось, погонщик ответил неоправданно грубо.

Третья ночь прошла в одной длинной каменной постройке, тоже бывшей укреплением. Там ютились люди и животные. Путешественники запомнили жуткий смрад, при котором никак нельзя было уснуть, пришлось спать на улице, благо позволяла погода.

Четвёртый день пути проходил спокойно. Друзья начали думать о дальнейшем маршруте, после Наппара.

– Слушай, – Кавэд хотел сказать что-то другу, но закончить мысль не успел. Один из погонщиков протрубил в сигнальный горн предупреждение об атаке на караван. Верблюдов сразу начали составлять в круг. Охранники рассредоточились для обороны. Всё делалось без паники, спокойно. Как если бы нападения ждали именно в этот момент и именно от этой банды. К каравану быстро приближалось облако пыли, в котором без труда можно было узнать отряд грабителей на конях. Лучники из числа охранников несколько раз выстрелили в атакующих, убив с десятков и ещё столько же ранив. Приблизившись, всадники метнули копья во врагов, некоторые начали стрельбу из луков. Всего их было около сотни или немного меньше. Одежда

была каким-то тряпьем, грязным и пёстрым. От них воняло потом, грязью и кровью. Во рту вместо зубов были гнилые пни и как они ими могли есть для Наара так и осталось загадкой. Лица в шрамах. Не люди, а порождение Малака. Погонщики и купцы тоже достали мечи, кто-то пращи, начали обороняться. Кто-то протянул меч юному каттаву.

– Сражайся! – Наару сунули в руки меч, но вместо того, чтобы пойти на врага, каттав сделал несколько шагов вглубь импровизированной крепости.

– Но я не умею! – юноша растерянно смотрел на погонщика, давшего ему меч.

– Это не мне объясняй, им! – крикнул погонщик и увидел, что приближается ещё человек двадцать пеших разбойников.

– Не жалейте сил, только отбейте нападение! Мы вознаградим Вас по чести! – кричали неистово купцы, чей товар вот-вот мог попасть в руки грабителей. Тут Кавэд, стоявший рядом, выхватил меч из рук своего мятущегося приятеля и бросился на нападающих, которые едва не опрокинули одну из телеги не разрушили укрепление. Убить он никого не смог, но само появление ещё одного бойца, пускай даже не очень сильного, помогло оборонявшимся сдерживать натиск врага на том участке обороны. Нападение длилось недолго, около четверти часа, обе стороны потеряли убитыми много людей, но нападавшие не смогли сходу овладеть караваном, а длительные бои разбойники не вели, они не регулярная армия, не имеют навыка продолжать длительную атаку. Если видят, что потенциальная жертва даёт отпор – бегут. В итоге бандиты были вынуждены отступить. В караване было около ста пятидесяти человек при семидесяти верблюдах и пятнадцать телег, которые тащили верблюды из числа тех семидесяти.

– Куда только смотрит Народный Синклит провинции? – негодовал высокий, крупный купец в плотном тёплом халате и красном колпаке на голове. – Такие нападения стали уже едва не нормой.

Ему ответил начальник охраны, ехавший рядом. Жилистый, но на первый взгляд хлипкий мужчина. Было в его чертах даже что-то женственное, хотя в характере и в поведении ничего женственного он не имел.

– Раньше нападений почти не было. Они участились в последний месяц из-за вторжения варваров на Запад Империи. Бандиты почувствовали, что они теперь не главная проблема и пользуются ослаблением внимания к себе. Но с каждым разом их нападения всё труднее отбивать. Их становится больше и они наглеют. – Мужчина произнёс фразу и вытер свой меч об одежду одного из нападавших. Сам её хозяин остался лежать на земле.

– То есть, вы хотите сказать, что они могут вернуться? – Кавэд не мог оставаться в стороне от такого разговора. Тем более, у него теперь было поцарапано плечо и он ощущал себя полноценным участником драки. Для себя монах решил, что принял боевое крещение, хотя сражался из необходимости, а не для бравады отвагой и посредственным владением оружием.

– Боюсь, что могут. – Ответил начальник охраны. – А ты, кстати, неплохо сражался, для монаха. Не ожидал.

– Ну, монахом я стал не сразу. – тут Кавэд замолчал, будто решал, добавить что-то к этим слова или нет. – Однако, особого успеха в боях на мечах не показывал никогда.

– Тогда это тем более неплохой результат! Немного потренироваться и ты будешь драться не хуже моих ребят. Они, конечно, не самые лучшие мечники в Империи, но тоже кое-что умеют. А ты, – Воин повернулся к Наару, – бери пример со своего друга.

Наару было очень неудобно. Хотел провалиться сквозь землю, ненавидел себя за трусость.

– Извините, не знаю, что на меня нашло.

– Ничего, бывает. Страшно каждый раз, но важно однажды сделать шаг вперёд. Тогда бой не покажется уже таким страшным. Меня зовут Кедир. Если хочешь, я покажу тебе пару приёмов атаки и защиты для меча. Простых, но эффективных. – На это предложение Наар согласился.

Так караван вновь выстроился в походный порядок и отправился в дальнейший путь. Задержка в пути составила несколько часов, из-за этого на место ночлега прибыли поздно ночью. Ночевали в огромном доме, разбитом на две половины, как и другие постоянные дворы, для животных и для людей. Этот дом был обнесён каменной стеной. Постоянно там находились пятнадцать человек. Перед сном Кедир, начальник охраны каравана, как и обещал, показал каттавам несколько приёмов фехтования на мечях. Охрану на ночь решили оставить усиленную, по сравнению с тем, какую оставляли обычно. Но бандиты второй раз не напали. Возможно, нашли более лёгкую добычу или просто решили больше не пытаться счастья. Проведя в дороге ещё шесть дней, караван, вечером десятого дня пути, как и было рассчитано, пришёл в Наппар.

Наппар, хоть и был центральным городом провинции, уступал по красоте многим другим городам Империи, даже не имевшим статуса столицы провинции. В сущности, в нём не было ничего примечательного. В добавок ко всему, недавнее землетрясение разрушило много городских построек. Некоторые здания восстанавливали, на месте других ещё высились развалины, камни, доски, брёвна. Среди этого мусора жили бездомные, крысы, бродячие собаки и кошки. Таких обитателей было немного, но они встречались. Городской пейзаж был грустным, но настрой наппарцев, их видимое трудолюбие, любовь к городу, который они восстанавливали – всё это делало пребывание в Наппаре приятным и даже радостным. Видя то, с каким воодушевлением трудятся люди, хотелось начать им помогать. Стать рядом и разбирать завалы.

– Что здесь произошло? – Наар обратился к Кедиру, а потом продолжил оглядываться по сторонам.

– Как? Неужели Высокие горы столь высоки, что до Оринтской провинции не доходят новости из-за другой стороны хребта? Совсем недавно, пару месяцев назад, здесь произошло одно из мощнейших землетрясений за всю историю Империи. Несколько десятков тысяч человек погибли. Говорят, что это Малак со своими тварями пытался подняться в этот мир. Я в такое объяснение не верю. Многие верят, а я не верю.

– Ну, не все должны верить тому, что написано. Хотя это было бы прекрасно. – Спокойно ответил юноша. Кедир, казалось, был немного удивлён таким ответом. Наар продолжил. – Конечно, каждый каттав хотел бы, чтобы все верили. Но заставить верить невозможно. Тем более, если такие люди сами по себе зла не делают, а делают добро от всего сердца, не потому, что боятся гнева Сефера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.